

Элайджа Леонтайн

Она рисовала судьбы

Элайджа Леонтайн

Она рисовала судьбы

«Автор»
2026

Леонтайн Э.

Она рисовала судьбы / Э. Леонтайн — «Автор», 2026

Студентка художественной академии Рита обнаруживает, что её картины способны менять человеческие судьбы. Но когда попытка переписать собственное будущее нарушает равновесие мира, девушке приходится выбирать между собственной жизнью и предназначением.

© Леонтайн Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

I. Случайный герой 5
II. По праву рождения 24
III. Всему свое время 49
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Элайджа Леонтайн
Она рисовала судьбы

I. Случайный герой

1.

Моя бабушка умерла год назад, а сегодня как ни в чем не бывало пекла блинчики на моей кухне. Запахи теста, жареных бананов и кофе тянулись до самого коридора, пробуждая забытые чувства комфорта и тепла. На негнущихся ногах я прошла на кухню и встала в проходе, разглядывая миниатюрную круглую фигурку самого близкого мне человека. Седые пряди, сменившие с годами жгучую медь, которая досталась мне от бабушки в наследство, выбивались из наспех собранного пучка, когда она деловито выкладывала готовые блины на фарфоровую тарелку. Бабушка всегда говорила, что еда приготовленная для членов семьи уже сама по себе праздник. Она была не из тех, кто прятал дорогой сервиз за стеклянными дверцами серванта или считал каждую ложку сахара. А еще у бабушки была странная привычка лечить все недуги от разбитого сердца до гриппа и ангины чашечкой крепкого кофе с кардамоном. И уж не знаю, было ли это самовнушением или кофе, сваренный в старой медной турке действительно обладал магическим свойствами, но бабушка практически никогда не болела и не теряла своего добродушного настроения. Пока однажды вечером просто не уснула с вязанием в руках, и так больше и не проснулась. Недовязанный носок в серо-зеленую полоску так и хранится у меня в ящике письменного стола. Как память.

Бабушка обернулась. В уголках глаз морщинки разошлись веером, а губы растянулись в тёплой улыбке. Сердце дрогнуло. Тут же в голове бессвязным ворохом возникли все, почерпнутые из фильмов и книг, возможные исходы событий: от доброго духа и проводника, до мстительной сущности и предзнаменования скорой кончины.

– Я умерла? — спросила, внезапно осипшим голосом. Бабушка рассмеялась и, встав на цыпочки, ловко достала мою чашку с верхней полки.

– Кофе будешь? А то ты бледненькая какая-то у меня.

– Ба? — не сводя глаз с родной фигуры, я боком протиснулась на кухню и села за стол. Передо мной тут же возникла чашка с кофе и неизменная миска с печеньем, которое я, черствое как камень, собственноручно вынесла на помойку несколько недель назад. Когда собралась с духом перебрать бабушкины вещи на квартире. Уж не из-за выброшенного хлама бабушка вернулась с того света? Не за него ли собирается мне мстить?

Я разглядывала знакомую фигуру, стараясь угадать в ней признаки потусторонней силы. Или безумия. Возможно, моего собственного. Однако, чем больше я смотрела, тем сильнее крепла уверенность, что передо мной действительно была моя бабушка.

— Ну вот, — с сожалением вздохнула она, обтирая руки о старый фартук. Бабушка сама сделала вышивку, ажурными цветами расходящуюся по краям ткани. Вышивка была белая и твердая, словно ее только вчера накрахмалили. — Хотела как лучше, а только больше напугала.

— Я не боюсь, — поспешно заявила я, надеясь, что видение не растворится в воздухе. Пусть сейчас передо мной только бесплотный призрак, я хотела, чтобы он задержался ещё хоть на минутку. Я протянула руку и коснулась бабушкиной щеки, мягкой и тёплой, совсем не похожей на призрачную. Бабушка терпеливо улыбнулась, но мне показалось, что ей неприятно моё прикосновение. Я поспешно отдернула руку.

— Послушай, тигрёнок, у меня к тебе серьёзный разговор.

Взгляд бабушкиных глаз в веере морщинок стал колючим. Она назвала меня привычным детским прозвищем, но почему-то сейчас оно прозвучало чуждо, словно бабушке пришлось

выдавливать это слово из себя насильно. Я кивнула, стараясь собраться с мыслями. На мстительный дух бабушка не смахивала, а значит пришла ко мне во сне, чтобы поведать что-то важное, может даже предупредить. Ба верила в предзнаменования, говорила, что души наши предков приглядывают за нами и в нужный момент посылают знаки свыше. Главное успеть их правильно распознать. Я приготовилась внимательно ловить каждое слово.

— Это не сон, — сухо предупредила бабушка, словно прочтя мои мысли. — И никакой я не дух. Просто хотела принять какой-то привычный для тебя образ. Кто же знал, что из всех друзей и родственников ты откликнешься именно на умершую бабку.

Опешив от неожиданного выпада бабушки, я не сразу нашлась, что сказать. Она же не дала мне очухаться и приступила к основной теме разговора.

— Что ты знаешь о богинях судьбы?

Я бросила взгляд на книжный стеллаж, который было видно сквозь открытую арку вместо двери в гостиную. Бабушка когда-то работала в книжном магазине и кропотливо собирала собственную коллекцию редких изданий, многие из которых она сама ни разу в жизни так и не читала. Однако на нижней полке имелся томик Скандинавских саг и мифов, зачитанный до дыр. Бабушка читала мне легенды об Асах и Великанах вместо сказок на ночь, и всегда твердила, что я ещё передам эту книгу своим собственным внукам. Она завещала мне свою личную библиотеку. Как и все, что осталось от нее в этой квартире. Брат был в ярости.

— Норны — три сестры, которые сидят у корней Иггдрасиля и определяют судьбы богов и людей. Они плетут нити судьбы, символизируя связь времен: прошлое, настоящее и будущее.

Я отпила кофе. Возможно, просто успела забыть его вкус, возможно мои воспоминания идеализировали все, что было связано с образом Ба, но мне показалось, что напиток неприятно горчит. Кардамона оказалось слишком много, а еще чувствовался привкус чего-то острого. Может перец? Или корица?

— Да, это одна из версий, — удовлетворенно кивнула Ба, ставя на стол тарелку с блинами. Она сняла фартук и в складках шёлкового платья блеснул длинный изогнутый нож, заткнутый за широкий кожаный пояс. — Хотя мне всегда больше нравилась греческая.

Кем бы ни была женщина передо мной, она точно не моя бабушка. Я нервно сглотнула, надеясь, что кофе не был отравлен. С тех пор как я вступила в права наследования и переехала в бабушкину квартиру, брат с женой, как и наша мать перестали со мной общаться. Какова вероятность того, что кто-то из них решит нагрянуть прямо сейчас и случайно спасти мне жизнь? Я покосилась на входную дверь. Рассчитывать приходится только на себя. Насколько быстрой может оказаться убийца в теле старой женщины? Хватит ли мне времени, чтобы дважды повернуть ключ в замке и отпереть дверь?

— Не глупи, — фыркнула женщина с лицом моей бабушки. — Мы обе знаем, что никуда ты не побежишь.

— Кто вы? — в горле пересохло и голос прозвучал сипло.

— У меня много имен. Думаю, для тебя самым понятным будет Урд, хотя видение скандинавов не точно отображается мою суть.

Я поперхнулась куском блина, который неосознанно сунула в рот, чтобы успокоиться. Блины были вкусные, но бананы карамелизированные в сахаре хрустели на зубах.

— Но ты можешь называть меня Ба, — продолжила женщина с лицом моей бабушки, ничуть не смутившись.

— Богиня судьбы, отвечающий за прошлое и за... — я лихорадочно перебирала собственные познания в мифологии. Мой взгляд, блуждающий по кухне остановился на изогнутом ноже. — смерть?...

— Да, пожалуй, Ба, будет проще всего.

— Ты пришла, чтобы убить меня?!

Так вот как это происходит. Ни тебе света в конце туннеля, ни костлявой фигуры в черном плаще. Только женщина, которая, «приняла привычный для тебя образ«. Чтобы не было так страшно.

— У тебя что, мания преследования? Думаешь я стала бы так заморачиваться только для того, чтобы оборвать чью-то нить?

Ба упёрла руки в бока и так сердито на меня посмотрела, что я почувствовала себя маленькой девочкой, потерявшей запасной ключ от дома. Даже в эту секунду лицо бабушки было таким родным и знакомым, что части меня хотелось сорваться с места, обнять её и зарыться лицом в плечо, вдохнуть ещё раз запах ландышевого одеколона и настойки календулы.

— Так мы далеко не уйдём, — сказала Ба, смягчаясь и приобретая ещё большее сходство с моей родной бабушкой. Если бы только не нож на поясе.

— Будет проще, если я покажу, — Ба грубо схватила меня за запястье. Перед глазами все померкло. Не успев сформулировать последнюю мысль, я почувствовала как нечто невидимое подхватило меня и затянуло в водоворот.

2.

Нечто отпустило меня так же резко, как схватило. Пространство перед глазами приобрело конкретные очертания. Сначала это были черно-белые контуры, как на скетче, набросаном на скорую руку, но постепенно они приобретали более узнаваемые формы. Мы оказались в широком коридоре с белыми стенами. С обеих сторон коридор ограничивали большие стеклянные двери, на которых были наклеены жёлтые треугольники со значком «BIOHAZARD«. По полу тянулись разноцветные линии. Одна из них уходила вправо, вместе с ответвлением коридора, две остальные уходили сквозь дверь дальше вперед. Вдоль стен стояли деревянные скамейки, а между ними двери с наклеенными номерами и все теми же треугольными значками. По коридору сновали туда-сюда люди в странной форме. Поверх синих кителей у них были надеты одноразовые плащи, на головах одноразовые шапочки и медицинские маски. Люди выдыхали с тяжёлым хрипом, но не решались снять маску. От одного взгляда на них у меня зачесалось в горле. Я инстинктивно закрыла лицо рукавом. Ба стояла рядом и без особого интереса рассматривала людей в спецодежде. Когда один из них остановился прямо перед ней и поправил съехавшую на подбородок маску, она усмехнулась и покачала головой.

— Не то, чтобы это ему сильно помогло, — сообщила она мне, так словно мужчина не мог ее услышать. Он, игнорируя слова Ба, двинулся дальше по своим делам и постучал в одну из дверей.

— Что здесь происходит? — спросила я, невольно продвигать ближе к Ба. Среди всех этих незнакомых людей она казалась мне самой реальной, несмотря на то, что все вокруг вели себя так словно она призрак. Словно *мы* призраки, поправила я себя. Женщина шла по коридору прямо на меня, не затормозив. Я едва успела отскочить с ее пути.

— Эпидемия. *Erinum-32*, кажется. Или *erinu*s, — Ба говорила безразлично, попутно изучая надписи на дверях. — Что-то в этом роде. Начинается все с банальной головной боли. Потом чаще всего наблюдается нарушения зрения или слуха. Или все вместе. А потом человек просто сгорает, как свечка. Многие не выдерживают не самих симптомов вируса, а того психологического давления, которое они вызывают, отрезая человека от окружения.

Мы шли по коридору вдоль синей полосы с пометкой «Intensiivravi osakond.«. Мимо нас пронеслось двое молодых медбратьев и исчезли за поворотом.

— Самое забавное, что за два года эпидемия никто так до конца и не разобрался, как вирус распространяется. Вводили карантины, призывали соблюдать гигиену, ограничивали поставку продуктов из других стран. Соседи перестали здороваться и ездить вместе в лифте, дети оказались заперты в собственных комнатах и вынуждены общаться не только со сверст-

никами, но и с домашними только через интернет, люди умирали на порогах больниц, потому что врачи отказывались их оперировать из страха заразиться.

Я невольно задержала дыхание, а Ба продолжала говорить беззаботно, будто пересказывала сюжет прочитанного недавно романа. Мы остановились у входа в одну из палат интенсивного отделения.

— И все это из-за одной единственной ниточки, которая, уж простите за каламбур, висит на волоске, — фыркнула Ба и нажала на кнопку на стене. Дверь автоматически открылась. Я прошла следом за Ба в палату, чувствуя как к горлу подступает тошнота. Никогда раньше не задумывалась, что у смерти может быть собственный запах, но в этот момент я была уверена, что чувствую именно его. Тяжёлый, удушающий смрад, который не способен был перебить даже стойкий запах антисептиков. В палате лежала одна единственная женщина. Меня поразило то, насколько здоровой она выглядела. Густые каштановые волосы рассыпались по подушке. Ее кожа лоснилась здоровым блеском, щеки тронул лёгкий румянец. Глаза женщины были закрыты, но веки беспокойно подрагивали. И все-таки болезненный смрад исходил именно от нее. Ба подошла к кровати и наклонилась над лицом женщины, призывая меня сделать то же самое. Я коротко мотнула головой, предпочтя остаться у входа в палату. Дверь с мягким щелчком закрылась у меня за спиной.

— Не пойми меня не правильно, — проговорила Ба, внимательно изучая лицо женщины. — Я обрывала множество жизней и всегда относилась к своей работе с пониманием, какой бы несправедливой на первый взгляд не казалась смерть. Но это... — она достала из-за пояса нож и занесла его над женщиной. Я невольно вскрикнула и кинулась к ней, не зная точно, хватит ли мне сил и решимости противостоять духу смерти. Ба задержала нож в верхней точке и покачала головой.

— Есть в этом всем что-то... противоестественное. И поэтому, тигренок, мне нужна *ты*.

Ба убрала нож обратно за пояс и упрятала в складках платья. Я наблюдала за этим процессом вытаращив глаза и совершенно утратив способность рационально думать.

— Но что я могу сделать? — беспомощно спросила я, переведя взгляд на женщину на кровати. Она застонала и открыла глаза. Глаза уставились куда-то сквозь, но во мне словно прожигали дыру. К своему ужасу, я поняла, что знаю эту женщину. Точнее, знала бы, будь она лет на пятнадцать моложе.

— Хельга, — выдохнула я, но тут Ба приобняла за меня за плечи и крутануть на месте. Палата завернула у меня перед глазами и в следующее мгновение мы снова оказались в квартире моей бабушки. Передо мной на тарелке лежал надкушенный блинчик.

— Почему там была Хельга?! — спросила я, оглядываясь в поисках телефона. Мне нужно было позвонить подруге и убедиться, что с ней все в порядке.

— Потому же, почему я стою перед тобой в образе Ба.

Она несколько раз топнула ногами, словно стряхивала дорожную пыль. Я открыла рот, чтобы задать следующий вопрос, но она Ба меня перебила:

— Никто не властен над своей судьбой, но иногда от нас требуется скорректировать курс. Пойдём, я покажу тебе твою мастерскую.

У меня все еще кружилась голова от внезапного перемещения в пространстве. Удушливый запах болезни, перенесся вместе с нами, так что хотелось залезть под горячий душ и хорошенько смыть с себя его остатки. Однако вместо этого я, как мул на веревочке, последовала за Ба, которая вышла в коридор и распахнула передо мной дверцу шкафа. Глупее я себя ещё не чувствовала, но все еще пребывая в немом отупении, я шагнула навстречу Нарнии. Выставив вперед руку, чтобы упереться в заднюю стенку шкафа, я почти не удивилась, когда вместо этого прошла насквозь и оказалась в тёмном помещении. Пошарив по стене рукой я нашла выключатель и зажгла свет.

Если до этого я полагала, что ничто больше не способно меня удивить, то я ошибалась. Внутри бабушкиного шкафа оказалась каменная пещера. Неровные стены усеяны мелкими рисунками и схемами. Противоположная сторона заканчивалась обрывом, с которого открывался вид на ступенчатый водопад. Вода с шумом разбивалась о скалы, так что брызги долетали до меня, стоящей в глубине. Из мебели здесь было плетеное кресло, стоящее у самого обрыва, и старая прялка. Я никогда не видела такие вживую, но почему-то была уверена, что знаю, как с ней управляться.

Мне пришлось посторониться, чтобы дать Ба зайти за мной следом. Я бросила взгляд наверх, туда где красовалась самая обычная на первый взгляд лампа, та самая которую я включила войдя сюда. Висящая в окружении настоящих сталактитов, лампа выглядела крайне нелепо.

— Твоя предшественница не очень жаловала незваных гостей, — Ба приходилось кричать, чтобы перекрыть шум воды. — Ты сможешь позже переделать все на свой вкус.

— Моя предшественница?

— Она предпочитала, чтобы её звали Пряхой.

Я тупо кивнула. Мой взгляд продолжал блуждать по стенам пещеры. Не смотря на всю странность происходящего, во мне проснулся профессиональный интерес. Я невольно задержалась у одного рисунка. В центре композиции были три женские фигуры. Одна была молодой девушкой с заметно округлившимся животом, вторая — скрючившаяся горбатая старуха с длинной косой, а третья — женщина с копной вьющихся рыжих волос и лицом, усыпанным веснушками. В руках у неё был большой клубок пряжи.

— У тебя ещё будет время осмотреться, — проворчала Ба, грубо подталкивая меня в спину. — А сейчас я хочу, чтобы ты принялась за работу.

— Но я понятия не имею, что я должна делать!

Я кричала, не только чтобы перекричать водопад, но ещё и потому что почувствовала сильный прилив злости. Старуха, прерывающая нить, ворвалась в мою жизнь, таскала меня туда-сюда за собой, ошарашивала, пугала, дарила надежду, но так и не объяснила, чего в конце концов она от меня хочет.

Бабушка всегда говорила, что мои мысли можно прочитать, просто взглянув мне в глаза. Говорила, что надо учиться быть сдержаннее. Женщина которая выглядела как моя бабушка посмотрела на меня долгим пронзительным взглядом и сокрушенно вздохнула.

— Есть один юноша. Сейчас он совсем ещё молод, но когда-то Лахеса предрекла, что он станет великим учёным. Эпидемиологом, — последнее слово далось Ба с трудом. Она произнесла его по слогам, чтобы ничего не перепутать. — Он первым определит, как передаётся вирус. И он же откроет действенную вакцину против него.

— А я тут при чем?

— При том, что без твоего вмешательства, юнец не переживет встречи с фурой.

3.

Была глубокая ночь. Я сидела в спальне, забравшись с ногами в бабушкино кресло-качалку. На коленях у меня лежал раскрытый ноутбук. На титульный листе обозначилась тема курсовой:

«Цвет как средство передачи эмоционального состояния в современной живописи«, однако дальше темы мне никак не удавалось продвинуться. Я села за работу в надежде стереть из памяти события последнего вечера, но мои мысли то и дело возвращались к постаревшей на пятнадцать лет Хельге и к пещере с прялкой, попасть в которую можно через стоящий в коридоре шкаф.

— Просто переплети жизнь мальчишки. Это не противоречит законам мира, — убеждала меня Ба, настойчиво подталкивая к прялке. — Будь здесь Пряха, она бы давно это сделала.

— Тогда где она?

На это Ба уклончиво ответила, что никто не властен над своей судьбой. Кажется, эта фраза была универсальным ответом на любой вопрос.

Пересилив себя, я занесла руки над клавиатурой и напечатала первые несколько слов:

«Цвет является одним из ключевых выразительных средств живописи. На протяжении всей истории искусства художники использовали цвет не только для передачи внешних характеристик изображаемого мира, но и как инструмент выражения внутреннего состояния, настроения и эмоционального напряжения.«

Мне вспомнилась картина, нарисованная на стене пещеры. Та, на которой были изображены все три Богини судьбы. Рисунок не был выцарапан или выдолблен в стене. Его нарисовали краской, хотя и сложно сказать какой. Рисунку должно было быть несколько тысяч лет, но краска не облупилась и не осыпалась. Она словно въелась в камень, став с ним единым целым.

«Через цветовые сочетания, насыщенность, контрасты и тональные отношения художник способен передавать чувства, создавать атмосферу и формировать эмоциональное восприятие произведения зрителем.«

Вернанди, скандинавская богиня настоящего. В греческой мифологии ей соответствует *Клото.* Она буквально прядет нити человеческих судеб. Это объясняло наличие прялки в пещере. На рисунке богиня настоящего была изображена рыжей. Я понимала, что это не доказывает ничего, но почему-то чувствовала странное родство с этой женщиной. Как будто нас и правда связывала некая общая история.

Все еще существовала вероятность, что я схожу с ума. Я уснула и мне привиделось, что Ба явилась ко мне с того света и сообщила, что я древняя богиня судьбы и от моих действий зависит будущее мира.

Я перечитала написанное и со злостью хлопнула крышкой ноутбука. Тут же раскаявшись, я как можно мягче раскрыла его обратно и виновато погладила о корпусу. К счастью, старенький hp привык к моим выходкам и просто ушёл в спящий режим. Текстовый редактор с курсовой остался открыт.

— Вот сейчас пойду и проверю! — заявила я своему курносому отражению в черном экране. — Увижу, что никакой пещеры там нет и преспокойно займусь курсовой.

Пещеры в шкафу действительно не оказалось. Вместо неё я попала в просторное помещение с высокими потолками. В центре стоял деревянный мольберт со следами засохшей краски, рядом с ним высокий крутящийся табурет. Возле мольберта примостилась передвижения тележка с материалами. Вдоль стен рядами стояли картины: большие и маленькие, в подрамниках и свернутые в рулон. Высокий стеллаж был доверху забит альбомами и папками с эскизами. В углу у входа находились холсты, готовые к работе.

У меня дух захватило при виде всего этого богатства, а самое странное было то, что я чувствовала, что все это принадлежит мне. Словно каждый предмет, находившийся в комнате, тянулся ко мне невидимыми щупальцами и являлся со мной единым целым.

Когда я только вошла в мастерскую, мне показалось, что на мольберте стоит чистый холст, но стоило подойти ближе, как проступили уже знакомые очертания трех женщин. Я коснулась пальцами вьющихся волос Пряхи и мне показалось, что я чувствую их текстуру. Клото подмигивала мне с картины, преободряя.

Я взяла в руки кисть и окунула ее в краску. Мне ещё никогда не приходилось править законченную картину. Будь я в классе, начала бы все с начала: загрунтовала холст, подготовила эскиз и аккуратно перенесла задумку, но сейчас меня обуяло пьянящее чувство азарта, желание сделать по-своему здесь и сейчас. Казалось, это не я рисую на холсте, а картина притягивает и управляет моими действиями, чтобы в нашем едином порыве довести её до совершенства. У меня не было недостатка в материалах. Мастерская, словно выручай-комната из «Гарри Поттера« снабжала меня всем необходимым, лишь бы я не отвлекалась, лишь бы продолжала писать. Я чувствовала кожей, клеточками собственного тела, как каждый сделанный

мною мазок вдыхает жизнь и наполняет смыслом не только мою картину, но и все пространство вокруг.

Не знаю, как долго это продолжалось. Пейзаж за окном застыл, заливая мастерскую солнечным светом. Когда закончила, я почувствовала как те невидимые щупальца, что тянулись от картины ко мне удовлетворенно отступили. Я сделала глубокий вдох, и клянусь, не было приятнее и прекраснее воздуха, чем воздух пропахшей маслом и растворителем мастерской.

Я отошла на пару шагов и осмотрела свою работу. Картина все еще изображала трех женщин, трех богинь-прях, только средняя теперь носила моё лицо: мои орехово-карие глаза с опущенными уголками, мои округлые щёки и резко заостренный подбородок, а также выступающий на лбу мыс медно-рыжих волос, все вместе придающие лицу форму сердца, мой слегка приплюснутый нос, усыпанный бурыми веснушками. У меня за спиной на картине стояла старуха с лицом моей бабушки. В одной руке у неё была кофейная чашка. В другой руке богиня держала изогнутый нож.

— Не плохо для начала, — хмыкнула Ба, разглядывая собственный портрет. Я должна была бы испугаться ее внезапному появлению, но почему-то даже обрадовалась. Думаю, часть меня жаждала ее реакции на моё творение.

— Живопись, значит, — продолжила Ба, осматривая теперь мою личную выручай-комнату. По выражению ее лица было сложно определить нравится ли ей новая обстановка или она скучает по уединенной пещере с водопадом. — Главное, чтоб тебе было удобно.

Она принялась деловито осматриваться в мастерской, вытаскивая наугад незаконченные работы и вороша груды альбомов на полках. Нож у нее на поясе зловеще позвякивал при каждом размашистом шаге. От каждого ее прикосновения к моим работам меня передергивала лёгкая дрожь, словно это меня тыкали, ковыряли пальцем и изучали. Я инстинктивно пристроилась у Ба за спиной, в тщетных попытках перехватить картины до того, как они попадают ей в руки. Ба словно не замечала моих страданий. Она торопливо пробегала пальцами по зарисовкам и отбрасывала их в сторону. Мне оставалось только ловить их на лету и аккуратно расставлять по местам. Если бы этот обыск продлится чуть дольше, я могла бы не выдержать и закричать, но вот Ба резко остановилась. Ее пальцы зависли над одним из карандашных набросков. Она круто развернулась на носках и ткнула альбомом мне в грудь.

— Вот он. Наш *герой*.

Я опустила глаза на набросок и увидела смазанную фигурку парнишки на фоне какого-то кирпичного здания. На нем был то ли плащ, то ли куртка, настолько не по размеру, что она висела на его тщедушной фигуре как мешок. Плечевой шов значился где-то чуть выше локтя, а подол тянулся аж до колена. Глаза парнишки едва можно было разглядеть за толстой оправой старомодных очков, а те, в свою очередь наполовину скрывала длинная сальная чёлка. Парнишка стоял вполоборота, вжав шею в плечи, и смотрел в направлении запечатлевшего его художника со смесью страха и удивления. Его руки были подняты вверх, пальцы растопырены, словно он защищался от невидимой угрозы.

— Это — герой? — спросила сомнением уточнила я. Ба глянула в направлении моего указательного пальца и мотнула головой.

— Нет, нет. Вот этот, — она ткнула в фигуру на заднем плане, которую я даже не заметила. Ещё один парень, высокий, широкоплечий, в спортивной форме. Он собирался сесть в подъехавшее такси, но напоследок обернулся так, что художник мог изобразить его лицо едва тронутое первой щетиной.

— Это самое близкое, что я у тебя тут нашла, — проворчала Ба с ноткой осуждения. Кажется, она думала, что все эти картины нарисовала и снесла в мастерскую лично я. В моменте мне и самой так казалось, но глядя на карандашный набросок, я не могла припомнить, чтобы когда-нибудь видела изображенных на ней людей.

— Его зовут Маргус, — сообщила Ба таким тоном, словно это объясняло все. — Через пятнадцать лет он раскроет структуру нового вируса и разработает действенную вакцину против него.

— Не очень то он похож на учёного, — пробормотала я, переводя взгляд с Маргуса на тщедушного парнишку на первом плане. Мне не давало покоя странное решение композиции, которые выбрал художник, выдвинув вперед незначительную фигуру.

— Или, он сядет в это такси, поедет в центр города и попадёт в аварию с участием городского автобуса и фуры. Машина будет всмятку, а от нашего героя не останется ничего вразумительного.

Ба переступила с ноги на ногу, и нож, ударившись о пряжку пояса, зловеще звякнул.

— И твоя задача этому помешать.

— А я то что могу? Найти его и сказать «не едь на этом такси«? — проговорила, сделав шаг в сторону от Ба. Я так и не решила, как отношусь к этой богине с лицом моей бабушки, но ее оружие меня однозначно пугало. Если оно и не было магическим и способным обрывать судьбы людей, то достаточно острым для того, чтобы обрывать жизни было определённо. Ба заметила мой маневр и ее тонкие губы скривила усмешка.

— Я не достаю нож от скуки, тигрёнок, — проговорила она. — Только по необходимости. Но если ты не спасешь жизнь этому мальчику, мне придётся много работать в будущем.

Альбом в моих руках дрогнул. Я всмотрелась в нарисованные фигуры. Следуя логике Ба, картины в мастерской рассказывали о человеческих судьбах. Были своего рода пророчествами, способными поведать уникальную историю каждого, рожденного на земле. Картины великих художников действительно способны рассказать целую историю, но что можно понять по карандашному наброску?

— Он не закончен, — пробормотала я, листая альбом. Я ожидала увидеть другие наброски, или пометки, которые подсказали бы мне, как автор хотел завершить свою работу. Но на следующей странице меня ждал пустой белый лист.

— Ты начинаешь понимать, — заявила Ба вопреки тем чувствам, которые я испытывала. — Закончи работу, и поскорее. И так, чтобы наш герой остался жив и имел все шансы проявить свои знания и ум на благо.

4.

— Кто додумался поставить пару по истории с самого утра? — простонала Тася, безуспешно пытаясь подавить зевок. Она энергичным движением, словно делает зарядку, сорвала с волос резинку и пшеничные кудряшки рассыпались по ее плечам. Вместе с остальными одногруппниками, теми немногими стойкими солдатиками, которые умудрились проснуться к первой паре, мы высыпали в холл из мрачного помещения аудитории, и не сговариваясь зажмурили глаза от яркого света. Пока мы томились в плену преподавателя по истории искусств, успело рассвести.

— Зато теперь до вечера сплошная практика, — ответила я, хотя в голосе у меня не было достаточного энтузиазма. Я провела в мастерской добрую половину прошлой ночи и не проспала пару только потому, что решила вообще не ложиться. Мысль о том, чтобы взять в руки кисть внушала мне отвращение.

Не сбавляя шага, Тася достала из сумки пудреницу и уставилась в маленькое зеркальце на крышке. Я едва успела поймать ее за локоть у начала лестницы.

— Ага,— Тася скорчила рожицу собственному отражению. — И сдвоенная пара по композиции. Сколько еще мы будем мусолить эти раскадровки? Сюжет такой, сюжет сякой... Если бы Тася хотела рисовать комиксы, она поступила бы на иллюстратора!

Она капризно надула губы, и я не смогла сдержать смешка. Со всеми ее ужимками и гримасками Тасе стоило поступать не на иллюстратора, и не на живопись, а в театральный. Мне не составило труда представить ее эдакой капризной примой, отказывающейся выходить из

гримерки без настоящих бриллиантов вместо бутафории. Привычка говорить о себе в третьем лице добавила бы приме дополнительного шарма.

Мы не подруги с Тасей, скорее сестры по несчастью. На первом курсе мы рассредоточились по разным социальным группам и, возможно, не сказали бы друг другу и слова до выпуска, если бы экзамены в конце года не отсеяли больше половины студентов нашего курса. Выяснилось, что мы с Тасей единственные русскоязычные студентки, из тех, что остались. Нужда и необходимость в поддержке кого-то, кто тебя понимает, заставили нас сойтись, объединиться в некий взаимовыгодный альянс двух противоположностей. За пределами академии наш альянс распадался безболезненно для обеих сторон.

— Тася хочет кофе! — она захлопнула пудреницу и зыркнула на меня выжидательно. Я пожала плечами. Хельга ждала меня в «Rocker Bean« — кафешки, находящейся одновременно в двух шагах от Таллинской Академии Искусств и салрна красоты, в котором подрабатывала моя подруга. Не увидев ничего страшного в том, чтобы прийти с Тасей, я кивнула.

— Пойдем, — сказала я. — Заодно позавтракаешь, а то твой живот урчал на всю аудиторию.

— Я на диете, — отрезала Тася, на ходу собрав непослушные волосы обратно в пучок. Она никак не могла выбрать между «удобно« и «красиво«, хотя, как по мне, собранные наверху волосы ничуть ее не портили.

«Rocket Bean« был излюбленным местом арт-студентов. Помимо удачного расположения вблизи академии кафе было словно специально рассчитано на студентов и фрилансеров, в конце зала располагалась отдельная зона для тех, кто пришел не общаться, а дописывать реферат за чашечкой лавандового рафа.

Хельга махнула мне рукой из дальнего конца зала. Второй рукой она держала объемный кусок бананового хлеба — ее стандартный заказ завсегдатая. Работники кафе уже так привыкли к Хельге, что начинали делать заказ ещё до того, как она успеет подойти к кассе. Я тоже не отличалась оригинальностью, однако не стоило даже пытаться подойти к бариста и попросить: «мне как обычно«. Причем не только в «Rocket Bean«- Моего лица и вкусов никто не запоминал.

— Ри-и-та-а, — пропела Хельга мне прямо в ухо. Она бесцеремонно протолкалась через столпившихся студентов со стеклянными глазами в нам с Тасей и заключила меня в объятья. — Я тебя уже заждалась. У меня таки-и-ие новости, меня прямо распирает, — она покосилась на мою одногруппницу, решая, стоит ли говорить при ней, но прима обезоружила ее одной из своих улыбок, и тонкая корочка льда, готовая образоваться, треснула.

— Тася много о тебе слышала, — заявила прима, беря мою подругу под локоть. Я стиснула зубы и вклинилась между ними.

— Закажем кофе и все обсудим.

Когда очередь дошла до нас, бариста едва мазнул по мне взглядом и переключился на Хельгу.

— Ещё один мятный капучино? — с неестественно широкой улыбкой, от одного взгляда на которую у меня самой свело скулы, спросил он. Тася глядя на эту сцену, хихикнула и закатила глаза.

— А ты пользуешься популярностью, — заметила она.

Мы сделали заказ и отошли в сторону, пропуская следующих клиентов. Хельга щебетала без умолку, как певчая птичка, пока мы ждали свои напитки. Я с трудом могла сосредоточиться на том, что она говорит. В мысли о собственной незаметности вклинилась ядовитая нотка подозрения, что все не так просто. Что, если приняв правила игры и исполнив роль прядущей (в моем случае, пишущей) судьбы, я обреку себя на забвение? Что если не только чужие, но и близкие мне люди продолжать жить без меня и вне меня, даже не вспомнив о моем существовании?

— Рита? Твой кофе! — голос Хельги вывел меня из неприятных мыслей. Я встрепенулась и потянулась за оставленным на стойке бумажным стаканчиком.

Все произошло так быстро, что я не успела ничего понять. Парень появился словно из ниоткуда, нервный, резкий, с ноутбуком подмышкой. Он выхватил со стойки свой кофе и круто развернулся на каблуках, ничуть не беспокоюсь об окружающих. Его рука, сжимающая бумажный стаканчик, уткнулась прямо мне в грудь. Силы столкновения оказалось достаточно, чтобы я по инерции сделала два шага назад и чуть не упала на посетителя за ближайшим столиком. Он инстинктивно выставил руки вперед, толкая меня в противоположную сторону. Стаканчик мгновенно смялся, а по моей рубашке растеклось горячее бурое пятно. Я уставилась на испорченную рубашку, когда в ушах у меня зазвенело от чужих криков. Грубые слова, готовые сорваться с моего языка застряли в горле, когда, подняв глаза, я увидела россыпь осколков на том самом месте, где только что стояла. Парень, который меня толкнул, ошарашено смотрел на то, что осталось от витрины, на которую упало табло меню, висевшее над кассой. На щеке его алел небольшой порез. Подняв руку к лицу он смахнул капельки крови.

— Полный бардак, — выплюнул он в лицо выбежавшего из-за стойки бариста и покинул кафе не дождавшись оказания первой помощи. Его стаканчик с кофе валялся на полу, погребенный под осколками.

— Вы в порядке? — нервно спросил меня бариста. Его трясло так, словно это он сам чуть не попал под упавшее меню. Впрочем, его действительно могло задеть осколками.

— Все нормально, — проговорила я заикающимся голосом. Ощупав себя, я поняла, что на мне нет ни царапины.

— Только рубашка безвозвратно испорчена.

Я наконец вспомнила, что пришла в кафе не одна. Справившись с первым испугом, Тася принялась изучать меня на предмет нанесенного ущерба.

— Тут не то, что в академию, ты на улицу так выйти не сможешь.

— Мне очень жаль, — бариста протянул было руки, чтобы затереть ткань бумажными салфетками, но поймав свирепый взгляд Хельги вовремя остановился и густо покраснел. Только сейчас я сообразила, что парню на вид было лет семнадцать, на бейджике вместо имени значилось «ученик«. Я почувствовала укол вины, будто это я виновата в несчастном случае.

— У вас тут и правда сегодня бардак! — распалялась Тася, грозно потрясая руками перед лицом бариста. Она была похожа на разъяренную фурию, и мальчишка под ее взором совсем съежился.

Люди вокруг шептались, с опаской поглядывая на потолок, но не торопились покидать кафе. Из подсобки выглянула вторая работница и принялась деловито собирать осколки, попутно отчитывая бариста за нерасторопность. У кассы начала скапливается очередь недовольных студентов.

Я оттянула липкими от сиропа пальцами рубашку, чувствуя непреодолимое желание помыться. В мокрой одежде становилось мерзко и неприятно, но переодеться мне было не во что.

— Я меня в сумке должен быть свитер, — вспомнила Хельга. — Будет жарковато, зато чисто.

Свитер, надетый на голое тело, неприятно кололся. Я зашла в туалет, чтобы переодеться и отмыть от тела влажными салфетками остатки сиропа. Грязную рубашку я скомкала и засунула в сумку, надеясь, что остатки кофе на ней не попортят лежавший там же альбом с зарисовками. Коснувшись корешка альбома я на секунду замерла и недовольно хмыкнула.

— Разве с богиней судьбы могла приключиться такая глупость? — поинтересовалась я у собственного отражения. На секунду мне почудилось, что в зеркале у меня за спиной проступил силуэт Ба. Она усмехнулась мне в ответ и исчезла.

Когда преображение было закончено, подруги вручили мне новый стаканчик с кофе за счет заведения и предложила выпить его на улице. От осколков витрины и прочих свидетельств недавнего инцидента оперативно избавились, и кофейня вернулась к привычной работе. Однако желания находиться внутри у меня лично поубавилось. Я с благодарностью приняла предложение подруг и мы вышли во двор.

Кофе оказался вкусным. Испуганный бариста не поскупился на сироп. Правда штрудель мой так и остался лежать на стойке, возвращаться за ним я не стала.

— Подумать только, — щебетала Хельга. Теперь, когда первый испуг прошёл, она снова болтала без умолку. — Еще секунда и могло случиться такое... такое непоправимое, — она округлила глаза, изображая ужас. — Можно сказать, сама судьба уберегла тебя!

— Ага, судьба в лице грубияна, который даже не потрудился извиниться, — заметила Тася, скривив губки в недовольной гримаске.

— Он и сам должно быть в шоке, — горячо возразила Хельга, которая всегда старалась найти в людях что-то хорошее. — Просто испугался, вот и не нашелся что сказать.

От слова «судьба« меня передернуло, но подруги этого не заметили. Они продолжали обсуждать случившегося со мной в «Rocket Bean« и, моё участие в обсуждении не требовалось. Я замедлилась, так чтобы оказаться на шаг позади девочек и пригубила из своего стаканчика. Должно быть, я все еще пребывала в шоке, так как все вокруг словно замедлилось. Воздух стал густым как масло, и каждый шаг давался с трудом. В голове жужжали мысли, отказываясь собираться в осмысленные предложения, перескакивая с одной идеи на другую, пока в какой-то момент мой мозг не уцепился за брошенную Хельгой фразу. Она долетела до меня, словно луч света через толщу тумана. Я не сразу поняла, почему выловила ее из всего потока назойливого жужжания.

— Как будто *кто-то взял его за руку* и специально втолкнул в кофейню... как будто свыше была предопределено, чтобы он оказался в это время в данном месте.

Я остановилась как вкопанная. Девочки не сразу сообразила, что я не иду за ними, и когда остановились, оказались достаточно далеко, чтобы не видеть выражения на моем лице. Впрочем, я и сама не знаю, как выглядела в этот момент. Я чувствовала словно меня огрели чем-то тяжёлым по затылку. Слова Хельги многоголосым эхом отдавались в моей голове, заглушая остальные мысли. Заглушая здравый смысл. Образ испуганного мальчишки-бариста перед моим мысленным взором перемешался с образом ещё одного парня. Совсем на него не похожего, но глядящего на меня со страницы альбома такими же растерянными глазами.

— Что ты потеряешь, если попробуешь? — раздался прямо у меня над ухом тихий голос Ба.

5.

— ...Раскадровка — это инструмент, который дисциплинирует ваше мышление и убирает хаос из композиции.

Сначала я думала рисовать прямо в альбоме, но испугалась, что Яан, наш преподаватель по композиции может забрать его или, ещё хуже, начать что-то исправлять. Я не была уверена, что использование альбома другими художниками не повлечет за собой каких-нибудь последствий. Или дело не в альбоме? Тогда я могла бы использовать обычный лист бумаги. Впрочем, будь это так, любая моя работа считалась бы судьбоносной. Может, начать работу в классе, а дома перерисовать в альбом, для надёжности?

Я закусила губу и почувствовала во рту металлический привкус. С чего я вообще решила, что это сработает?

— Сработает, если ты поверишь.

Я резко развернулась, чуть не сбив плечом собственный мольберт. Ба нигде не было. Но я готова была поклясться, что слышала ее голос.

— С тобой все хорошо? — одними губами произнесла Тася. Мы устроились в самом конце аудитории, но Яан Тамм славился своим тонким слухом. Я кивнула и показала соединенные в кольцо большой и указательный пальцы.

— Вы хотите, чтобы ваши работы читались? Чтобы зритель не терялся, а считывал с изображения то, что задумали вы? — продолжал Яан, сцепив руки за спиной и медленно прохаживаясь между хаотично расставленными мольбертами. Его лысая голова с седеющей длинной как у Хоттабыча бородой качалась в такт шагам, как у игрушки-болванчика. — Вы обязаны уметь строить визуальный нарратив, — закончил он, остановившись прямо у Таси за спиной. Прима нацепила маску раболепного внимания, но глаза ее озорно поблескивали.

— А теперь прекратите болтать и расскажите мне историю, используя холст и вашу фантазию.

Я взяла в руки карандаш и задумчиво помусолила кончик. Слова Яана неприятным эхом вторили тому, что твердила Ба. Я должна рассказать историю. При чем такую в которой мой «герой« останется в живых. Не то чтобы я верила, что законченный рисунок заживет своей жизнью, но вопрос композиции и предполагаемого сюжета стал для меня чем-то вроде детской загадки, которую хочется разгадать.

Я не стала доставать альбом из сумки. Образ с наброска и так стоял у меня перед глазами. Я могла мысленно воссоздать каждую черточку, каждый штрих. Только история все равно не складывалась у меня в голове. Задумка Пряхи, нашедшая отражение в этом наброске никак не хотела мне поддаваться.

— Ты просто не стараешься, — ворчала на меня Ба, перебирая другие работы на полках. — Не хочешь принять собственную суть и открыться своему дару плетущей судьбы.

— Сложно принять то, что кажется абсурдом.

За эту фразу я заслужила долгий, холодный взгляд. Лицо Ба расплылось, проступили черты совсем другой, древней старухи, худой как скелет со впалыми щеками и провалами глубоко посаженных чёрных глаз.

— Абсурдом, девочка моя, кажется то, что мне приходится раз за разом проходить через этот разговор.

Она вытащила с полки зеленую папку, перевязанную бечевкой, и швырнула ее мне в руки. По телу пробежала лёгкая дрожь, как от холода. Я сразу поняла, что находится в этой папке. Ба тоже это поняла и, кажется, пожалела о своём поступке. Она накрыла рукой мою руку, уже потянувшую за кончик бечевки, чтобы развязать.

— Тебе подвластны судьбы всех живущих на земле существ, но и тебе не стоит знать слишком много о собственной.

— Но почему?

— Поверь мне на слово, — Ба взяла папку у меня из рук и развязала верёвку. Пролистав несколько набросков, она развернула ко мне один лист так, чтобы я не смогла разглядеть остальные.

— Я помню этот рисунок! — воскликнула я. Это был портрет бабушки. Я сделала его всего за две недели до того, как ее не стало. Глаза Ба почти полностью исчезли в веере морщинок. Она смеялась над историей, которую я ей рассказывала. — Только это не имеет никакого отношения к... — я замолчала, уставившись на деталь, которую никак не могла нарисовать. В руках у бабушки был знакомый изогнутый нож.

— Ты... с самого начала была моей бабушкой?... — спросила я, заслужив тем самым ещё один презрительный взгляд. Женщина с лицом моей бабушки убрала лист обратно в папку.

— Нет. Но ты с самого начала должна была прожить свою жизнь так, чтобы оказаться здесь и сейчас. И спасти жизнь мальчишки.

— Но почему я?

— Потому что такова твоя судьба.

Я протянула руку, чтобы взять папку, но не успела. Ба захлопнула ее и швырнула обратно на полку. Ее ноздри раздувались от гнева и нарастающего нетерпения. Казалось, еще чуть-чуть и она начнёт дышать огнём.

— Послушай, тигренок, просто поверь мне на слово, у тебя все получится. Как только начнёшь, оно само пойдёт. Но сделать это должна именно ты, понимаешь?

А я не понимала. Ни тогда, ни на следующий день, сидя в аудитории, где проходила практика по композиции. Я продолжала грызть кончик карандаша, чувствуя как время безвозвратно утекает. Я почувствовала, что кто-то стоит у меня за спиной. Кто-то наклонился ко мне. Чье-то дыхание обожгло моё ухо. Я была готова услышать нетерпеливый голос Ба, а потому, когда Яан заговорил, я невольно подпрыгнула на месте от испуга.

— Неужели, совсем никаких идей, Рита?

— Я... есть одна, — неуверенно промямлила я, чувствуя как увлажняются от пота ладони. — Она про мальчика, который оказался не в том месте и не в том время.

— Или оказался как раз там, где ему и суждено было быть, — Я удивленно обернулась и встретилась со взглядом учителя. Он пожал плечами. — Чтобы появиться на твоём холсте. Давай, Рита. Картина сама себя не нарисует.

Он отошёл. А я продолжала сидеть, повторяя про себя его слова. Я все это время думала о наброске из альбома, как о законченной композиции, но что, если это только кадр, вырванный из контекста? И именно поэтому на первом плане оказался не «герой« Ба, а совершенно другой человек? Как он оказался в этом переулке? Что его напугало?

В голове услужливо всплыла ещё одна фраза, сказанная мне сегодня утром. И ещё один парень, оказавшийся не в том месте и не в том время, однако как раз вовремя, чтобы спасти меня от участи погребенной под табло с меню.

Я вытащила карандаш изо рта и поднесла его к закрепленному на мольберте листу бумаги. Карандаш прочертил едва-заметную линию, потом ещё одну, и ещё, разделяя бумагу на шесть квадратов. Шесть кадров. Шесть будущих зарисовок, которые должны будут поведать наблюдателю придуманную мной историю. Ту, которая должна будет спасти одного юношу от аварии, а все человечество от погибели.

6.

Алекс Туули не был трусом, просто здраво оценивал свои физические возможности. Он старался не нарываться на неприятности, из которых будет не в состоянии выпутаться, однако порой неприятности находили его сами: в подворотне, за гаражами, при выходе из здания университета. Или как сегодня, у самого подъезда, когда заветный остров безопасности уже был так близко. Алекс пропустил последнюю пару, так как сегодня вышел новый сезон его любимого сериала. Он купил чипсы, сыр косичкой, упаковку нори с солью и двухлитровую бутылку фанты и уже предвкушал незабываемые восемь часов, полные приключений, страсти и полётов на драконах. Его мысли были так далеко от бренной земли, что он не сразу понял, что кто-то к нему обращается.

— Эй, пацан! Закурить не найдётся?

Алекс обратился в статую. Внутренности его мгновенно окаменели и только глаза бегали из стороны в сторону в поисках источника угрозы.

— Патлатый. Я с тобой говорю!

Голос был похож на первый, но звучал грубее. Источников угрозы было как минимум двое. Алекс хотел повернуть голову в сторону звука, по окаменевшие мышцы отказывались повиноваться. Может, если он простоит так достаточно долго, они уйдут?

Послышались шаркающие шаги, словно кто-то цеплял носками кроссовок мелкие камушки на дороге. Высокая, тёмная фигура вплыла в поле зрения Алекса-статуи и нависла над ним, как истукан. Алекс задержал дыхание. Вторая фигура приблизилась с другой сто-

роны, как бы ненароком задев Алекса плечом. От тычка парень покачнулся и едва удержался на ногах. Пакет с чипсами выскользнул из онемевших пальцев.

— Ты чё, глухой?

Алекс зачем-то кивнул, чем вызвал взрыв режущего слух гогота. По спине заструился холодный пот. Алекс не был трусом, но он знал, что стоящий слева от него истукан переломит его как тростинку. И потому он принял единственное верное в данной ситуации решение. Он побежал. Ноги сами несли его, петля между похожих друг на друга домов. Кровь стучала в ушах и Алексу казалось, что это топот ног преследующих его парней. У него кололо в боку, картинка плыла перед глазами. Он не был создан для бега. Но страх упорно тянул его дальше и дальше пока впереди не возникла спасительная дверь.

Алекс показалось, что машина возникла из неоткуда. Она выплыла как из облаков и призывно раскрыла перед ним свою дверь. Алекс влетел на заднее сидение и прохрипел первый пришедший в голову адрес. Водитель пожал плечами и дал газу. В зеркало заднего вида Алекс увидел парня, который так и застыл с протянутой к двери автомобиля рукой и провожал такси взглядом. Преследователей Алекса нигде не было видно.

— Тебе не кажется, что история скучновата? — хмыкнула Тася. Последние минут пятнадцать, она, вместо того, чтобы дорисовывать, пыталась зажать и удержать карандаш между носом и верхней губой.

— Отнюдь, — Тася и понятия не имела насколько гордой я себя чувствовала в этот момент. Она могла сколько угодно критиковать мою работу, но я знала, что за скучным сюжетом скрывалось элегантное в своей простоте решение всех проблем. Я разгадала загадку Пряхи, распутала тот клубок, что она сплела и ждала заслуженной похвалы от Ба. Я даже оборачивалась пару раз невзначай и оглядывала аудиторию, но ее нигде не было.

— Чего вертишься, Рита? — поинтересовался Яан, чье внимание привлекать в мои планы не входило. — До конца пары еще пятнадцать минут.

— Целых пятнадцать минут, — простонала Тася. На ее листе развернулась сцена в духе «Жизель« — красивый, но коварный юноша бросает не менее красивую, но бедную девушку, она гибнет от горя, а за юношей приходят духи возмездия. Едва наметив композицию на каждом из кадров, Аня принялась с дотошной скрупулезностью вырисовывать узор на платье девушки, устала, и решила, раз уж все равно не успеет закончить работу к концу пары, позволить себе немного отдохнуть.

Ба нигде не было, а я буквально чесалась от нетерпения. Мне нужен был кто-то, кто сказал бы, что я постаралась на славу. Кто-то, кто мог бы оценить весь масштаб действия.

— Может дело все-таки в бумаге? — с сомнением пробормотала я, отходя подальше от своего мольберта, чтоб посмотреть на работу в целом.

— А что с бумагой? — у уставшей примы был хороший слух, но соображала она медленно, как муха, увязшая в варенье.

Я еле дождалась окончания пары, сняла работу с мольберта и свернула в рулон. Под предлогом того, что хочу доработать детали, я планировала забрать раскадровку домой. Однако, оказавшись на улице, осознала, что направляюсь совсем в другую сторону. Теперь, когда рисунок принадлежал мне, я точно знала, на какой улице должно было развернуться действие. Если я не сошла с ума, самое время найти этому подтверждение.

7.

Старый трамвайчик отстукивал ритм, мое сердце вторило ему гулким эхом. Чем ближе была нужная остановка, тем громче звучали удары в груди, заглушая звуки внешнего мира. Словно внутри меня кто-то бил в обтянутый кожей ритуальный барабан. Там. Там! ТАМ!

Я так боялась пропустить остановку, что выскочила из трамвайчика слишком рано. Ноги сами несли меня вдоль домов по улице, на которой я никогда не была, но которая точно сошла с нарисованной мной раскадровки. Каждый светофор, каждое зашторенное окно, котенок,

сиротливо жавшийся к ножке скамейки — словно появились передо мной в угоду моему собственному воображению в полном соответствии ожиданий. Это было как рисовать с натуры, только наоборот, когда реальность подстраивается под кисть художника. Странное, нелепое ощущение всевластия, словно ты попал в компьютерную симуляцию, которая адаптируется под твой запрос. Цифровое будущее и древняя магия в одном флаконе. Впрочем, оставалась еще вероятность того, что я просто медленно схожу с ума.

Я почти убедила себя в том, что ничего не будет. Я старалась оградить себя от горечи разочарования, по старой привычке готовилась к худшему, рисуя в голове сценарий тотального провала. Это был мой щит, который я привычно выставляла вперед, боясь раньше времени заглянуть за край и встретиться лицом к лицу с моим врагом, а точнее с реальностью.

— Богиня судьбы, скажешь тоже, — усмехался мой внутренний голос. — Нафантазировала себе невесть чего и ждешь, что мир подстроится под твои желания? Вот подожди, сейчас увидишь, что никакого Алекса там не будет. Может его вообще не существует!

— Существует…

Я резко затормозила и идущий за мной мужчина разразился потоком отборной брани. Когда он обогнул меня и, продолжая ругаться, отправился восвояси, я смогла получше разглядеть фигуру парня, который не спеша плелся по парковке продуктового магазина Maxima. Он словно только что сошел с моей картины: сальные патлы, очки в роговой оправе и мешковатые вещи на пару размеров больше — ну точь-в-точь Гарри Поттер в мире маглов, разве что более взрослый и менее уверенный в себе.

Я огляделась, ища знакомые ориентиры. Выйдя из «Максимы«, Алекс должен будет зайти вон за ту пятиэтажку и там наткнуться на гопников. Я могла бы успокоиться на этом и вернуться домой, но кого я обманываю? Кто на моем месте остановился бы на полпути, имея возможность досмотреть собственноручно построенный спектакль до конца? На долю секунды я пожалела о том, что не прихватила с собой Тасю. Знала бы она, что оцененный ей как «скучный«, сюжет вот-вот разыграется по-настоящему.

Мне нужно было найти укромное место, откуда я смогла бы хорошенько все рассмотреть, при этом сама оставаясь незамеченной. Впрочем, шпион из меня так себе, так что зайдя за угол, я плюхнулась на первую попавшуюся скамейку у подъезда и достала телефон. Персонажей моей истории еще не было на месте, но они не заставили себя долго ждать. Громко гогоча и отпуская сальные шуточки, компания гопников вывалилась из двери соседнего дома.

Их было *пятеро.* Я нахмурилась. Я рисовала только двоих. Вторым несоответствием стало то, что едва оказавшись на улице, парни раздербанили общую на компанию пачку сигарет и закурили, выпуская плотные клубы серого дыма.

Наплевав на незаметность, я достала из сумки рисунок и расстелила его на коленях. Громилы напугавшие Алекса были из этой компании. Одного из них — лысую гору мышц неопределенного возраста дружки пару раз окликали, как «Щит«. Второй — жилистый и высокий как жердь звался соответственно «Копьем«. Копье смолил с таким усердием, что его лицо было практически невозможно разглядеть в клубах дыма, но я знала, что у него должны были быть хитрые глаза-щелочки и светлая козлиная бородка. Щит что-то втолковывал ему с серьезным видом, отставив руку с сигаретой в сторону и лишь изредка поднося ее к губам. Стоящий рядом с ним парень с глазами навыкате, как у жабы поймал мой взгляд и подмигнул. Я укрылась за листом бумаги надеясь, что своим излишним внимание не спровоцирую компанию докопаться до меня вместо Алекса. В конце концов, какая разница, двое их или пятеро, главное, что Алекс с минуты на минуту должен будет появиться в их поле зрения, слабый и беззащитный — идеальная легкая добыча.

Время шло. Парни продолжали курить. Мои пальцы, крепко сжимавшие лист бумаги начали неметь. Где же этот чертов трус?

Я не выдержала. От напряжения кровь в ушах стучала так, что я не слышала собственных мыслей. Порывисто вскочив, я скомкала лист с раскадровкой и отправила его в сумку. Часть меня твердила, что с меня хватит. Я увидела достаточно, чтобы убедиться, что и богиня-пряха из меня такая же половинчатая, как художница. Но в то же время тоненький голосок на задворках сознания твердил, что еще не все потеряно. Ведь Алекс, Щит, Копье — я ни разу в жизни не видела их, однако смогла нарисовать, это что-то да значит. Не может это быть простым совпадением.

На нетвердых ногах я прошла мимо компании. Жабоглазый крикнул мне что-то вслед, но я была так взвинчена, что не разобрала ни слова. В других обстоятельствах я бы, наверное, испугалась внимания со стороны такой сомнительной личности, но сейчас мое сознание пребывало где-то в другом месте. Я остановилась на пешеходном переходе и увидела его. Вместо того, чтобы идти к дому, на встречу со своей судьбой, Алекс примостился на скамейке автобусной остановки и смотрел что-то в телефоне. Он открыл пачку купленных чипсов и судя по всему, опустошил ее минимум на половину. Не помня себя от ярости, я едва дождалась, когда загорится зеленый и подлетела к нему.

— Ну, и что ты тут делаешь?!

Парень оторопело уставился на меня. Он вытащил один наушник и огляделся, словно хотел убедиться, что я обращаюсь именно к нему. С опозданием я осознала, что Алекс понятия не имеет, кто я и что мне от него нужно. Но отступать было уже поздно.

— Ты это мне?

— Конечно, тебе! — я решила брать напором, пока он не успел опомниться. — Здесь нельзя есть чипсы!

— Кто это сказал? — Алекс выглядел раздраженным, но все же заозирался на случай, если пропустил какой-то знак.

— Нельзя! — я чувствовала как кровь прилила к щекам, но продолжала говорить. Мне казалось, что если я замолчу и позволю себе осознать масштаб той нелепицы, которую творю, то меня придавит чувством стыда на этом самом месте. — Иди к себе домой, там и ешь свои чипсы!

— Девушка, вы в своем уме?

У меня было два варианта: либо он встанет и уйдет от греха подальше, либо из принципа продолжит сидеть и есть чипсы на остановке. Я решила, что терять мне нечего и нужно действовать наверняка. Усевшись рядом я принялась активно вытеснять Алекса со скамейки, приговаривая:

— Это общественное место, здесь нельзя со своим. Люди здесь автобуса ждут, а ты со своей едой!

Алекс точно решил, что у меня не все дома. Если честно, я и сама была близка к такому выводу. Меня било крупной дрожью, отчего голос начал противно дребезжать. Однако мои труды увенчались успехом. Пробормотав что-то о весеннем обострении, парень встал со скамейки, закинул остатки чипсов в пакет и двинулся в сторону дома. Я судорожно выдохнула и закрыла лицо руками. Щеки пылали огнем. Прошло несколько минут, прежде чем я решилась снова поднять голову. К этому моменту Алекс уже успел перейти дорогу и скрыться в подворотне.

Преследовать его дальше я уже не могла и не решилась бы. К тому же у меня появились неприятности посерьезней, в виде жабоглазого, который вдруг нарисовался на пешеходном переходе в компании двух своих друзей. Щита с Копьем среди них не было. Жабоглазый при виде меня мерзенько улыбнулся и наклонившись к уху одного из друзей и сказав что-то, сделал неприличный жест. Меня невольно передернуло. Компания направилась в сторону остановки.

К остановке подъехал автобус. Я запрыгнула в него, даже не посмотрев на номер. Двери закрылись перед носом у жабоглазого и он провожал автобус взглядом до самого поворота. Хотя скорее всего, мне, с моими расшатанными за сегодня нервами это просто почудилось.

Выйдя на следующей остановке я в нерешительности топталась на месте. Согнав Алекса с насиженного места, я лишилась возможности наблюдать со стороны за развивающимися событиями, а значит вся моя вылазка оказалась бессмысленной. Мне оставалось только вернуться домой и гадать, чем все закончилось. Оглядевшись вокруг я вдруг поняла, что улица на которой я оказалась, была мне знакома, хотя я ни разу не была здесь вживую.

— Такси вы заказывали?

Белая машина встала у обочины на аварийках. Водитель смерил меня недовольным взглядом, словно это я была виновата в том, что ему пришлось остановиться в неположенном месте.

— Да, я, — раздался зычный голос у меня за спиной. Еще секунду назад мне казалось, что там никого нет. Я подпрыгнула и, кажется, взвизгнула от неожиданности. Широкоплечий атлет, которому принадлежал голос посмотрел на меня с подозрением. Еще немного и я окончательно вживусь в роль умалишенной.

— Подождите!

Алекс несся со всех ног. Глаза его за толстой оправой очков были похожи на две круглые монеты. Полы расстегнутой куртки развевались как крылья напуганной пичуги. Затормозив у остановки он кажется собирался что-то сказать, но тут взгляд его остановился на мне и глаза оторопело поползли вверх. Атлет инстинктивно отступил на шаг, не желая быть сбитым с ног, а Алекс на полном ходу влетел в салон такси и прокричал таксисту свой адрес. Тот, уже изрядно раздраженный, что ему пришлось встать на остановке и видя в зеркало заднего вида, что подъезжает следующий автобус, не стал разбираться, пожал плечами и тронулся. Атлет и я остались на остановке. Я оглянулась в ту сторону, откуда появился Алекс. За ним никто не гнался.

— Черти что сегодня творится, — поделился атлет, провожая взглядом угнанное такси.

8.

— Работа топорная, но для первого раза сойдёт.

Ба ловким движением руки подкинула блин на сковородке. Затем сняла с огня турку и постучала донышком по столу, чтобы поднявшаяся гуща осела.

— Купи в следующий раз корицу вместо кардамона, у меня в носу чешется от этой дряни.

На столе рядом со стопкой толстеньких домашних блинчиков лежал мой рисунок. Края у него были смяты, и Ба поставила сверху сахарницу, чтобы разгладить. Я села за стол и потянулась к ароматному угощению, но тут же получила по пальцам силиконовой лопаткой.

— Руки мой и переодевайся.

— Но я голодная! — запротестовала я и быстро схватила ещё горячий блин. Ба недовольно цокнула языком, но поставила передо мной мисочку с вареньем. Открытая баночка стояла у плиты. На этикетке от руки, бабушкиным почерком было написано: «клубника, лето 20**«.

— Это была последняя банка! — возмутилась я, чувствуя как к горлу поступает горечь.

— И что? Думаешь, сгноить ее — лучший способ почтить память?

Ба взяла мисочку, намереваясь то ли выкинуть, то ли съесть самостоятельно. Моя рука взметнулась раньше, чем я успела подумать. Это было моё варенье. Моя память. О моей бабушке. И никакая самозванка у меня ее не отнимет. Кстати о самозванцах...

— Все получилось как на рисунке. Алекс сел в машину вместо того, будущего эпидемиолога и уехал в другом направлении. Правда, мне пришлось его немного подтолкнуть... — я улыбнулась, вспоминая нелепый разговор на остановке. Парень точно решил, что я сумасшедшая, но на самом деле он должен быть мне благодарен. Ведь я потенциально спасла и его жизнь в будущем.

Ба не торопилась поздравлять меня. Она села на соседний стул и достала свой ритуальный нож. Мое воображение разыгралось и на мгновение мне показалось, что по лезвию текут красные капли.

— Это моя вина, — вздохнула Ба, задумчиво глядя на нож. В ее голосе не звучало и тени раскаяния. — В конце концов я только сказала тебе, что нужно спасти жизнь парнишки.

— Я сделала что-то не так? — вторя Ба я не могла оторвать глаз от лезвия. Она крутила его из стороны в сторону, так что свет играл на гранях, пуская солнечных зайчиков по стенам. Хотела ли Ба сказать этим мне что-то без слов, или привычка играть ножом была для неё сродни почесыванию носа?

— Ты спасла парня. — сказала Ба. — Это главное.

Но говорила она это так, словно отчитывала нашкодившего котёнка. Кусок блина застрял у меня в горле, царапая, словно лист бумаги. Я отложила угощение на тарелку, не заметив, что лужица драгоценного варенья растеклась по столу. От былого воодушевления остался горьковатый привкус разочарования, словно мне дали пожевать горсть пепла.

— Но? — с нажимом спросила я, одновременно злясь и на Ба, с ее драматизмом, и на себя, за то что так сильно ждала одобрения от этой чужой мне женщины.

— Этот парень... Алекс, — Ба продолжала вертеть в руках нож и мираж с каплями крови, стекавшими по лезвию снова появился. На этот раз капли падали на стол и соединялись с лужицей варения в единую массу. — Которого ты спугнула. Он сел в такси, назвал первый попавшийся адрес и поехал в центр.

— И попал в ту самую аварию.... — поняла я. Внутри у меня все похолодело. Ещё секунду назад я чувствовала себя всемогущей. Я вершила судьбы людей росчерком пера. Я творила доброе дело, спасая невинных людей от превратностей судьбы. А теперь я — убийца.

— Вселенная стремится к равновесию, — пожала плечами Ба. Она отложила нож и сложила блинчик треугольником, прежде чем обмакнуть его в варенье. — Если спасаешь жизнь одного существа, она потребует взамен нечто равноценное. И иногда жизнь одного человека стоит десяти других.

Я открыла рот и поняла, что не могу сделать вдох. Лёгкие просто отказывались наполняться воздухом. Нож невинно лежал рядом с тарелкой блинов, но теперь я не сомневалась, что капли крови на нем мне не показались.

— Как я уже сказала, для первого раза не плохо, — продолжала Ба. Ее голос звучал глухо, как будто откуда-то издалека. — Но согласись, это можно было бы сделать и более элегантно.

Она пальцем сдвинула сахарницу и подтолкнула ко мне лист с раскадровкой. Я тупо уставилась на рисунок, медленно соображая, как он вообще попал из моей сумки на кухню. Мой взгляд переместился туда, куда указывал палец Ба. На одном из кадров присутствовала женская фигура в свитере. Ее лицо закрывал развернутый лист бумаги. До меня медленно начало доходить.

— Если бы я не пошла туда?... — каждое слово давалось с трудом. Мне приходилось вытаскивать их из себя, как осколки из рваной раны. — Если бы не подтолкнула. Он бы? Этого бы не?...

— Нет, авария все равно произошла бы, — казалось Ба не трогают мои переживания. Она жевала блинчик и манерно вытирала капельки варенья в уголках губ бумажной салфеткой. — Более того, парнишка так и так прыгнул бы в это такси. Ты же это нарисовала. К чему было нестись туда самой и что-то там ещё подстраивать?

Ее голос становился все тише. Между нами возникло что-то вроде невидимой стены, или дымовой завесы, которая окутывала меня с головы до ног, пряча от окружающего мира. Тело отказывалось функционировать автономно и перед каждым вздохом мне требовалось проговаривать команду: вдох. Теперь выдох. *Вдоох. Выыдох*. Постепенно эти два слова вытеснили все остальные мысли из моей головы.

Вдох.

Обрывки образов проплывали перед моим мысленном взором, утопая и пропадая из виду в молочно-белом мареве: пачка чипсов, прикуренная сигарета, уходящий вдаль трамвай.

Выдох.

Казалось я вышла из академии миллион лет назад. Или это было только что, а Алекс запрыгнул в такси давным-давно?

Вдох.

Из молочного марева вынырнула фигура моего спасителя из «Rocket Bean«, а следом, мысль, что нужно постирать рубашку. Такая нелепая в своей простоте мысль. Где-то люди умирают каждую секунду, а жизнь живых продолжает идти своим чередом.

Выдох.

Интересно, я сама нарисовала себя в одном из кадров? Или моя фигура появилась там сама по себе? И если сама по себе, то до, или после того, как я решила отправиться на поиски Алекса? Что было раньше: курица или яйцо? События происходят потому, что мы так нарисовали или рисунок является предсказанием уже предопределенного будущего?

Вдох.

Лицо Алекса, искаженное страхом.

Вдох.

Не я его выбрала. Это все Пряха! Она решила выдвинуть его на передний план!

Выдох.

Но раскадровку рисовала я.

Вдох.

Значит, я верю в то, что стала богиней судьбы? Верю в то, что от моих картин зависят чьи-то жизни?

Выдох.

Верю.

Вдох.

Не верю.

Выдох.

Как издалека до меня снова донесся голос Ба. Она поставила передо мной чашку с кофе и положила руку мне на плечо. Мне бы скинуть ее в порыве протеста, но это же рука бабушки. Мне так не хватает ее поддержки!

— Ты привыкнешь, — первые слова которые я смогла разобрать, когда оцепенение спало. Молочное марево расступилось. Взгляд сосредоточился на чашке. Кофе с идеальной ореховой пенкой, молоко влито тонкой струйкой у самого края, чтоб не нарушить эстетику. Женщина с лицом моей бабушки не была Ба, как бы мне не хотелось верить в обратное.

— В следующий раз я буду рядом, тигренок. Помогу создать картину, которую не потребуется править на ходу.

Она встала и потрепала меня по плечу. Нож исчез в складках юбки, а вслед за ним и мой несчастный рисунок.

— Но я еще не согласилась на эту... должность, — сухо сказала я, не глядя на Ба. Если я подниму глаза. Если увижу ее. То вопреки всем рациональным выводам, поддамся на обман. — Это было… увлекательно, — слово было не подходящим, оно обжигало язык. — Но у меня есть своя жизнь.

Я не видела Ба, не знаю, улыбалась ли она в от момент или смотрела на меня с угрозой. Возможно, она опять смотрела на меня снисходительно, как на несмышленыша, но когда она заговорила, голос ее прозвучал устало. В нем было что-то такое, от чего мое сердце сжалось от дурного предчувствия. Как от ощущения надвигающегося неизбежного.

— Никто не властен над собственной судьбой, тигренок. Даже сама Судьба.

II. По праву рождения

1.

Пушистое тельце обмякло у меня на руках, как набитая песком плюшевая игрушка. В детстве у меня была такая игрушечная ящерка. Если положить ее на руку, игрушка казалась почти живой. Сегодняшняя находка точно была живой. Мокрый носик упёрся мне в ладонь в поисках вкусненького. Мои руки после практики пропахли растворителем и масляными красками. Носик недовольно сморщился и чихнул.

— Будь здоров, малыш, — сказала я, заходя в квартиру и гадая, едят ли хорьки сосиски. — Откуда ты только тут взялся?

Найденыш, едва оказавшись на полу, принялся шарить по всем комнатам в поисках укромных уголков, где можно обустроить норку. Говорят, к некоторым домашние питомцы приходят сами. Этот, кажется, намеревался поселиться у меня, хочу я того или нет. Вяло подумав о том, что стоит повесить в подъезде объявление о находке, я прошла на кухню. Ба там не было.

Со смесью разочарования и облегчения, я принялась разбирать покупки: молоко, десяток яиц, сосиски и...

— Опять кардамон! Я же просила купить корицу.

— А я просила стучаться! — я стиснула зубы и спрятала лицо за открытой дверцей холодильника. Не думаю, что когда-нибудь привыкну к этим внезапным появлениям прямо из воздуха.

— Никакого уважения к старшим, — фыркнула Ба. Рядом с ней что-то глухо плюхнулось на пол. Из-под дверцы холодильника мне был виден чёрный мешок со вздувшимися швами. Содержимое мешка оставалось загадкой.

— О, я вижу ты нашла Злой Рок.

Она присела на корточки перед моим найденышем и протянула руку для знакомства. Хорёк недоверчиво обнюхал ее пальцы и гугукнул. Должно быть, они пахли чем-то вкуснее растворителя.

— Это просто хорёк. — Я открыла пачку сосисок. — Ютился у батареи в подъезде, потерялся наверное.

— Ну, ну, — Ба выпрямилась и старательно вытерла пальцы о край фартука. — Главное, не тащи его сегодня с собой.

— Куда?

Вместо ответа Ба кивнула на мешок, приглашая взглянуть на его содержимое. Я протянула хорьку угощение, после чего с опаской развязала тесемки на мешке. Внутри оказался древний, судя по запаху, плащ с капюшоном. Бархатная подкладка некогда была красного цвета, но выцвела. С внешней стороны плащ был расшит черным кружевом. На Ба был похожий плащ, только узор на нем вышит серебряными нитками. Когда Ба двигалась, казалось, что по ее плащу ползали маленькие серебряные змейки.

— Я должна это надеть?

Плащ был тяжёлый и неудобный, к тому же в нем полностью отсутствовали карманы. Под грозным взглядом Ба, я покорно накинула плащ на плечи. Мир вокруг меня завертелся. Мы оказались в очередном белом коридоре, пропахшем медикаментами и антисептиком. Где-то рядом кричала женщина.

— Опять больница? — поморщилась я, припоминая наше прошлое путешествие в пространстве и времени. Оглядевшись, я с удовлетворением отметила, что все надписи на стенах были на эстонском, значит, мы хотя бы в пределах страны. — И какой сейчас год?

Ба сверилась с часами и недовольно цокнула языком.

— Опаздываем. Лахеса опять будет ворчать.

Я вспомнила девушку с картины в мастерской. Ба стала частым гостем в моем доме, но третью богиню Судьбы я еще не разу не видела вживую. Я бы хотела, чтобы наше знакомство произошло в более торжественной обстановке, но когда Ба считалась с моими желаниями? С тех пор как она появилась на моем пороге и заявила, что я новое воплощение богини Пряхи, она только и делала, что требовала от меня жить по известным ей правилам игры. Ей не важно, принимаю я эти правила или нет.

— Богиня Судьбы не властна над собственной судьбой, — повторяла она каждый раз, возникая из ниоткуда с новыми заданиями и требованиями.

Звучало абсурдно, но, кажется, у меня и правда не было выбора. Мои картины изменились. Я чувствовала силу в каждом штрихе или мазке кисти, не важно рисовала я в классе, или дома. Бездумные каракули сами собой превращались в конкретные образы и сцены. Я поднималась посреди ночи в порыве вдохновения и шла в мастерскую, а на утро встречала героев собственных грез. Я думала, что сопротивляюсь, но каждым своим шагом все теснее привязывалась к новообретенному дару и образу жизни. Мне стало казаться это всегда было именно тем, чего я и хотела.

Лахесу я узнала сразу. Она точно сошла с моей картины: узкое, вытянутое лицо обрамляли жемчужно-белые волосы, собранные в тугую косу. Коса спускалась до самых щиколоток, и была такой тяжелой, что Лахеса была вынуждена задирать голову. На ней был плащ, расшитый красными нитками и отороченный белым мехом. Лахеса задумчиво поглаживала мех. Казалось, что он вздымается и опадает под ее пальцами. Плащ легко мог бы скрыть округлый живот богини, но что-то мне подсказывало, что сейчас Лахеса не была в положении.

— Вы едва успели! — прошипела девушка, увидев нас с Ба. Я заметила фотографии с новорожденным, развешанными на стенах. У стойки регистратуры висела огромная доска, расчерченная как календарь и заполненная синими и розовыми кружочками. Хоть Лахеса и не была беременна, наше знакомство произошло в роддоме.

Я впервые оказалась в родильном отделении. Мои представления о том, как это место устроено не выходили за рамки американских сериалов про скорую помощь. Воображение уже рисовало извивающихся в агонии женщин, мужей лежавших у подножия кровати в обмороке и седеющего врача с безразличным взглядом, который говорит: тужьтесь, тужьтесь сильнее. Крики за стеной живописно дополняли эту картину и мне срочно захотелось выйти на свежий воздух. Нет, с какой бы целью мы сюда не явились, *я отказываюсь принимать в этом участи*е!

Лахеса погладила свой белый воротник и толкнула дверь в палату. Ба знаком велела следовать за ней.

— Мы прям так и зайдём?...

Ответ очевидно был «да», но я мялась у входа борясь с брезгливостью. Даже моих скудных познаний в области медицины было достаточно, чтобы перед мысленным взором красными буквами замигало слово «антисанитария».

Богиням судьбы однако это понятие было неведомо. Они прошли в палату и оставили дверь широко распахнутой. Со своего места я видела женщину, которая сидела на странном низеньком стульчике широко расставив ноги и запрокинув голову к потолку. Акушерка в розовой форме растирала ей спину, а другая, чуть постарше сидела на корточках рядом, положив руку роженице на колено. Женщина издала низкий утробный звук, который затихая перешёл в вибрацию. Я зажмурилась. Я не хотела видеть то, что происходило.

Дверь в палату захлопнулась, а я так и осталась стоять снаружи. Потоптавшись в нерешительности, я уже подумывала о том, чтобы уйти. Если повезёт, окажется, что роддом находится прямо в Таллинне. Тогда я смогу сесть на автобус и уехать домой.

Раздался детский плач. Он разрезал воздух в палате и вонзился в меня острым ножом. Было в этом зове что-то решительное, не свойственное несмышленому младенцу. Дверь открылась снова, и Ба силком втащила меня в темное помещение родильной палаты.

Женщину переложили на кушетку. Она тихо постанывала от усталости. Крошечный красный комочек лежал у нее на груди.Это был первый младенец которого мне приходилось видеть вживую, и это был самый необычный младенец, которого я когда-либо видела. Его тоненькие пальчики сжимались и разжимались, словно он старался ухватиться за что-то видимое ему одному. Чёрные в тусклом освещении глаза смотрели серьёзно и осознанно. Словно там, в другой жизни, ему были известны все тайны мира и теперь он старается сохранить в памяти хотя бы крупицы улетучивающихся знаний. Хмуря бровки, он раскрывал свой беззубый ротик в поисках молока. При помощи акушерки женщина мать смогла приложить его к груди. Малыш сосредоточенно зачмокал.

Лахеса никем не замеченным призраком просочилась между акушерками и встала над младенцем. Он на секунду отпустил грудь и глянул прямо на богиню. В руках у Лахесы что-то блеснуло. Я тихо вскрикнула. Мне почудилось, что это кинжал, вроде того, что носит с собой Ба. Однако я ошиблась. В руках у Лахесы был клубок. Плотная золотистая нить состояла из целого пучка более тонких, туго переплетенных между собой. Разлохватив кончик нити двумя пальцами, Лахеса принялась аккуратно привязывать каждую тонкую ниточку к большом пальчику ноги малыша. Ни младенец, ни мать никак не реагировали на ее действия. Скорее всего, они её даже не видели. Каждая привязанная ниточка начинала светиться, так что скоро над малышом образовался ореол наподобие северного сияния. Зрелище было захватывающее. Я невольно потянулась за карандашом. Похлопав себя по карманам, поняла, что не прихватила с собой ни одного альбома. Ба взяла со столика у кушетки какую-то брошюру и карандаш, которым медсестра записывала вес и рост новорожденного и протянула мне. Руки сами начали рисовать. Будущее, дарованное Лахесой становилось настоящим под моими пальцами, и будущее это было многообещающим. Лахеса вплетала невероятный талант, творческий успех и всемирное признание, жгучую страсть и множество испытаний. Они ложились плотными узелками, но не рвали нить.

— Про таких детей говорят, что они рождаются раз в тысячелетие, — сказала Ба, вырывая меня из художественного транса. — И таких детей, мы, как в старые времена, встречаем и провожаем полным составом.

Акушерки закончили свою работу одновременно с Лахесой. Она опустила руки, любуясь трудами, а роженицу и ее малыша-с-великой-судьбой готовились перевезти в послеродовую палату.

— Ну, на сегодня все, — Ба хлопнула меня по плечу и развернулась к выходу.

— Подожди, — я растерянно уставилась на нее. — Разве ты не вжухнешь меня обратно?

Если у меня и были способности переноситься в пространстве и времени самостоятельно, Ба не раскрывала тайны, как ими пользоваться. Она всегда возвращала меня в родную мастерскую одним щелчком пальцев, однако сегодня, кажется, собиралась просто уйти.

— У меня тут есть ещё кое-какие дела.

Ба даже не обернулась. Ей было безразлично, как я вернусь домой. Ее призрачная магия так же рассеялась. Я поняла это, когда на меня налетел один из санитаров, которого послали привести в порядок палату.

— Вам чем-то помочь? — спросила он таким тоном, что просить какую-либо помощь мгновенно расхотелось. Промямлив что-то про рожающую подругу, я поспешила выйти в коридор.

2.

У меня не было времени обижаться на Ба. Стоило выйти в коридор, как на меня нахлынуло новое открытие. Оказывается, золотая нить, которую Лахеса привязала к ножке новорож-

дённого, была не только у него. Я осознала, что нити судьбы тянулись от каждого встречного человека. Что важнее, я могла их не только видеть, но и читать.

Прислонившись к стене, так чтобы никому не мешать, я принялась копаться в чужих судьбах. Это было как пролистывать эпизоды сериала на скорости, выхватывая отдельные сцены и диалоги. Должно быть я странно выглядела со стороны со своим пустым взглядом, то и дело хмурясь или подхихикивая.

Продолжая наблюдать, я поняла, что не все нити стянуты плотным жгутом, некоторые тонкие ниточки разветвлялись и тянулись в разные стороны. Ума не приложу, как они при этом не путались между собой.

К стойке регистратуры подошла молодая женщина, низенькая и круглая как бочонок. За ней по пятам шёл мужчина, с набитой до отвала спортивной сумкой. Сложно сказать, кто из них выглядел более взволнованным.

— Маргарита Саар, первые роды, схватки каждые три минуты, — бодро заявила женщина, сверяясь с телефоном. Ее нить была похожа на молодое деревце, веточки которого упрямо тянутся к солнцу. Только если веточки имеют все шансы вырасти, то её нити были безвозвратно обрублены. Упущенные возможности и не принятые решения копились на ее жизненном пути, и чем выше становилось «дерево«, тем больше оставалось обрубленных «веточек«. Судьба мужчины была прямая словно палка, без единого сучка, общий порядок нарушала только тоненькая красная ленточка. Проходя через сердце, она нежно вилась по плечам беременной спутницы, спускалась ниже и терялась где-то в неизвестности будущего. Должно быть, готовилась оплести их новорожденное дитя.

Регистратор отправил роженицу на осмотр. К ее мужу подошла медсестра, чтобы помочь заполнить необходимые документы. Я продолжила свои наблюдения с энтузиазмом ребенка, которого впервые запустили в песочницу. Нить медсестры была тусклой и узловатой. Красная нить спускалась по полу и терялась в безнадежном колтуне чужих судеб. А я ведь буквально секунду назад думала, что они не путаются. Оставалось только гадать, что происходило с жизнью того, чья нить судьбы увязла в чужих.

— Подождите-ка, — я подалась вперед, не верят собственным глазам. Миниатюрную роженицу повели в родзал, но красная нить ее спутника не потянулась следом, а слетела и мягко как осенний лист упала на пол. Она опустилась прямо на спутанный узел у ног медсестры и теперь уже было невозможно сказать, была ли эта нить отдельной или частью общего узла. Мужчина поспешил на встречу со своим будущим ребёнком. Нить натянулась и дрогнула. Узел затянулся туже. Медсестра, словно ничего не произошло, сложила бумаги в стопку и передала регистратору.

— Они что, не чувствуют, что связаны? — вырвалось у меня вслух. Регистратор поднял на меня глаза и покачал головой. Не знаю, за кого он меня принял, но я почувствовала, что пришло время уходить.

— Подкинуть тебя до дома?

Лахеса появлялась внезапно. Я мысленно поставила галочку, что нужно при первой же возможности разобраться как они это делают и какие ещё фокусы есть в арсенале богинь судьбы.

— Я Рита.

Лахеса могла быть моей ровесницей, а могла быть и тысячелетней старухой под личиной. Ба отказалась показать мне свой истинный облик и продолжала изображать мою умершую бабушку. Однако когда в гости нагрянул брат с очередным грандиозным предложением по поводу дележки наследства, она обернулась молодой девицей с неоново-розовым каре и бюстом, который так и норовил выпрыгнуть из топика. Я представила её как свою одногруппницу Керсти и со стыдом, но не без злорадного удовольствия наблюдала за тем, как брат пожирает её глазами.

— Я знаю, — с серьезным видом кивнула богиня будущего. — Урд много говорит о тебе. Ты ей нравишься.

— Сомневаюсь, — вздохнула я, поймав себя на том, что искренне сожалею. Женщина с лицом моей бабушки превратила мою размеренную жизнь в хаос, но, я не чувствовала должного раздражения. Никто не властен над своей судьбой, а значит Ба просто обязана была появиться в моей жизни.

— Меня ты можешь называть Лахесой, — продолжила богиня, ловко перекидывая увесистую косу за плечо. — Мы предпочитаем имя не менять.

— Значит, мне стоит называться Пряхой?

Лахеса остановилась и осмотрела меня оценивающе, с ног до головы.

— Нет, ты на нее совсем не похожа, — заявила она, возобновляя шаг.

— Слушай, я тут подумала, — начала я, не глядя на собеседницу. — Должно быть с Пряхой было удобнее? Ну, ты создаешь нить, она из неё придёт...

— Форма не имеет значения, — отрезала Лахеса. — Это просто символ. Главное, чтоб тебе было удобно выполнять свою работу. А Вселенная подстроится.

Она говорила сухо, глядя вперед, а не на меня. Ее голова все время была немного вздернута, так что нос смотрел вверх. У меня возникло стойкое ощущение, что Лахесе я неприятна, как неопытная стажерка, с которой нужно возиться, вместо того, чтобы спокойно делать свою работу или назойливая младшая сестра, с которой заставляют сидеть родители.

— Можно я задам ещё один вопрос?

Любопытство брало верх на гордостью. Лахеса снисходительно выслушала мой сбивчивый рассказ о медсестре и будущем отце семейства.

— Красная нить судьбы связывает тех, кому суждено встретиться.

Пока я говорила, Лахеса успела вывести меня из родильного отделения в общий холл. Теперь она пристроилась в конец очереди в кафетерий, а мне не оставалось ничего другого, кроме как присоединиться к ней.

— Однако никто не обещает, что путь к твоей родственной душе будет легок и прост. Будешь карманчик? Они тут просто пальчики оближешь.

Я зачем-то кивнула, хотя есть совсем не хотелось.

— Но ведь у него жена. И ребёнок вот-вот родится.

— Кто знает, что случится. Может ребёнок не выживет, может они просто разойдутся.

Я встала, как вкопанная. Лахеса расплатилась за свой заказ и протянула мне один карманчик.

— Что такое? — спросила она.

— Как можно такое говорить?

— А что? Говори — не говори, а что суждено, то произойдёт в любом случае.

Я машинально откусила карманчик и тут же об этом пожалела. Все моё лицо теперь было в сахарной пудре.

— Разве это... справедливо? — в носу защипало. Я подумала, что сейчас чихну, но в итоге только шмыгнула носом. Лахеса оставалась глухой к моим метаниям и с удовольствием уплетала карманчик. Подумав, я решила, что ей все-таки лет триста. Она явно ближе к Ба, чем ко мне.

— Ты богиня судьбы, а не справедливости.

— И что, мы совсем ничего не можем сделать?

Мне показалось, что воротник на ее шее вздохнул. Лахеса оторвала кусочек карманчика и обмакнула его в творог, затем поднесла угощение к самому воротнику. Воротник высунул хитрую мордочку, потянулся и облизнулся. В следующую секунду в руках у Лахесы ничего не осталось. Ее воротник оказался маленькой белоснежной лаской с живыми глазками-угольками.

— Мы следим за тем, чтобы предначертанное свершилось, — терпеливо поясилила Лахеса. Ласка гугукнула и снова спрятала мордочку у хозяйки на шее.

— Это Лаки, — Лахеса говорила о смерти, экзотических питомцах и погоде с одинаковым безразличием. Как будто каждый второй разгуливает по городу с лаской на шее. — Госпожа Удача. Обычно она не такая смирная, но сегодня кто-то определённо поймал ее за хвост.

Я запихала в рот остатки карманчика. Должно быть он и правда был вкусным, но мне казался отвратительным. Я испугалась, что не смогу заставить себя проглотить все.

— Какой тогда смысл в богинях судьбы, если они ничего не решают?

Лахеса пожала плечами. Она достала из сумочки влажные салфетки и протянула одну мне.

— А разве смысл обязан идти об руку с властью?

Мы вышли на улицу. Яркое солнце слепило глаза, а воздух потрескивал от напряжения. На небе ни облачка, и все же я чувствовала, что будет гроза. Она надвигалась, невидимая, но неизбежная. Лахеса сложила руку козырьком, высматривая что-то на парковке. Глядя на неё, я вдруг поняла как нелепо мы, должно быть, смотрелись в своих древних плащах. Лахесу ее внешний вид совершенно не смущал. Она стояла в пропахшем нафталином плаще так словно это была королевская мантия.

— Я подброшу тебя домой. Только руки вытри, пожалуйста. Не люблю когда в салоне грязно.

Поперхнувшись недожеванный карманчиком, я уставилась на Лахесу так, будто она обещалась одной рукой закинуть меня на обратную сторону луны. Почему-то после знакомства с Ба мне легче было представить магические порталы и заклинания, чем то, что богиня будущего ездит на машине.

— Если хочешь, можешь дождаться Урд, — пожала плечами Лахеса. — Правда, боюсь, она будет не в лучшем расположении духа.

На мгновение глаза Лахесы стали грустными. Уголки губ съехали вниз, маска горделивой невозмутимости слетела, обнажая пустоту. Как будто весь воздух выкачали из ее тела, оставив пустую оболочку, вынужденную работать по давно заложенной программе. Я моргнула и видение исчезло. Передо мной снова стояла величественная фигура богини с косой до пола и удачей на плечах.

Тщательно вытерев сахарную пудру с рук и щек, я забралась в новенький спортивный автомобиль Лахесы. Салон ещё пах кожей, а с экрана навигатора на панели не была снята пленка.

— Знаешь нам с тобой грех жаловаться, — сказала Лахеса. Ее рука легла на мою, и я почувствовала словно между нами пробежал легкий электрический разряд. — Я направляю жизни людей в самом начале пути, ты следишь за их развитием, а Урд... достаётся вся грязная работа.

Я почувствовала, как по позвоночнику пробежал холодок. Медленно до моего сознания начало доходить. События постепенно сложились в единый пазл: «работа«, которую должна совершить Ба, мужчина и женщина предназначенные друг другу, ребёнок, который вот-вот должен был появиться на свет. Величественная и безразличная Лахеса вдруг показалась мне безобразной жабой. Не ангел смерти, но праздный наблюдатель, для которого жизни людей расходный материал. Она, та что только что чествовала новую жизнь и с такой заботой подвязывала нити судьбы с полным равнодушие говорила о том, что другой ребёнок «может и не выжить». До меня вдруг дошло, что как богиня будущего, Лахеса должна была встречать каждого рожденного младенца в начале его жизненного пути. Но вот она сидит передо мной в машине, а там, в роддоме осталась Ба.

Мои руки зудели. Перед глазами вставал непрошеный сюжет для новой картины: миниатюрная женщина, так часто боявшаяся рисковать, кричит, неистово, как никогда в жизни. Кричит, а перед ней в кювезе лежит неподвижный сверток.

3.

Не знаю, о чем я думала в тот момент. Возможно, будь у меня время остановиться и хорошенько взвесить все «за» и «против», я бы поступила иначе. Возможно, будь у меня все время мира, я все равно сделала бы то, что сделала. От судьбы не уйдёшь, как любит говорить Ба.

Я влетела обратно в роддом в полной уверенности, что меня никто не остановит. Люди разбегались передо мной, как перед оползнем, а в следующую секунду продолжали заниматься своими делами, как будто ничего не произошло. В голове гудело от избытка магии, но тогда я ещё не понимала, что делаю и не умела это контролировать.

Послеродовую палату я отыскала сразу. Мне казалось, дверь в неё светится, указывая мне путь. Я влетела внутрь как раз в тот момент, когда Ба занесла искривленный кинжал над беззащитным тельцем, завернутым в байковое одеяльце. Он, как и его мать, уставшая после родов, спал безмятежным сном, не подозревая, что нить его жизни, ещё не успевшую толком закрепиться, хотят оборвать.

— Не надо! — мне казалось, от моего крика должны сбежаться все медсестры отделения, но даже мамочка, находившаяся в палате, не шелохнулась. Рука Ба дрогнула. Не опуская кинжал, она зыркнула на меня испепеляющим взглядом.

— Это не твоя забота.

— Но он ведь ещё совсем кроха! — я подскочила к Ба и схватила ее за руку. — Нельзя так просто убивать невинного младенца.

— Я его не убиваю. У него случится приступ апноэ на фоне гипогликемии. Он просто перестанет дышать.

— Значит, нужно позвать врача!

Я бросила взгляд на малыша. Он и правда выглядел не так безмятежно, как мне изначально казалось. Слишком спокойно. Грудная клетка поднимается не ритмично, а с задержкой, на губах проступал синеватый контур.

— Зачем? Моя задача — обрубить нить. Отойди, — Ба ткнула меня под ребра, чтобы заставить посторониться и снова занесла кинжал. В руке у неё я увидела тонкую, полупрозрачную нить. Она слабо пульсировать вторя неровному дыханию малыша.

— Нет! — закричала я, что есть мочи, инстинктивно сбрасывая покров невидимости. — Помогите! Кто-нибудь!

За дверью послышались чьи-то шаги. Девушка на кровати завозилась и приподнялась на локтях. Заспанным глазами она огляделась вокруг, толком ничего не соображая.

— Дура, — прошипела Ба. Она спрятала кинжал на поясе и схватила меня за локоть. Стоило ей накинуть на нас покров невидимости, как дверь в палату открылась и появилась медсестра со спутанным колтуном нитей судьбы. Та самая, чей суженый был отцом ребёнка в кувезе. Она огляделась в поисках того, кто мог звать на помощь. Ее взгляд скользнул по нам с Ба, и двинулся дальше. Пожав плечами, она хотела уже было выйти из палаты, но тут внимание ее привлек малыш. Он единственный, кто никак не отреагировал на мой крик. Продолжил тихо лежать, словно не живой, а резиновая кукла. Медсестра подошла ближе и нагнулась к самому лицу ребенка, чтобы послушать дыхание. Брови ее озабоченно нахмурилась. Девушка на кровати протерла глаза и притянула к груди одеяло, прикрывая полуобнаженную грудь.

— Что-то не так?

Не ответив, медсестра раскрыла одеяльце и провела пальцами по стопе малыша. Никакой реакции. Тогда девушка принялась растирать его более интенсивно. Молодая мамочка озабо-

чено вскочила с кровати и подошла ближе. Она нервно теребила край одеяла, в которое продолжала кутаться.

Ребёнок сделал судорожный вдох, после чего снова затих. Молодая мамочка инстинктивно потянулась к своему малышу. Одеяло упало на пол. Медсестра остановила руки девушки и коротко мотнула головой. Она метнулась к стене и нажала кнопку тревоги.

— Реанимацию в палату 307! — крикнула в коридор.

Одной рукой она зафиксировала голову ребёнка и запрокинула её чуть назад, чтобы открыть дыхательные пути. Мамочка на фоне принялась тихо причитать. Ее нить судьбы подрагивала от напряжения. События, которые происходили должны были повлиять и на ее судьбу. Мне казалось, я видела как плетение меняется, создавая новый узор. По коже пробежали мурашки, но я отмахнулась от предчувствия, переключив внимание на малыша.

Медсестра плотно прижала к крохоному личику маску и начала искусственную вентиляцию лёгких. Грудка малыша стала ритмично подниматься и опускаться. В дверях палаты появилась вторая медсестра.

— Апноэ, без реакции! — не оборачиваясь сообщила первая.

Рука Ба крепче сжала мой локоть. Она внимательно следила за слаженной работой медсестёр, сама минутами забывая дышать от напряжения. Кинжал на поясе подергивался, точно живой.

Несмотря на весь ужас ситуации, меня завораживало то, как спокойно, почти медитативно девушки в розовой форме исполняли свою работу. Без лишних движений, обменивались короткими сухими фразами, они действовали как единый организм, поддерживая жизнь в крохотном тельце.

Ребёночек все еще не дышал самостоятельно. Его кожа стала синюшно-белой. Причитания матери на заднем фоне становились все громче. Одна из медсестёр сделала прокол на пяточке и дала каплям крови стечь на тест-полоску, вторая продолжала вентиляцию. На мать они не обращали никакого внимания.

— Глюкоза низкая.

Катетер. Шприц. Укол. Я заметила, что кожа малыша едва-заметно порозовела. В палату бесшумно прошмыгнула Лахеса. При виде неё Ба чертыхнулась сквозь зубы и впилась ногтями в мой локоть так, что я невольно вскрикнула. Мать малыша прекратила свои причитания и неровной походкой подошла к кювезу. Она переводила испуганный взгляд с одной медсестры на другую, не решаясь задать вопрос.

Первый вдох. Неуверенный, больше похожий на всхлип. Лахеса протянула руки к малышу и закрепила у него на пальчике готовую вот-вот оторваться полупрозрачную нить. Под ее пальцами нить начала ветвиться и наливаться цветом. Это было не то же самое, что несколькими часами ранее. Малыша не окружал цветной ореол, обещающий великое будущее, но он определённо будет жить.

Ещё один вдох. Грудная клетка теперь двигалась самостоятельно. Одна из медсестёр прикрыла малыша одеяльцем, прежде чем вывезти кювез в коридор. Вторая обернулась к матери.

— У малыша сильно упал сахар, но всё под контролем, он дышит и мы его стабилизировали. Нам нужно перевести его под наблюдение в Интенсив, чтобы не пропустить повторное ухудшение.

— С ним все будет хорошо?

— Он в надёжных руках, и мы сделаем все возможное. Дальше всё будет зависеть от того, как он отреагирует на лечение.

— Он будет жить, — кисло подтвердила Лахеса, глядя на то, как на красной нити медсестры сам собой завязывается очередной узелок.

— Ты должна была за ней проследить! — накинулась Ба на Лахесу. Мы оставались невидимыми в палате, откуда только что забрали малыша. Мамочка его нервно мерила шагами комнату, пока ждала, чтобы гудки в трубке сменились голосом мужа.

— Я ей не нянька! — огрызнулась Лахеса. Мне было глубоко плевать на то, что эти двое обо мне думают. Ребёнок будет жить. Я спасла его! И не надо мне говорить, что у него не было будущего, смогла же Лахеса в итоге вытянуть нить его судьбы. Да, она не такая яркая, но длинная и наверняка интересная. Я бросила взгляд на миниатюрную фигурку у окна. Муж наконец ответил и женщина принялась сбивчиво рассказывать ему о том, что только что произошло. Я чувствовала, что эти двое станут прекрасными родителями для малыша. Как только его выпишут из больницы, они заживут душа в душу. Уж я об этом позабочусь. Ну, а что до медсестры... может, мне только показалось, что ее нить связана именно с этим мужчиной.

— Вот сама ей и объясняй! — сказала Ба, топнув ногой. — Я умываю руки!

Лахеса вздохнула и поманила меня к себе.

— Пойдем, Рита, я кое-что тебе покажу.

И снова никакой магии. Она не крутанулась на месте и не перенесла нас в другое измерение. Мы вышли из палаты и двинулись дальше по коридору. Пройдя несколько шагов, мы зашли в соседнюю. Здесь царил полумрак. Шторы были опущены, кровать аккуратно застелена. В первую минуту мне показалось, что палата пустая, но тут в приставленном к кровати кювезе кто-то завошкался.

— Почему он тут один?!

Это был тот самый малыш, ради которого Ба меня сюда притащила. Золотая нить судьбы окутывала все его тельце, но радужное сияние над головой успело потухнуть. Да и сама нить, как мне показалось, успела потускнеть. Малыш раскрыл розовый ротик, намереваясь закричать. Лахеса нежно взяла малыша на руки. Она раскачивалась из стороны в сторону, сопровождая каждое покачивание лёгким хлопком по нижней части спины малыша.

— Приёмная мать должна была назвать его Иваром. В честь дедушки своего мужа. Полагаю, теперь это имя достанется тому, кого ты сегодня спасла.

Она говорила спокойно, в такт хлопкам и собственным шагам. Безымянный малыш у нее на руках сонно прикрыл глазки и припал ртом к плечу Лахесы. Ласка у неё на шее миролюбиво обнюхала нового соседа и посторонилась, чтобы не мешать.

— Приёмная? — только и смогла переспросить я. — А где же...? — я обвела руками палату. Здесь не было и следа родной матери малыша. Куда она могла исчезнуть спустя всего несколько часов после родов?

— Сбежала, — Лахеса говорила кратко, словно подробности я должна была додумать сама. — Ей он был не нужен.

— Но ведь такие как он рождаются раз в тысячелетие!

— Это мы с тобой знаем. А для неё он просто обуза и ответственность которую она, в свои семнадцать не готова на себя взять.

Я поняла, что наблюдая за чарующим зрелищем, которое устроила Лахеса в момент рождения ребёнка, я совсем не обратила внимание на его мать. Она действительно была так молода? Это объясняло, почему кроме акушерок с ней рядом никого не оказалось. Ребёнок, какие рождаются раз в тысячелетие был не желанной проблемой, а то и поводом стыдиться.

— И что теперь с ним будет?

— Не знаю. Его должна была усыновить Маргарита, та женщина из палаты 307. Боюсь только теперь, имея своего ребёнка на руках, она вряд ли это сделает...

— Ну, может его усыновит кто-то другой...

— Или он все детство проведёт в детдоме. Тебе виднее, — она криво усмехнулась и положила спящего ребёнка обратно в кувез. Ласка соскочила с ее шеи вслед за малышом и свернулась клубочком у него под боком.

— Иногда кажется, что жизнь не справедлива, и что, имея возможность исправить все одним движением руки, ей грех не воспользоваться. Но у всякого действия есть цена. И последствия.

Я упрямо сжала губы. Меня отчитывали как школьницу и я чувствовал как щеки начинают гореть от прилившей к ним крови. Но я упорно отказывалась понимать то, что эти две закостенелые старухи пытались до меня занести.

— Я богиня судьбы, — проговорила я. Впервые. Мне понравилось, как это прозвучало. — Не летописец. Не историк. Разве моя прямая обязанность не менять судьбу так, чтобы стало лучше? Разве Ба пришла ко мне не за тем, чтобы я спасла жизнь нужному парню. Тогда что-то никто не говорил мне о последствиях. Никто не призывал стоять в сторонке и наблюдать за тем, как он погибнет в аварии. Наоборот.

— Это другое.

— Почему же? — я невольно повысила тон. Лахеса покосилась на малыша. Во взгляде ее промелькнула нежность, словно это был ее собственный ребёнок. — Неужели одна судьба ценнее чем другая? Почему одних непременно нужно спасти, а других можно спокойненько убрать с дороги?!

Лахеса молчала. Она впервые за этот день опустила голову и уставилась на меня исподлобья своими холодными серыми глазами. Ей нечего было мне возразить, но и признать мою правоту она не могла. Поджав губы, она процедила:

— Урд права, ты просто не понимаешь.

4.

До дома я, естественно, добиралась самостоятельно. Когда мы вышли из палаты, Ба уже исчезла. Лахеса без особого энтузиазма повторила свое предложение подкинуть меня на машине. Я отказалась, полная праведного гнева, о чем сильно пожалела, когда спорткар, мигнув задними фарами исчез за поворотом. Мое счастье, что воля богини судьбы закинула меня не на другой конец света, а всего лишь в Пайде. К тому же в кармане джинс осталось немного налички. Хватило на билет на автобус. Ждать его правда, пришлось в два раза дольше, чем ехать, но даже так, всего через три с половиной часа я, наконец, оказалась дома.

В квартире творилось что-то страшное. Сначала я подумала, что ко мне забрались воры. Вещи были разбросаны по полу, столик для ключей в коридоре валялся на боку с отломанной ножкой, по всему коридору тянулась вереница старых газет, которые бабушка собирала для сушки обуви. На кухне было еще хуже. Кто-то сорвал гардину вместе с куском обоев, залил занавески откуда-то взявшейся водой, вывернул наизнанку мусорный пакет и раскидал по всему помещению вчерашние объедки. Осев на пол, я лихорадочно соображала, куда звонить и что делать, если грабители ещё в квартире. Перевернутая вверх дном помойка вдруг зашевелилась и двинулась в мою сторону. Из-под нее уверенно высунулся черный нос и принюхался. Вытянув передние лапы, хорёк хотел было выбраться из-под ведра, но не тут то было. Ведро плюхнулось прямо на пушистые лапки своего пленника, изнутри послышалось гневное «угугу».

— Наглая ты морда.

Я не знала, смеяться мне или плакать, представляя предстоящую уборку.

— Как ты умудрился один навести такой тарарам?

Я подняла ведро, и хорёк радостно закрутился на месте. Он забрался ко мне на колени и зарылся носом в ладони в поисках вкусненького. Я его разочаровала.

— Ну нет, молодой человек. Никаких вкусняшек после такого погрома. Плохой хорёк.

Я старалась говорить строго. С животными нужно сразу разграничить кто хозяин. Но мне сложно было сдержать улыбку. Проказник выглядел очень умильно, особенно когда, не найдя чем поживиться, принялся играть с шерстяным носком.

Вздохнув, я принялась за уборку. Не могло быть и речи о том, чтобы оставить все как есть. Бабушка бы мне такого не простила. Дом, это место, куда хочется возвращаться.

Мысли о бабушке плавно перетекли в воспоминания о Ба и событиях сегодняшнего дня. Собирая мусор обратно в пакет, я прокручивала в голове разговор с Лахесой. Мысль о том, что не дав невинному малышу умереть, я что-то испортила никак не укладывала в моем сознании, но вид другого мальчика, лежавшего в пустой палате в полном одиночестве не давала мне покоя.

— Я могу все исправить!

Собрав газеты, я пообещала себе, что завтра обязательно вымою полы и придумаю, как повесить обратно гардину. Ноги сами несли меня к шкафу в коридоре. Стоило мне взяться за дверцу, как по мои ступни защекотало нечто пушистое..

— Э, нет, дружок, — я решительно поймала хорька за шкирку. — Туда тебе со мной точно нельзя.

Я вернулась на кухну и сложила из пледа подобие кокона. Посадила туда своего горе-найденыша и мысленно добавила к списку дел поиск подходящей клетки. Почему-то я уже смирилась с мыслью, что хорёк будет жить у меня.

Затем, я отправилась в мастерскую.

Мне нужна была женщина. Бездетная, но заботливая, открытая для любви и готовая взять на себя ответственность за чужую жизнь. Такая, которая сможет воспитать чужого ребёнка как собственного или даже лучше. Стеллажи с альбомами нависли надо мной в немом ожидании, руки порхали над корешками. Если раньше мне требовалось взять в руки, а то и раскрыть альбом, чтобы понять, чья судьба в нем представлена, то сейчас мне хватало мимолетного касания. Моя сила росла день ото дня.

Время в мастерской определенно текло иначе. И это сказывалось на моих биоритмах. Здесь я могла сидеть часами и не чувствовать усталости или потребности во сне. По пути домой я валилась с ног, но едва переступив порог мастерской почувствовала прилив сил и энергии. Я просматривала полку за полкой, стеллаж за стеллажом, совершенно забыв о времени, пока руки мои не остановились над одной тонкой папочкой, перетянутой тесёмкой. Развернув ее, я задумчиво посмотрела на наброски. Это должно было сработать.

Эмме было сорок два года. Немного поздно для детей, но собственных им с мужем так и не удалось завести. Эмма была ИТ-менеджером в большой компании. Следила за собой, правильно питалась, ходила в зал три раза в неделю и на бачату по выходным. Ее жизнь была расписана по минутам и со стороны могла показаться идеальной, но Эмме чего-то не хватало. Была у неё внутри пустота, которую не могли заполнить ни зал, ни бачата, ни любимая канарейка Кнопочка.

Сюжет рождался в голове сам собой. Я взяла набросок из папки и прикрепила прищепкой с мольберту. Мне захотелось создать полноценную картину маслом, сколько бы времени это не заняло. Я взяла холст, и начала рисовать сразу краской, нанося ее широкими размашистыми мазками.

Существует у творческих людей некое понятие о «потоке». Это состояние входя в которое творец, будь то писатель, художник, композитор, находится на пике своей творческой продуктивности. Для меня состояние потока было красивым мифом, сказкой для тех, кто не в состоянии работать без дополнительной мотивации. Для того, чтобы работать, даже если под этим подразумевался какой-то творческий процесс мне всегда было достаточно просто сесть и начать. Однако не в этот раз. Я провалилась в процесс написания картины, словно в другое измерение. Исчезли все посторонние звуки и запахи, сам фон за пределами холста размылся и постепенно исчез в сероватой дымке. Время остановилось, отступили все внешние переживания и сторонние мысли. Была только моя героиня и работа, которую я создавала.

Минус состояния потока в том, что, как и любое опьянение, оно приносит за собой похмелье. И не всегда конец вдохновению совпадает с окончанием работы. Я очнулась над полузаконченной картиной с кисточкой в руках, когда внешний мир резко ворвался в мое сознание. Я услышала, как кто-то шелестит бумагой у меня за спиной. Звякнули кисточки о банку с водой, когда в нее сунулась любопытная мордочка.

— А ты как сюда пробрался? — спросила я , не в силах злиться. Я точно помнила, как плотно закрыла дверь в шкаф, насколько это было возможно с внутренней стороны, согнувшись в три погибели. Хорек невозмутимо повел усами и чихнул. Вся его бурая шерстка была в пыльных катышках. Оставалось только гадать, куда он лазал до того, как оказался в мастерской.

— Только не шали, — погрозила я хорьку пальцем. — Здесь очень важные работы.

Хорек моргнул и принялся озираться вокруг. Когда он отошел от банки, чтобы обнюхать ближайший стеллаж, за ним потянулась вереница маленьких цветных следов. Я вздохнула и повернулась обратно к холсту. С вдохновением или без, но мне нужно было закончить работу как можно раньше.

На картине была изображена Эмма в полный рост. Она сидела на кушетке в своей чистенькой уютной квартире. Кнопочка, выпущенная из клетки, присела на подлокотник и с присущим пернатым любопытством разглядывала сверток на руках у хозяйки. Из свертка высовывалась маленькая пухлая ручка. Она тянулась к Эмме, и женщина в порыве нежности припадала к этой ручке губами. Глаза ее светились, а весь облик казался наконец законченным. Малыш на руках у Эммы стал тем самым недостающим кусочком мозаики, который она силилась отыскать все эти годы. Теперь она точно будет счастлива.

Я подумала, что надо хотя бы частично нарисовать личико малыша, чтобы не было никаких сомнений.

Эмма пришла в больницу на прием к репродуктологу. Неутешительный диагноз, озвученный специалистом, погрузили женщину в такое отчаяние, что она шла куда глаза глядят. Она случайно не подслушала разговор двух медсестер, о малыше оставшемся без родителей. Эмма тут же позвонила мужу, и он полностью ее поддержал. Мальчику нужны любящие родители, а они всегда мечтали о ребенке, и не важно будет ли он родной или приемный.

Сзади раздался грохот. Альбомы со стеллажа полетели на пол, скрывая под собой хорька. Я в страхе вскочила с места и принялась разбирать завал. С пушистой мордочкой все было в порядке. Он довольно гугукул и уткнулся в меня мокрым носиком. Это сразу напомнило мне ласку на шее у Лахесы. Может все богиням судьбы полагаются зубастые фамильяры?

— Признавайся! — я подняла хорька на вытянутых руках и заглянула в его чёрные глаза-бусинки. — Может, ты шпион Ба?

Хорёк тряпочкой повис у меня на руках. Только хвостик его возбужденно подрагивал. Глаза смотрели доверчиво. Его так и хотелось прижать к себе и приласкать.

— Ладно, Рокки, — я опустила хорька на пол. Я окончательно утвердилась в мысли, что этот найденыш никуда уже от меня не уйдёт. — Мне нужно закончить работу, а потом я погуглю, чем тебя кормить.

5.

— Тебя на секунду нельзя оставить без присмотра! — Ба не кричала. Она ревела, как разъяренная медведица, готовая крушить все на своём пути. Я только успела закончить работу, как она возникла в мастерской. Без стука и предупреждения, как всегда. На ней не было ни плаща, ни бабушкиного накрахмаленного фартука, но странное цветастое платье с плиссированной юбкой а в пол. Рокки высунул нос из коробки с красками и пошевелил усами, приветствуя.

— Ты кричала, что я все испортила. Я нашла вариант, как все исправить и ты снова мной не довольна, — не такой реакции я ждала от Ба. С делано равнодушным видом я принялась натирать кисти тряпочкой с растворителем.

— Исправить? ИСПРАВИТЬ?! — Ба чуть не поперхнулась собственным возмущением. Ее реакция казалась слишком бурной, впрочем, она весь день была какая-то взвинченная. — Да ты все уничтожила! Зарубила такую судьбу на корню!

Тут уже пришла моя очередь возмущаться.

—Я нашла идеальных кандидатов на роль любящих родителей. Они будут о нем заботиться. Будут его любить, как родного.

— Вот именно, — взвыла Ба, возводя руки к небу. — Они задушат его гениальность в зачатке!

— Я не понимаю...

Я перевела взгляд на картину. Она была совершенна. Любящая мать, о какой любой ребёнок может только мечтать. К тому же, она работает из дома и хорошо зарабатывает. Сможет ни в чем не отказывать ребёнку и часто быть рядом. Ее мужа на картине не было, но только потому что он в этот момент поехал в магазин за всем необходимым для малыша. Я провела тщательное расследование, учла характер, цели в жизни, стрессоустойчивость и финансовое состояние. Никакая другая семья не подходила малышу так, как эта. Так почему Ба рвёт и мечет? Может злится, что я справилась без ее указаний и помощи? Может она просто ревнует? Чувствует, что я как богиня становлюсь могущественнее? Ведь, если задуматься, не смотря на все свои обещания всему меня научить, она не объяснила мне толком ничего. Со всем приходилось разбираться опытным путем, по ходу дела, как сегодня в больнице.

— Маргарита должна была стать ужасной матерью! — выплюнула Ба, прервав мой поток мыслей. — Она должна была тяжело переживать потерю родного сына, винить себя и свой диабет в том, что произошло. Это должно было довести ее до отчаяния. В усыновлении она увидела бы искупление, но никто из родных не поддержал бы ее.

Она продолжала говорила, а в моей голове появлялись образы, которые я уже не смогу перенести на бумагу. В груди неприятно зудело, словно кто-то методично царапал по одному месту до тех пор, пока не слезет кожа.

— Ее муж должен был уйти от неё к медсестре. Она должна была потерять перспективное место работы, так как оставшись одна с ребенком, не смогла бы вовремя выйти из декрета. Подруги отвернулись бы от нее, не в силах вынести постоянное нытье и негатив. Со временем она стала бы винить во всех своих неудачах сына и срываться на нем.

— Но это же ужасно... — пролепетала я. Ба исступленно продолжала:

— Она бы начала срываться на нем, кричать, а со временем и откровенно издеваться. Он вырос бы глубоко несчастным, травмированным, одиноким ребёнком, замкнутым в себе и собственном мире.

Я вспомнила рождения малыша, как Лахеса творила его нить, завязывая узелки переломных моментов и трудностей в жизни. Тогда я не придала значения тому, что узелки появлялись от самого основания нити и тянулись практически до конца, порой цепляясь друг за друга и образуя более плотные, большие узлы.

— Его ждало великое будущее, он должен был стать творцом, чей след на века останется в истории. Новатор невероятной широты мысли. Но все это должно было прийти к нему через страдания. Без боли не рождается гений.

— Не правда! — вырвалось у меня. Я принялась перебирать в голове биографии известных мне художников. Бу и тут опередила мои собственные мысли:

— Винсент ван Гог годами жил в бедности, страдал от психических приступов, лечился в клинике и в итоге покончил с собой.

— Но…

— Фрида Кало в юности попала в тяжёлую аварию, перенесла десятки операций и всю жизнь жила с хронической болью, которую прямо переносила на свои автопортреты.

— А как же…

Эдвард Мунк рано потерял мать и сестру, рос в атмосфере болезней и страха, страдал от тревожных расстройств и именно это стало основой его образов и тем. Но должен же быть хоть кто-то…

— Но есть же еще…

— Может и есть счастливые исключения, — Ба цокнула языком. Она только сейчас заметила Рокки и уставилась на него долгим, задумчивым взглядом. — Да только для этого малыша именно *злой рок* должен был стать катализатором.

— Как бы там ни было, а картину я уже закончила, — я отложила кисти, пока от них осталось ещё хоть что-то и нежно коснулась рукой холста. На пальцах не осталось и следа краски. Я ещё раньше заметила эту особенность картин, созданных в моей мастерской. Стоило решить, что работа завершена и краски высыхали сами собой, въедаясь в холст навсегда.

— Пусть он не станет гением, зато проживет эту жизнь в любви.

— От судьбы не уйдешь, тигренок, — грустно проговорила Ба. Я обернулась и мне показалось, что в ее взгляде промелькнуло нечто похожее на жалость. Внутри меня заклокотал гнев.

— А я и есть Судьба! — запальчиво крикнула я. Крикнула и сама испугалась. Воплощение богини настоящего, новая пряха, но судьба... это звучало как будто серьёзнее. Если бы в этот момент небеса разверзлись и боги поразили меня ударом молнии за такую дерзость, я бы не удивилась. Однако небеса молчали. Боги, Вселенная, кто бы там не стоял за всем этим, молчаливо признавали мою правоту. И только Ба упрямо качала головой. Только она обращалась со мной, как с глупой бесполезной девчонкой.

— Ты напоминаешь мне Пряху, — сказала она, не глядя на меня. Ба присела на корточки и поманила к себе моего фамильяра. — Такую, какой она была в молодости. Она тоже хотела изменить мир к лучшему...

По моей спине пробежал холодок. Мне так никто и не объяснил, что случилось с моей предшественницей. Ба никогда не давала прямого ответа. Могла ли сама Ба позаботиться об исчезновении Пряхи, в надежде найти более податливую преемницу?

Зазвонил телефон. Я резко дернулась и чуть не опрокинула мольберт. Телефон лежал в нагрудном кармане рабочего фартука и вибрация отдавалась в грудной клетке.

— Алло?

— Ты чего на сообщения не отвечаешь?

— Хельга? — я потерла пальцами переносицу. В нос ударил резкий бензиновый запах. — Который сейчас час?

По моим ощущениям сейчас должна была быть глубокая ночь, но голос подруги звучал бодро, а из трубки доносились чужие голоса и гул проезжающего мимо трамвая.

— Смеёшься? Уже почти час. Я жду тебя больше сорока минут!

— Ждёшь где?

В трубке раздался нечленораздельнвй возмущенный возглас. Я перебирала в памяти события последних дней. Если мы и договаривались о встрече, то я напрочь об этом забыла.

— Короче, тебя не ждать, да?

— Нет! — я покосилась на Ба, которая продолжала гладить Рокки и делать вид, что не подслушивает. — Дай мне пару минут, я сейчас соберусь.

— Давай, — проворчала Хельга. — И с тебя горячий какао. Тут жуткий дубак.

Я положила трубку и кашлянула, привлекая внимание. Ба подняла голову.

— Мне нужно идти, — как можно тверже сказала я.

— Иди.

— Я не оставлю тебя одну в моей мастерской!

— Так ты хочешь, чтобы ушла я?

— Да! И не смей трогать мои картины!

— О, это все равно было бы бесполезно, тигренок, — Ба говорила подозрительно мягко. В ее словах слышался какой-то подвох, но я не могла понять, какой. — Написанное тобой не обратимо.

Она с тихим хлопком исчезла прямо у меня на глазах. Мне точно нужно освоить этот фокус!

6.

С Хельгой мы знакомы практически с рождения. Наши мамы были школьными подругами, которые продолжают общаться по сей день. Я появилась на свет на месяц позже Хельги, и мама любила рассказывать, как они вместе с тётей Сашей гуляли по городу с колясками и поддерживали друг друга в сложные периоды. Мы вместе пошли в детский сад, затем в одну школу. После девятого класса Хельга забрала документы и поступила в училище, но не проработав по профессии ни дня стала бьюти мастером и довольно известным в нашем городе блогером. С ее внешностью и бешеной энергией в этом не было ничего удивительного.

И вот моя красавица с каштановой шевелюрой и всегда идеальным макияжем стояла посреди улицы кутаясь в тоненькое пальтишко и размазывая тушь по щекам. Ее совершенно не заботило, что вокруг люди. Глаза ее опухли и покраснели, на щеках проступили не здоровые розовые пятнышки. Сигарета тлела в руках, но кажется, Хельга совсем о ней позабыла.

— Что случилось?

Хельга вздрогнула при звуке моего голоса и облегченно выдохнула. Она посмотрела на сигарету в руках так, словно впервые ее видит, затушила и выбросила в помойку.

— Вышла на улицу чтоб проветриться, да вот расклеилась.

Она дрожала от холода всем телом. Подол шёлкового платья едва торчал из-под накинутого сверху пальто. Тонкие капроновые колготки едва ли защищали от пронизывающего ветра.

— Давай зайдём внутрь, и ты мне все расскажешь, — я решительно толкнула дверь в кафе, но Хельга торопливо схватила мою руку.

— Только не туда. Давай пойдём в другое место.

— Почему? — я посмотрела на вывеску кафе «Chocolaterie de Pierre». После «Rocket Bean» это было самое любимое нами место. Когда мы учились в школе, часто сбегали с уроков и приходили сюда полакомиться шоколадным тортом.

— Там Танель... мы расстались.

И судя по состоянию Хельги буквально только что. Мне никогда не нравился этот парень. Было в нем что-то скользкое. Но Хельге всегда нравились смазливые парни с завышенным самомнением.

Я огляделась, прикидывая куда можно пойти, чтоб не заморозить Хельгу окончательно. К счастье в Старом Городе кафе и кофейни были на каждом шагу, большинство из которых вне туристического сезона стояли полупустые.

— Рассказывай, — сказала я, беря подругу под руку. Мы вышли из переулка, где находилась шоколадница и направились в сторону первой бросившейся в глаза вывески с чашкой кофе.

Хельга с Танелем встречались около года. До этого все отношения подруги длились не больше месяца. Узнав парней поближе, она быстро теряла к ним интерес. Однако в этот раз ее как будто приворожили. Танель был фотографом. Хельге его посоветовала какая-то знакомая для контентной съёмки в блог. За тот час что они провели в фотостудии, Танель полностью очаровал Хельгу, и я потом только и слышала от нее: Танель то, Танель сё - на протяжении нескольких недель. Когда парень пригласил ее на первое свидание, Хельга нервничала так, словно собиралась не в картинную галерею, а на премию Оскар.

— Танель... — начала Хельга, стараясь не всхлипывать. — У него другая девушка. Мерлин.

— Хозяйка студии?

Хельга кивнула и вцепилась в мою руку будто боялась, что сейчас упадёт.

— Давно?

Скорее всего. Эта девица вечно крутилась где-то рядом, предлагала помощь, совместные проекты. А уж как она откровенно одевалась...

— Танель сказал вчера вечером. Мол, так и так, я сейчас не хочу серьёзных отношений, а сегодня... они сидят там... вдвоём...

Хельга не удержалась. Слезы опять ручьем покатились по ее щекам. Я стиснула зубы и решительно толкнула плечом тяжелую дверь в кофейню.

— Первым делом умойся, — распорядилась я, затащив Хельгу в туалет при входе. — Я пока закажу нам что-нибудь. И мы все обсудим. Хорошо?

Хельга слабо кивнула. Я редко видела ее в таком раздавленном состоянии и мне было не по себе. Не имея особого опыта в отношениях с противоположным полом, я плохо представляла, что кроме «да забей на него» можно было сказать в таких обстоятельствах. В школе у меня был парень. Наш с Хельгой одноклассник по имени Макс. Мы встречались почти три года, потом он поступил в Питер и уехал. Мы расстались без драм и истерик, просто потому что нам обоим было так удобно. Потом, как выяснилось, Макса отчислили и он вернулся в родной город. Мы продолжили общаться как друзья, без слез и чувств неловкости.

Я оставила Хельгу в туалете и отправилась изучать витрину с выпечкой. Девушка с кислотно-розовыми дредами за кассой едва мазнула по мне взглядом и уткнулась в экран своего телефона. Я внимательно осмотрела не богатый ассортимент десертов и решила остановиться на классике.

— Два какао и побольше взбитых сливок. И вон те пирожные, с шоколадом.

Шоколад — лучший способ борьбы с плохими воспоминаниями. Это вам любой поттероман скажет. И Хельга, как один из них, мой выбор точно оценит.

К тому моменту как Хельга вышла из туалета, сливки в ее чашке успели осесть, а я начала подозревать, что подруга мстит мне за опоздание на встречу. Хельга успокоилась, умылась и даже успела поправить макияж. При виде пирожных она издала грудной звук, похожий на кошачье мурлыканье.

— То что нужно!

Пока Хельга поглощала угощение, я решила ничего не говорить. Если захочет, сама вернётся к истории с Танелем. Я невольно залюбовалась своей подругой: глаза ещё немного припухшие, но даже это придавило ей некое очарование, пухлые губы за которыми прячутся белые ровные зубы, как на рекламе стоматологии. И ей даже не пришлось носить для этого брекеты в школе. Хорошая генетика, как говорит мама. Хельга сняла пальто, под ним оказалось элегантное платье с глубоким v-образным вырезом и тонким кожаный ремешком на талии. На шее нитка искусственного жемчуга. Хельга не любила носить украшения, но жемчуг был исключением, его носила почти как оберег.

Я прищурилась и попробовала посмотреть на подругу как богиня. Смогу ли я различить нити судьбы, как вчера в больнице?

Да, стоило мне сосредоточиться, как реальность изменилась. Нити судьбы оплетали каждого: и Хельгу, и баристу с розовыми дредами, и парня с ноутбуком, который сидел за столиком у окна. Чем дольше я смотрела, тем четче становились нити. Нить Хельги светилась тёплым оранжевым светом. Узелков на ней практически не было, а вот петель хоть отбавляй. Подумала, что нужно спросить у Ба, что это может значить и раздраженно тряхнула головой. Старуха все равно ничего не скажет, будет ходить вокруг да около. Или закатит глаза и скажет, что я самая тупая и безнадежная пряха, раз даже этого понять не в состоянии.

— О чем думаешь? — спросила Хельга. Она уже приговорила пирожное, в то время как я свое едва ли ковырнула вилкой.

— Да так, — отмахнулась я. — Прости, что сегодня так вышло. Я всю ночь работала над курсовой и совсем потерялась во времени.

— Ничего. Если ты не будешь, можно я съем?

Я пододвинула тарелку с пирожным к Хельге. В отличие от Таси, которая вечно сидела на новомодных диетах, Хельга казалось вовсе не заботилась о фигуре. И при этом совершенно не толстела.

— Я давно подозревала, что между ними что-то есть, — начала Хельга, доев второе пирожное. — С тех пор как они затеяли тот проект с фотовыставкой...

Я осторожно кивнула, не зная, стоит ли задавать наводящие вопросы или просто поддерживать. Меньше всего мне хотелось, чтобы Хельга снова начала плакать.

— Но знаешь, хуже всего даже не то, что он мне изменял. Хуже всего то, что у него не хватило духу сказать мне об этом в лицо. «Я просто не хочу сейчас серьёзных отношений» ну-ну...

Я снова кивнула. Хельга хотела выговориться, а значит, более активного отклика от меня не требовалось. Я мысленно потянулась к нити судьбы подруги и тронула ее. Нить завибрировала, как струна. Перед моим взором появилось несколько сюжетных набросков: поезд и переезд в другой город, двое сыновей, которых она собирает в школу и мужчина, который нежно обнимает ее за талию. Фигура мужчины мне кого-то смутно напоминала. Только лица разглядеть не получается.

— Ненавижу лжецов! Я могла бы простить все, даже измену. Честное слово! Но не это...эту трусость. Понимаешь?

Я аккуратно распределила нить, так чтобы отделить красную ниточку предназначения. Она была тут, тянулась от мизинца Хельги куда-то вдаль. Что будет, если проследить, к кому она тянется?

— Ри-ита?

Я подняла глаза на подругу и виновато улыбнулась. Кажется, я слишком увлеклась.

— У тебя то самой все хорошо? Ты какая-то странная сегодня...

— Все хорошо, — заверила я. — Это все курсовая.

Которую и правда нужно написать! Интересно, если я возьму ноутбук в мастерскую, у меня будет больше времени до дедлайна? Или это работает только в случае с картинами?

Вспомнив о мастерской я поняла, что на самом деле очень устала. Я не спала со вчерашнего утра и глаза болели так, словно в них насыпали песка. Сделала большой глоток какао в надежде, что доза сахара меня взбодрит.

— Точно, прости, — Хельга вымученно улыбнулась. — А я тут насела на тебя со своей ерундой.

Меня замучила совесть.

Мы просидели с Хельгой в кафе ещё пару часов, перемыли косточки Мерлин, Танелю и всей их фото-тусовке. Найти негативные стороны в характере и поведении бывшего Хельги оказалось не трудно, мне даже понравилось, что я наконец могу высказать все, что о нем думаю. Хельге, кажется, тоже стало легче. Она расслабилась. Я периодически посматривала на красную нить, привязанную когда-то заботливой рукой Лахесы и ловила себя на мысли, что мне было бы интересно проследить, к кому она тянется. По крайней мере у подруги точно должна была отыскаться вторая половинка. Истинно предназначенная.

Придя домой, я отправилась в ванну. Раздевшись догола долго рассматривала себя в зеркало. Ни в одежде, ни без неё, я не смогла отыскать ни единой ниточки, ни хотя бы следа, словно меня богиня-рожаница обошла стороной. Может потому я и стала новой пряхой? Или наоборот, моя линия судьбы исчезла без следа потому, что я стала богиней? Какое будущее может быть у богини настоящего?

Рокки прибежал ко мне с пакетом замороженных куриных горлышек. В интернете сказали, что хорькам следует питаться сырым мясом и точить зубки о косточки, так что горлышки — оптимальный вариант. Я купила на рынке целый пакет. Лишь бы они теперь не валялись по всей квартире. Хорёк встал на задние лапы, передними упершись в край ванной, и с любопытством смотрел на меня, как бы спрашивая: «чего это ты там удумала?». Я потрепала хорька по голове, между ушами и накинула домашний халат. Смотри, не смотри, а жизнь идёт своим чередом.

Но значит ли отсутствие нити судьбы, что я могу делать что захочу? Или я окажусь на обочине жизни без возможности что-то изменить и исправить? Вопрос...

Непрошено в моей голове всплыл образ Макса. В последнее время мы почти не общались. Он устроился на работу и перестал писать. Я никогда не переживала из-за нашего расставания, и уж тем более не плакала из-за него, как Хельга сегодня. Однако при мысли о красной нити судьбы, я почему-то подумала именно о нем.

— Надо ему написать, — решила я, и тут же взяла телефон в руки. — А еще, взяться наконец за курсовую. Хватит с меня этих божественных штучек. — Рокки утвердительно гукнул, вытаскивая замороженное горлышко, через дырку, которую успел прогрызть в пакете.

7.

Я проснулась на полу мастерской в окружении разбросанных листов и обломков угольный палочек. Все руки у меня были чёрные. Последнее, что я помнила, это как ложилась спать в собственной постели. Голова болела как с похмелья.

Что случилось после того, как я вернулась из академии? Как я здесь оказалась? В моей памяти зияло большое чёрное пятно, словно кто-то взял и зачирикал её карандашом. Прижимая руки в голове и молясь о том, чтобы тупая боль в затылке улеглась хоть ненадолго, я выползла из шкафа в поисках воды. Из зеркала в ванне на меня смотрело нечто бледное, как привидение с чёрными провалами вместо глаз и гнездом спутанных волос. Там, где мои пальцы растирали виски, остались чёрные полосы.

Первым делом я попыталась смыть уголь с рук. Голова соображала медленно, сосредоточиться на какой-то конкретной мысли удавалось с трудом. Я с остервенением тёрла руки мылом, радуясь, что хотя бы физические задачи мой мозг выполнять в состоянии.

Во всем виноват недосып. В последнюю неделю я позволяла себе спать от силы пару часов в день, и те урывками. Пользуясь тем, что в мастерской мое чувство усталости атрофируется, я перебралась туда с ноутбуком и материалами по курсовой и писала ночи напролет. Неприятным побочным эффектом оказалось то, что за пределами мастерской усталость наваливалась с удвоенной силой. Я едва ли была в состоянии ходить на лекции. Однако экзамены не за горами и мне четко дали понять, что если я буду спать на практикумах, меня до них не допустят. Мне бы остановиться да выспаться, как нормальному человеку, но вместо этого, вернувшись с учебы, я снова запиралась в мастерской.

Почерневшая струйка воды стекала в раковину. Вслед за руками я намылила лицо, стараясь при этом не сильно шевелить головой. Каждое движение отзывалось приступом тошноты.

Вчера я защитила курсовую. Не знаю, на какую оценку, но точно помню, как стояла с дрожащими коленками и мяла в руках бумагу с наброском собственной речи. Помню, как Тася корчила рожицы в попытках меня приободрить. Меня всегда пугали устные выступления, тем более на не родном языке. В отличие от Таси, для которой чем больше публика, тем лучше, я, едва почуяв на себе чужие взгляды, забывала все, что планировала сказать. Поэтому я всегда готовила себе памятку, короткий план с основными пунктами.

Засунув руку в нагрудный карман фартука, я нашла скомканный лист бумаги. Он был настолько перемят и пропитан потом, что текст стало невозможно разобрать. И все-таки, это точно был план защиты курсовой. И защищала я ее вчера.

Что было дальше?

Кажется, Тася предложила отметить защиту. Значит, как минимум одна из нас защитилась хорошо. Или это предложение напиться с горя? Нет, на Тасю не похоже…

Я уткнулась носом в полотенце и простояла так несколько минут. Мое состояние говорило о том, что мы вчера посидели на славу, но обрывочные воспоминания противоречили. Не зная, кому больше стоит верить: своему телу или воспоминаниям, я отправилась в спальню в поисках дополнительных улик.

Одеяло и подушки валялись на полу. Из простыни на кровати кто-то явно пытался соорудить кокон. Вещи, в которых я вчера ходила в академию, были разбросаны по полу. Рабочий фартук был на мне единственным подобием одежды.

Скинув фартук на клетку для хорька, я отметила, что она открыта. Рокки нигде не было видно. Обычно днем он волен лазать, где захочет. Я уже привыкла к его компании в мастерской, как и к тому, что за завтраком он может притащить мне на колени недоеденное куриное сердечко. Однако на ночь я его всегда запирала в клетке. Неужели вчера я об этом забыла?

Быстро одеться не получилось. Каждое новое движение сопровождалось болью и мучительными стонами, которые вырывались изо рта помимо моей воли. Я натянула вчерашнюю рубашку и джинсы. Из кармана при этом выпала флешка. Я не стала ее поднимать. Следующий пункт маршрута — кухня.

На кухне горел свет, хотя за окном было уже светло. В раковине стояла одинокая тарелка с присохшей гречкой и чашка с недопитым чаем. Я включила чайник и полезла в ящик с таблетками за обезболивающим. Мой мозг старательно достраивал кирпичики воспоминаний.

Гречку я ела по возвращении из академии. Ненавижу гречку. Однако, если не считать замороженные куриные горлышки, которые я купила для Рокки, это было единственное, что я смогла отыскать из еды. Не смотря на голод, я так и не смогла ее доесть и, выпив кружки три чая с медом, решила отправиться спать. Все. На этом мои воспоминания резко обрывались. Я даже не могла толком вспомнить, как именно я раздевалась и ложилась в кровать. Только то, что я собиралась это сделать.

Так что все-таки произошло?

Раздался звонок в дверь. Чертыхаясь, я пошаркала в коридор. За это время настырный звонок успел протрезвонить еще три раза. Я открыла дверь, в глубине души надеясь, что это какие-нибудь шаловливые подростки, на которых можно будет выпустить пар. На пороге стояла тетя Вера — соседка снизу — ровесница моей бабушки, которая часто заглядывала к нам с пирожками и местными сплетнями. На руках у нее безвольно понурив хвост висел Рокки.

— Риточка, — сказала тетя Вера. — Это не твое чудовище?

— Что он сделал? — севшим голосом спросила я.

При виде моего лица, взгляд тети Веры резко сменился на озабоченный.

— Боже праведный, Рита, с тобой все хорошо?

— Да, да, все нормально, — неловко пробормотала я, протягивая руки к Рокки. — Спасибо, что нашли его и, извините, если он что-то натворил…

— Да ничего страшного, — отмахнулась тетя Вера, продолжая смотреть на меня так, словно меня должно вот-вот вывернуть на изнанку. — Может тебе помощь какая нужна?

Я покачала головой. Оказавшись у меня на руках, Рокки принялся вертеться и месить своими маленькими лапками, пока я не выпустила его на волю. Тогда он проскочил в квартиру у меня между ног и скрылся где-то в направлении кухни.

— Нет, теть Вер, все хорошо, — сказала я, берясь за ручку двери. Больше всего на свете сейчас мне хотелось просто захлопнуть эту дверь и остаться в одиночестве. — Еще раз извините за Рокки…

Тетя Вера вероятно хотела сказать что-то еще, но передумала. Мои мысли, как и всегда отразились на лице.

— Если что, я тут, рядышком, — сказала она, нажимая на кнопку лифта. Кивнув, я закрыла дверь. Рокки выглянул из-за угла с залежавшимся сердечком, которое ранее припрятал где-то под холодильником. В интернете мне посоветовали не мешать хорьку делать нычки, но порой, при виде этих его «сокровищ» меня передергивало от отвращения. Лучше бы я завела кота.

— Ну, и где ты шлялся? — спросила я, хмуро глядя на питомца сверху вниз. Рокки самозабвенно раздирал маленькими острыми зубками свой завтрак и подгугукивал от удовольствия.

Я вернулась на кухню и сделала себе кофе. Подумав, вылила кофе в раковину и налила воды. Пора наконец, позаботиться о собственном здоровье. Интересно, а богини судьбы долго живут? Надо бы спросить об этом у Ба. Правда с Ба я не виделась уже больше недели. После истории с «загубленной» судьбой нового Достоевского, она ни разу не появилась у меня дома. Мне даже начало казаться, что все это было странным сном и я самая обычная студентка художественной академии. Если бы не мастерская.

Может, я просто настолько привыкла проводить ночи в мастерской, что мое тело отправилось туда во сне по инерции? Звучало сомнительно, но других версий у меня пока не было.

Голову начало отпускать после выпитого обезболивающего. Я приняла душ и приготовила нормальный завтрак. Удивительно, он даже не попросился наружу. Зайдя в электронную систему, я убедилась, что защитила курсовую на «А». Настроение заметно улучшилось. Я даже позвонила маме, чтобы похвалиться результатом, но вместо поздравлений выслушала длинную историю о том, как брату с женой тяжело ютиться в съемной квартире, и как было бы хорошо, продай я бабушкино наследство и поделись с ним. Ничего нового.

Только к вечеру я решилась зайти в мастерскую. Я как будто догадывалась, что там увижу и оттягивала этот момент как могла. А может просто за последние дни так сильно устала от работы, что хотела вести себя как обычная студентка хотя бы ещё пару лишних часов. Я посмотрела пару серий первого попавшегося сериала на Netflix, что-то про попаданку в прошлое, которая нашла в этом прошлом свою истинную любовь. Сама судьба свела этих двоих, не смотря на двести лет разделявшие их. Интересно, создатели сериала в курсе, что у Хозяйки Судьбы есть свои правила, и старуха-надсмотрщица, которая не даст их нарушать?

Рокки свернулся клубочком у меня на коленях и умильно посапывал. Я гладила его бурую шёрстку, чувствуя, как бьется пугливое сердечко. Мои пальцы нащупали какой-то нарост на спине. Что-то вроде шрама, огрубевшего и превратившегося в шершавую проплешину. Шрам выглядел старым, но Рокки ежился каждый раз, когда мои пальцы доходили до этого места. Я передвинулась чуть дальше, чтобы не причинять ему беспокойства.

Когда за окном спустились сумерки. Тянуть больше не имело смысла. Что-то ждало меня там, в мастерской. И как бы сильно мне не хотелось отказаться, я должна была встретиться с этим нечто лицом к лицу.

Рокки пошел со мной. Мне показалось, что он вел меня. Впервые я стала свидетелем того, как именно он проникает в мастерскую. Хорек лег боком на пол, вплотную к дверце шкафа и принялся шкрябать ее всеми четырьмя лапками, пока та не поддалась и не открылась. Затем он вскочил и просунул в щель свой любопытный нос. Он как вода просочился внутрь и мне не осталось ничего другого, кроме как последовать за ним.

В мастерской пахло фиксативом для работы с углем и жженой резиной. Резкий запах не имел конкретного источника, сами стены источали его равномерно по всему помещению. На полу в беспорядке разбросаны альбомные листы. Я принялась собирать их в стопку, стараясь не смотреть на сами рисунки до поры до времени. На обратной стороне каждого листа был порядковый номер. Я методично выстраивала листы в правильном порядке, продолжая тем самым тянуть время. Рокки беспокойно крутился у моих ног. Сердце как бешеное колотилось в

груди. Я не знала, но чувствовала, что именно увижу, когда переверну стопку. Все мое естество восставало против.

— От судьбы не уйдешь… — пробормотала я, не то ободряя, не то нагнетая. Сделав глубокий вздох и облизав пересохшие губы, я перевернула стопку и начала просматривать работы написанные моей собственной рукой, начиная с самой первой.

8.

Маргарита подоткнула края детского одеяльца и вытянула ремень безопасности. Автолюльку запрещено ставить на переднее сидение, и у женщины сердце кровью обливалось каждый раз, когда приходилось оставлять крошку без присмотра, чтобы сесть за руль. Роберт снова отказался отпрашиваться с работы, чтобы отвезти их с Иваром к врачу, а значит Маргарите нужно позаботиться обо всем самой. Она приладила к автолюльке зеркальце на прищепке, чтобы видеть личико малыша, сидя на переднем сидении и, не удержавшись, легонько тронула губами детский лобик. Малыш мирно спал.

Ивару не требовались ни укачивания, ни вечерние ритуалы, едва оказавшись в кроватке он закрывал глазки и засыпал. И уж если засыпал, то его не мог разбудить ни звук телевизора, ни шум пылесоса, ни крики подростков из открытого окна. Любая другая мама радовалась бы, что малыш легко засыпает и крепко спит. Любая другая, но не Маргарита. Она никогда не забудет тот ужас, который ей пришлось пережить в роддоме. Картина, как ее малыша, подключенного к капельнице, увозят в реанимацию, до сих пор стояла у нее перед глазами.

— Вам очень повезло, что медсестре послышался шум и она решила зайти в палату, — сказал ей врач, выписывавший их с Иваром домой. — Еще чуть-чуть и последствия могли быть необратимы.

Маргарита села за руль и пристегнулась. Сегодня у Ивара по плану первая прививка, но он с утра был какой-то вялый. Может доктор посмотрит его, и решит, что можно повременить. Будь воля Маргариты, она бы вообще отказалась от всех этих прививок, зачем мучить и без того слабый организм. Она вчера всю ночь читала форумы, где другие мамочки рассказывали об ужасных побочных эффектах. Она поделилась своими переживаниями с Робертом, но тот только отмахнулся.

— Давай без мракобесия, — отрезал он, забрав у Маргариты из рук телефон. — Если врач говорит, что прививки необходимы, значит мы будем их делать.

Однако сам при этом с Иваром не поехал. Он решил, а если у малыша поднимется температура или того хуже, разбираться с этим конечно же будет Маргарита. Роберт придет с работы, залезет в душ на пол часа, а потом проведет вечер у телевизора. Повезет, если посидит с малышом несколько минут, пока Маргарита чистит зубы. Хотя нет, еще не уследит. Лучше Маргарита положит его в кокон рядом с собой. Так спокойнее.

— Ты сама не даешь мне проводить время с сыном! — заявил Роберт, когда она упрекнула его в отсутствии заботы.

— Потому что ты все делаешь не правильно! У нас слабый ребенок, за ним нужен тщательный уход!

Они сильно поругались вчера на этой почве. Горькие слова, сказанные мужем сгоряча до сих пор эхом отдавались у Маргариты в голове. Она сделала глоток травяного чая с молоком, который теперь пьет вместо кофе, и недовольно поморщилась. Отвратительно, зато не вредно для Ивара. Бросив последний взгляд на сына, Маргарита завела машину и выехала с парковки.

— Это я нарисовала? — Рокки посмотрел на меня непроницаемыми глазами-бусинами и почесал задней лапой за ухом. Рисунки у меня в руках не появились здесь сами собой. В каждом штрихе, в каждой черточке угадывался мой почерк, но я совершенно не помнила, когда это нарисовала. Отложив листы с номерами от одного до трех, я посмотрела на следующий.

Эмма баюкала на руках маленького Костю и напевала простую колыбельную.

— Баю-баюшки-баю, не ложися на краю…

Наконец-то они едут домой. После всех этих проволочек с документами и последними анализами, Эмме разрешили забрать Костю из больницы. Теперь она официально мама. От этой мысли по телу разливалось приятное тепло. Она так давно об этом мечтала.

В палату вошел муж. В руках у него была новенькая автолюлька, которую они купили на прошлой неделе, вместе с кроваткой, качалкой, коляской, детским стульчиком и целой кучей вещей, необходимых для малыша. Кабинет Эммы переделали в детскую: переклеили обои, поставили всю необходимую мебель, обклеили все острые углы.

— Пройдет еще время, прежде чем он найдет ползать и лезть везде, — заметил муж, но Эмма была непреклонна. К приезду Кости все должно быть идеально.

Это имя пришло ей на ум во сне. Ни у Эммы, ни у ее мужа не было русских корней и имя «Константин» выплыло откуда-то из фильма или прочитанной Эммой книги, и приклеилось намертво в ее сознании. Мужу с трудом давалось иностранное «Kostja», но он во всем был согласен с женой.

— Главное чтобы ребенок был здоров, а ты счастлива, — говорил он, целуя жену в макушку. Он не показывал, но Эмма точно знала, что он хотел стать родителем так же сильно как она сама. Когда Эмме поставили диагноз бесплодие, он только кивнул. Не хотел расстраивать Эмму еще сильнее. Он всегда был рядом. И теперь они смогут открыть новые грани взаимоотношений друг с другом, став приемными родителями для маленького Кости.

— Можем ехать? — шепотом спросил муж, на случай, если мальчик уснул. Эмма аккуратно опустила малыша в автолюльку. Он был таким крохотным, что практически потерялся в ней.

— Может, лучше все-таки на руках? — озабоченно спросила Эмма.

— Так не положено, — возразил муж, легко поднимая люльку с малышом. — Все с ним будет хорошо.

Эмму я узнала сразу. Ее поза, одежда, взгляд совпадали с тем, что я рисовала на картине маслом, только обстановка была другая. Я через бумагу ощущала, насколько счастлива была новая семья, даже от маленького мальчика, завернутого в одеяльце, с шапочкой с медвежьими ушками веяло теплом и доверием. Он знал, что к нему, спустя столько дней ожидания и одиночества пришли его мама и папа, и что больше они его никогда не бросят. От этой мысли меня почему-то бросило в жар. Рассеянно опустив рисунок на пол, я взяла следующий.

Нетерпеливый мужлан на БМВ начал сигналить. Маргарита нахмурилась и бросила настороженный взгляд назад. Ивар поморщился во сне и приоткрыл глаза. Развернутый лицом к сидению, он не увидел рядом мамы и испугался. Маленький ротик широко раскрылся и оттуда вырвался истошный, отчаянный вопль. Маргарита поспешно тронулась на светофоре. Стоило ей только на секунду задуматься, как загорелся этот треклятый зеленый.

— Что за люди… — проворчала она себе под нос. — Все хорошо, малыш, мамочка рядом!

На шоссе номер пять произошла авария, отчего образовалась пробка. Влившись в непривычно плотный поток машин, миновавших место аварии, Маргарита вынужденно прибавила скорость. Ивар продолжал истошно кричать. Он широко раскрывал рот, набирая побольше воздуха, так что моментами казалось, что он задыхается. Потом вопль оглашал всю машину, разрывая материнское сердце на части. Маргарита не выносила детских криков. От них у нее начиналась паника.

— Шши, шши, тише малыш, все хорошо, — кричала она во все горло, крепко вцепившись обеими руками в руль. Как назло съехать на магистрали было некуда, машины неслись сплошным потоком. Чуть сбавив скорость, Маргарита обернулась и дотянулась одной рукой до автолюльки, чтобы хоть как-то дать понять сыну, что она рядом. Ребенок не умолкал. В следующий момент глаза Маргариты выцепили какое-то бурое пятно. Оно появилось на

дороге и ошалело понеслось прямо под машину. Прежде чем Маргарита успела сообразить, она инстинктивно вывернула руль и ударила по тормозам. Машина отчего-то рванула вперед…

В моем исполнении пятно на дороге было черное, как и все вокруг. Лёгкими штрихами обозначался пушистый хвост и два маленьких округлых ушка. Рокки притащил откуда-то маленького плюшевого мишку и принялся раздирать его когтями. Рисунок выпал у меня из рук.

Роберт хотел сделать сюрприз. Он не мог отменить совещание, но сделал все, чтобы закончить пораньше и теперь на всех парах несся в сторону Пайде. Если повезет, он окажется в больнице в одно время с Маргаритой и их сыном. Ивар был хорошим мальчиком, не таким болезненным и слабым, каким его считала Марго. Ее съедало чувство вины, а потому она старалась окружить сына чрезмерной заботой. Роберт этого не одобрял. Он хотел сына, а не кисейную барышню. Но они справятся. Ивар подрастет, Марго перестанет думать, что из-за нее он чуть не погиб и их маленькая семья заживет счастливо. Так думал Роберт, но было во всех этих размышлениях одно но. «Но» звали Селеста. У нее были яркие смеющиеся глаза и ямочки на щеках. Она говорила с Робертом так, словно предугадывала все его мысли. И она была еще одной причиной по которой Роберт так стремился встретить жену именно в больнице.

У медсестры из родильного отделения и правда были ямочки, но не смотря на их наличие, на мой взгляд она была самой обычной, немного уставшей, одинокой женщиной, которую дома никто не ждет. Однако у нее было одно преимущество перед Маргаритой и ее сыном. Невидимая обычному глазу красная нить, натянувшаяся между ней и Робертом задолго до из реального знакомства.

Эмма ничего не успела понять. Она села на заднее сидение, поближе к Косте, и всю дорогу любовалась своим маленьким сыном. Резко послышался визг тормозов, машину занесло в сторону. Муж напоследок обернулся к ней, как будто хотел что-то сказать. Мир вокруг застыл на несколько мгновений. Вселенское счастье, переполнявшее Эмму, противилось неизбежному оттягивая его хотя бы в воображении женщины. А потом раздался удар, глухой, как будто что-то тяжелое упало в воду. Зазвенели стекла. Эмма закрыла собой автолюльку с Костей. Позвоночник пронзила резкая боль, а затем наступила тьма.

Лист бумаги трепыхался в моих трясущихся руках. Глаза обжигали подступающие слезы. Это был просто рисунок, но изображенную сцену я видела так, словно сама была ее свидетелем. У меня не было никаких сомнений, что все это на самом деле случилось или неизбежно случится.

О том, что бурым пятном на дороге оказался хорёк, Маргарите сказали в больнице. Хорёк не пострадал, но теперь Маргарита желала всем сердцем наехать на него не сбавляя скорости. Во сне ей чудился хруст костей и чувство облегчения, что на ее счету одна единственная невинная душа. Она смотрела на то, как маленького мальчика передают женщине из опеки и с ужасом думала о том, что именно она сделала его сиротой. Мальчик к счастью не пострадал, его приемная мать закрыла малыша собственным телом и уберегла от осколков. Сама она скончалась на месте. Ее муж — в карете скорой помощи, по пути в больницу. Сама Маргарита отделалась легкими ушибами, если не считать пореза на лбу. Врач сказал, что может остаться шрам, но достаточно ли этого, чтобы искупить вину за содеянное?

— Где Ивар?

Маргарита так и не поняла, как Роберт оказался в больнице так быстро. Ей даже показалось, что он успел приехать раньше них самих. В его глазах она видела страх, но помимо него что-то еще. Осуждение? Призрение? Ненависть? Захочет ли он делить жизнь и быт с убийцей? А их сын…

— Где Ивар? — тупо повторила за мужем Маргарита и рассеяно обернулась. Она уже давно не слышала детского крика.

С садистской дотошностью я разглядывала каждую деталь. Мои руки вспотели, но уголь покрытый плотным слоем фиксатива не смазывался. Законченные рисунки больше не было возможности изменить.

К счастью Ивар не пострадал. Марго прислушалась к советам Роберта и не стала ставить люльку на передние сидение. У самой Марго явно был шок. Она с трудом соображала и не было в состоянии отвечать на вопросы. О том, что произошло, Роберт узнал от полиции, которая приехала вслед за скорой.

— Давайте я возьму малыша, — предложила Селеста, аккуратно взял Ивара из рук Роберта. — Вы сейчас нужнее своей жене.

Но Роберт чувствовал себя совершенно беспомощным. Он не знал, как помочь Марго пережить стресс, как поддержать того, кто отгородился от внешнего мира колючей стеной.

— Почему она забрала нашего сына? — вдруг спросила Марго, резко очнувшись от транса. Глаза ее зло прищурились. — Думаете, я и его прикончу? Думаете, не в состоянии позаботиться о собственном сыне?!

— Тише, — Роберт попытался приобнять Марго, но она стряхнула с себя его руки и отпрянула, как загнанный в клетку зверек. — Все хорошо, тебе просто нужно успокоиться.

Первым порывом было сжечь. Я собрала все листы в охапку и сунула их в пустую жестяную банку из-под краски. Обычно услужливая выручай-комната в этот раз старательно прятала от меня спички, так что мне пришлось вернуться за ними на кухню. Чиркнув спичкой о коробок, я переломила ее пополам и принялась за следующую. Рокки крутился возле меня и все норовил достать один из рисунков, так что в итоге мне пришлось оттолкнуть его ногой. В зубах у него оказался последний рисунок из серии.

Наконец на руках у Маргариты были все документы. Роберт долго сопротивлялся, но в итоге смирился с ее решением. Впрочем, в последние дни он сам не свой и редко появлялся дома.

Маргарита толкнула коляску в лифт. С момента аварии она не только не смогла больше сесть за руль, она не ездила даже в такси, только на автобусе. Это создавало множество неудобств, Маргарита теперь постоянно куда-то опаздывала, но она просто не могла пересилить себя.

Она нажала кнопку четвертого этажа и пока двери закрывались еще раз сверилась с документами. В них значилось, что мальчика звали Костя. Он родился в тот же день, что и Ивар, в том же самом роддоме.

— Ему самой судьбой было положено оказаться в нашей семье! — заявила Маргарита Роберту, когда план окончательно созрел в ее голове. — Они с Иваром будут как близнецы.

Роберт поперхнулся кофе. Конечно, он все опять понял не правильно. Маргариту мучили кошмары. Она каждую ночь слышала визг тормозов и чьи-то крики, но каждый раз под утро она видела маленького мальчика в милой шапочке с ушками на руках у соцработницы. Воспитание малыша было ее прямой обязанностью и единственным шансом искупить вину. Но Роберт этого не понимал.

— Мы дома! — крикнула Маргарита, заходя домой. Квартира откликнулась неестественной тишиной. Скинув обувь и проверив, спит ли Костя, Маргарита прошла в гостиную. Наверняка Роберт с Иваром просто уснули на диване, пока ждали ее возвращения.

Однако в гостиной их не было, да и вообще, как будто чего-то не хватало. Было слишком пусто. Маргарита торопливо прошла в спальню, но и там никого не было. Дверца шкафа была открыта. Маргарита привычным жестом хотела ее затворить, но замерла в полушаге. Внутри зияла черная дыра. Там, где раньше в беспорядке валялись вещи мужа, не было ничего. Проснувшийся Костя заплакал в коляске, напоминая о том, что уж он то все еще здесь.

Спичка загорелась, пламя активно поползло по деревяшке, но листы с рисунками никак не хотели схватиться. Я бросила спичку прямо в банку, но она просто потухла. Как будто бумага была пропитана не фиксативом, а чем-то огнеупорным. Я утерла подступающие слезы и попро-

бовала еще раз. Пальцы не слушались, спички рассыпались по полу мастерской. Рокки просунул свою голову мне под руку. Его мокрый носик уткнулся мне в запястье.

Я едва могла различить что-то перед собой, он пелены слез, застилавших глаза, но когда на пороге появилась Ба, сразу это поняла. Как будто воздух в мастерской стал более прохладным. Не смотря на наши ссоры и разногласия, я бросилась к ней и уткнулась носом в плечо, сотрясаясь от рыданий. Во всем мире только она сейчас могла понять, что я чувствую.

— Ну, ну, тигренок, — Ба гладила меня по волосам, приобняв второй рукой за плечи. — Все хорошо.

— Но я не понимаю, — нос заложило и перед каждым словом мне приходилось останавливаться, чтобы набрать воздуха ртом. — Я ведь этого не хотела. Я просто хотела, чтобы все жили счастливо.

— Ох, детка, если бы это было возможно. Но собственной судьбы не избежит никто.

Я рыдала у Ба на плече, забыв прошлые обиды. Она продолжала гладить меня по волосам, как когда-то давно моя собственная бабушка. Постепенно боль начала затихать, уступив место здравому смыслу.

— Ты что-то сделала? — спросила я Ба, отстранившись, чтобы видеть её глаза. Веер морщинок стал плотнее.

— Только то, что должна была.

— Ты перерезала нити Эммы и ее мужа! — я вскочила с места, пораженная осознанием, которое ко мне пришло. В аварии на дороге, во всех этих смертях была виновата не я.

— Потому что Косте было суждено стать сыном Маргариты, — невозмутимо ответила Ба. Такая агрессивная в больнице, сейчас, когда дело было сделано, Ба была чрезвычайно спокойна, даже равнодушна.

— А Эмме было суждено жить!

— Твои рисунки говорят об обратном.

— Я их не рисовала!

Конечно же я их нарисовала. Отрицать было бесполезно. Каждая черточка угольных рисунков дышала мной. Пусть я и не помнила процесса.

— Быть богиней судьбы не простая задача, — примирительно сказала Ба. — Важно не просто захотеть, чтобы все были счастливы. Важно уметь разглядеть то, что неотвратимо, и то, с чем еще можно побороться. Существуют события, эдакие контрольные точки, которые человечество обязано пройти. Ты можешь биться с ними, воображать новые пути, вовлекать в события новых действующих лиц, но человечество все равно придет в эту контрольную точку. Вопрос только в том, какой ценой.

— И что же, я совсем ничего не могу сделать?

— Напротив. Всякое действие несет за собой последствия, и расплачиваться за решения богини Судьбы будет не сама она, а люди, которых она выставляет, словно шахматные фигуры на доске. Ты можешь творить историю, Тигренок. Но тебе еще многому предстоит научиться.

III. Всему свое время

1.

Я бессознательно перебирала пальцами красную нить Хельги. Она пульсировала, словно кровеносный сосуд. Где-то там, на другом конце есть парень, который предназначен моей лучшей подруге судьбой, парень, который возможно даже не догадывается о ее существовании, парень, который заставит Хельгу раз и навсегда забыть про придурка Танеля и жить дальше.

— Знаешь что? Он тебя не достоин, — с жаром заявила Тася, вторя моим мыслям. — Пусть теперь киснет со своей фотографиней, а ты встретишь другого!

Хельга слабо кивнула и утерла слезы рукавом вязаного кардигана. Она слышала эти слова уже сотню раз, сказанные на разный лад, но все еще нуждалась в сто первом. Я хотела добавить что-то ободряющее, но Тася так резко переменила тему, что я растерялась и так и застыла с раскрытым ртом.

— Слушай, а у кого ты делаешь маникюр?

— Ой, Оксана моя старая знакомая, — оживилась Хельга, так же не дав мне вклиниться. — Мы с ней раньше в одном салоне работали. Могу дать контакт, она очень хорошая.

Хельга полезла в сумку за телефоном, а я обиженно закусила губу. Эти две быстренько спелись. Раньше я списывала все на недосып, но теперь была абсолютно уверена, что дело в другом: я начала выпадать из принадлежавшей мне реальности. Вот, например только вчера я была уверена, что познакомила Тасю с Хельгой пару месяцев назад, однако сегодня они сидели в кафе вместе и общались так, словно знали друг друга всю жизнь. Они переговаривались через меня, сидящую между ними, так словно я пустое место.

— ...могу скинуть тебе ее инстаграм...

— Скинь, пожалуйста. А то моя девочка уходит в декрет, и я вообще не представляю, что буду без нее делать.

Ба говорила, что у каждого дара есть цена. Возможно, ценой за способности Пряхи было забвение? Возможно, пройдёт время и о моем существовании забудут даже родители?

Мне не хватало смелости спросить Ба о ее прошлом. Ведь вряд ли у неё, или у Лахесы где-то была семья, работа, банальная бытовая жизнь.

Пиликнул телефон. Машинально я достала его из кармана и разблокировала.

«Есть халявные билеты на Trapness. Пойдёшь?»

На днях я написала Максу, без какой-либо конкретной цели, просто поболтать. Он был рад возобновить общение, даже чересчур. Это было уже третье приглашение встретиться. Меня начинали терзать смутные сомнения, что мое дружеское предложение общаться было истолковано превратно. Отказываться в третий раз было бы невежливо, к тому же я обожаю «Trapness», так что я уже набирала ответ, когда меня охватили сомнения. Что, если Макс воспримет это как свидание? Давать парню пустую надежду я не хотела. Вдруг меня и правда сотрет из небытия?

— О чем задумалась? — спросила Хельга, наконец вспомнив о моем существовании. Она с плохо скрываемым любопытством заглядывала в мой телефон.

— Это Макс, — сказала я сразу. Мне нечего скрывать. — Зовет на концерт в субботу.

Глаза подруги вспыхнули. На память пришло воспоминание, как мы голосили песни «Trapness», сидя на последней парте на физике. Решение казалось очевидным.

— Пойдёшь с нами?

Я быстро настрочила Максу ответ:

«Могу я позвать с собой Хельгу?»

Я понадеялась, что билетов окажется больше, чем два. Хельга заметно оживилась и заерзала на месте, воображая, что оденет в клуб. Я мысленно решила, что, если у Макса не будет

билета для Хельги, я куплю его сама. Даже если придется продать почку. К счастью, это не потребовалось. Ответ друга пришёл почти мгновенно:

«Да, без проблем. Давно не виделись»

Удивительно, что, дружа с нами обеими, Макс выбрал меня, а не Хельгу. Ещё одна вещь, которую я всегда принимала, как должное, не задумываясь о том, почему? Впрочем, сейчас на любое моё «почему» был всегда один ответ: так было суждено.

Промямлив, что мне срочно нужно забрать посылку из пакомата, я попрощалась с подругами и вышла на улицу. Девочки продолжили оживленную беседу, близко сдвинув друг к другу головы и едва ли заметив моё исчезновение.

Я двинулась в сторону ближайшего к дому продуктового. Посылка действительно ждала меня, но могла бы пролежать там еще неделю. Однако, раз уж я использовала ее как предлог, решила забрать. Как будто кто-то за мной следит и мне нужно играть свою роль до конца.

Зайдя в продуктовый за пакетом, я набрала целую корзину ненужных продуктов и надолго зависла в нерешительности у прилавка с пряностями. Рука по привычке потянулась к кардамону, но целая банка специи и так томилась на верхней полке кухонного стеллажа. В последнее время её никто не открывал. Вздохнув так, словно кто-то стоял рядом и уговаривал меня, я взяла пакетик с корицей. Только на пробу.

В посылке был пятикилограммовый пакет с наполнителем для лотка. В пути, судя по трек-коду, еще большая упаковка с сухим кормом. Питомец, который в самоволку поселился в моем доме обходился недешево.

Рокки постепенно отвоевывал у меня квартиру. Я больше не запирала его в клетке на ночь, так как он все равно научился открывать задвижку. Он делал это с жутким грохотом, мастерски подгадав момент, когда я наконец усну. Мои попытки не пускать его в мастерскую так же с треском провалились. Теперь прямо посреди комнаты у него было свое гнездо из старого бабушкиного шарфа и шерстяных носков. Холсты и коробки с рабочими материалами пришлось убрать на верхние полки. Мастерская понимающе подстроилась, увеличив высоту стен и снабдив стеллажи передвижными лестницами. Теперь в хорошем настроении я могла вообразить себя Белль из диснеевского мультика, лихо вскакивая на лестницу и проносясь на ней до другого конца стеллажа. Только вместо книг на моих полках лежали чужие судьбы.

Кряхтя и постанывая как старый барсук, я дотащила пакеты до дома. Из подъезда резво выскочил парень чуть не сбив меня открывающейся дверью. Ему на взгляд было лет двадцать, а рыжая шевелюра горела огнем на солнце. Почему-то меня всегда удивляло, когда мне встречались рыжие и не родственники. Словно наша медная династия закрепила за собой эту черту, и быть рыжими для чужих было неслыханной наглостью. Я тупо уставилась на парня снизу вверх, полностью перегородив ему выход из подъезда, и не сразу сообразила, почему его лицо исказила гримаса недовольства. Я поспешно посторонилась, и парень рванул с места так, словно его облили кипятком. А мне еще предстояло дотащить свою тяжелую ношу до лифта.

Ключ отказался поворачиваться в замке. Я нажала на ручку и дверь подалась вперед. Кажется, утром я впопыхах оставила её открытой. Я стала очень рассеянной. Делала что-то на автомате, а потом забывала об этом или наоборот не делала того, что должна была. Даже начала клеить стикеры с напоминаниями и заводить будильники, вроде: «полей цветы» или «купи мыло». Пора добавить к этому: «Закрывай дверь на ключ».

— Я дома!

Рокки радостно фырча выбежал мне навстречу. Иногда, как и полагается добропорядочному хорьку, он лежал на диване и прикидывался ленивой лужицей, но чаще вел себя как дворовая собачонка. Я присела на корточки и, схватив пушистую мордочку, звонко чмокнула его в нос. Если однажды я просто исчезну, никто и не заметит, кроме разве что этого пушистого комочка. Жизнь продолжит идти своим чередом.

Цокая коготками по полу, Рокки проследовал за мной на кухню и деловито сунул морду в пакет с продуктами. Я не успела еще переодеться и вымыть руки, как все содержимое было вывернуто из пакета и растащено по углам. Рокки приглянулся пакетик с корицей и он самозабвенно дербанил его зубами.

— Не думаю, что тебе стоит это есть, — предупредила я, уходя в комнату. Кусался хорек не больно, но бороться с ним сейчас из-за пакетика со специями у меня не были ни сил, ни желания. Чтобы как-то взбодриться, я решила залезть в шкаф в поисках того, что можно одеть на концерт любимой группы. Выбор оказался не велик и поднятию настроения не способствовал: пара поношенных футболок, ультракороткое платье, которое я, если и купила собственноручно, то точно в состоянии аффекта, да джинсовый рабочий сарафан, испачканный акрилом.

Я критическим взглядом осмотрела последнюю находку, прикидывая, можно ли превратить старые пятна от краски в живописных птичек или какой-нибудь цветочный узор. Концерт должен был состояться спустя два дня, а значит времени на кастомизацию сарафана у меня было в обрез. Перекинув его через руку, я сдвинула вещи в шкафу на одну сторону, так чтобы залезть самой внутрь.

— Ты идешь? — спросила я у Рокки. Коротко гугукнув, хорёк прошмыгнул внутрь шкафа вслед за мной.

2.

Я ненавижу короткие платья. В них не возможно спокойно ходить, постоянно преследует навязчивая мысль, что юбка задралась и выглядит неприлично. А хуже девушки в вульгарно коротком платье только девушка в вульгарно коротком платье, которая постоянно его одергивает.

— Черт меня дернул надеть этот кошмар, — прошипела я. Мы сделали пару шагов в очереди к клубу Tapper, и юбка, цепляясь за чулки, снова поползла вверх. Идея с сарафаном с треском провалилась, птички издалека выглядели ещё живописнее, чем пятна, которые они призваны были собой закрыть. Зато в пакете под неизвестно когда купленным платьем оказались кружевные чулки и чёрная сумочка в дополнение к образу. В крохотную сумочку не поместился бы даже телефон, так что ее пришлось оставить дома. А вот платье в какой-то момент показалось мне грандиозной идеей. Проведя пару часов перед зеркалом и нанеся на лицо яркий вечерний макияж с акцентом на глаза, я была уверена, что выгляжу шикарно. Ровно до того момента, как оказалась на улице.

— Ты выглядишь прекрасно, — заверила меня Хельга. — Правда, слегка не практично.

Сама она, вопреки моим ожиданиям, оказалась в простых скини-джинсах и футболке с логотипом «Trapness» — вороном в гнезде из терновника. Волосы Хельга собрала в небрежный пучок, а косметику почти не использовала. Рядом с ней я почувствовала себя ярмарочной витриной, завлекающей посмотреть на свой товар. И для кого я так старалась?

— Добрый вечер, дамы, — Макс отвесил шуточный поклон нам с Хельгой. На нем тоже была футболка «Trapness», кусок воронова крыла выглядывает из-под накинутой сверху клетчатой рубашки. Я снова почувствовала себя дурой и машинально одернула юбку.

— Ма-акс, — нараспев произнесла подруга и заключила моего бывшего парня в объятия. За то время, что мы не виделись у Макса отросли волосы и появилась аккуратная бородка. Когда после Хельги настала моя очередь обниматься, я почувствовала словно по моей щеке провели наждачкой, а в нос ударил свежий запах мужских духов. Надо признать, было в образу Макса что-то очаровательное. Он превратился из подростка-шалопая в настоящего взрослого мужчину. По крайней мере внешне.

— Рада тебя видеть, — искренне сказала я, чувствуя как к щекам приливает кровь. Макс лучезарно улыбнулся. По моему телу побежали мурашки.

Взгляд скользнул по толпе. Хвост очереди тянулся до самой автомастерской через дорогу от клуба. Мне показалось, в тени от навеса мелькнула знакомая фигура. Я тряхнула головой,

но низенькая старушка в платье с аляповатый цветочками продолжала стоять чуть подальше от толпы и настойчиво махала мне рукой.

— Я оставлю вас на минутку, — пробормотала я на ухо Хельге, надеясь, что подруга не заметит сходства странной старушки с моей покойной бабушкой. Впрочем, я зря переживала. Макс и Хельга быстро нашли общую тему для разговора. Как только в компании появился третий, я снова превратилась в невидимку. Ба продолжала настойчиво махать.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, поравнявшись с богиней прошлого. Она молча увлекла меня в тень соседнего двора, так что со стороны очереди нас было не видно.

— Ишь, как вырядилась, — усмехнулась Ба, бесцеремонно оглядев меня с головы до ног. — В гору подняться сможешь в таком наряде?

— Я никуда не пойду!

Очередь встрепенулась и несколько человек зашли внутрь. Из раскрытой двери клуба Tapper разлетелась музыка. Группа на разогреве, уже вышла на сцену.

— У меня на сегодня планы.

— Никуда не денутся твои планы. Вернешься раньше, чем твои друзья заметят, что ты вообще пропадала.

Уж в этом я не сомневалась. Однако во мне проснулся дух противоречия. Хотелось хоть раз отстоять свое право на личную жизнь.

— Думаешь можно врываться вот так без предупреждения и ждать, что я буду делать все, что ты скажешь?

Ба фыркнула вместо ответа и крутанулась на месте. Мир вокруг завертелся и к горлу подступил желчный ком. Я судорожно схватилась за руку Ба, чтобы не упасть, а она только этого и ждала. В следующую секунду мы перенеслись куда-то.

Было ощущение, словно мы оказались на дне огромной каменной чаши. Со всех сторон нас окружали острые пики скал, но внутренняя сторона их была неестественно гладкой, словно кто-то вычерпал гору огромной ложкой. На дне «чаши» росла высокая мягкая трава, отливающая синевой с лунном свете. Вдали от городских огней само небо выглядело иначе. Звезды рассыпались по черному покрывалу небосвода, образуя неповторимый узор. Полная луна как царица в окружении подданных, сияла прямо у нас над головой. Морозный воздух обжигал горло.

— Где это мы? — мой собственный голос показался слишком громким и чуждым в этом месте. Само то, что мы, люди из плоти и крови оказались здесь, казалось ошибкой и надругательством над природой.

— Где-то посреди небытия, — Ба была равнодушна, как и всегда. — Одно их тех прекрасных мест, которые бесследно исчезают вместе со своим хозяином.

Мы подошли к краю чаши. В зарослях густой травы прятался лаз. Ба уверенно нырнула в непроглядную темноту. Я последовала за ней, ухватившись за край платья, как маленький ребенок, который боится потеряться. Постепенно мои глаза начали привыкать в темноте и различать очертания стен, разветвлений туннелей, грибов, которые густой причудливой полосой тянулись вдоль дороги. По мере продвижения вперед на стенах начали появляться рисунки, нанесенные при помощи мела и фосфоресцентного порошка. Огромная мужская фигура была центром каждого их таких рисунков и слабо светилась во тьме подземелья.

— Самоуверенность и гордыня легко превращаются в слабость, — глубокомысленно произнесла. Ба, проследив за моим взглядом. — Будучи на пике легко уверовать в собственную неуязвимость, а потом пуфф… и о тебе забывают.

— Уж тебе, карга, это не грозит.

От дальней стены отделилась тень. Огромный как бурый медведь мужчина угрожающе навис над хрупкой фигурой Ба. Заплетенная в косу борода окутывала шею наподобие шарфа, длинные взлохмаченные волосы не давали рассмотреть лицо, одежда, давно прохудившаяся,

висела клочьями на некогда мощном, но исхудавшем за годы теле. Он был похож на дикого зверя, готового броситься на любого, кто по глупости решит протянуть к нему руку. Полупрозрачная нить судьбы безвольно волочилась по полу.

На Ба мужчина не произвел никакого впечатления. Она повернулась ко мне и заговорила так, словно он был не живым, а еще одним рисунком на стене.

— Это Пакахутереткро — бог огня и покровитель лесных охотников.

— … и плодородия! — добавил Пакахутереткро, приосанившись и с вызовом зыркнув на меня. Я поежилась, чувствуя себя неловко под его взглядом и одернула платье вниз.

— Это уже не важно, — отмахнулась Ба. Она тоже смотрела на меня и ждала чего-то.

— Я никогда не слышала о… Пакахутре… о Вас, — неловко закончила я, надеясь, что мое заявление прозвучит не слишком грубо.

— Конечно не слышала, — хохотнула Ба и, мне показалось, что она осталась довольна моим ответом. Как и тем, как насупился и сгорбился при этих словах бог огня. — Потому что у этого несчастного ни осталось ни одного последователя. Ни одного, кто помнил бы о его существовании.

Я ожидала, что мужчина-бог возмутится при слове «несчастный», однако он только больше сгорбился, усох и стал ростом едва ли с обычного человека.

— А что происходит с богами, которым никто не поклоняется? — безжалостно продолжала Ба.

— Не торопись, карга, — проговорил Пакахутереткро совсем другим тоном. — Проходи, будь гостем в моем последнем пристанище. И девочку свою представь. Неужто сама на покой собралась?

Он пропустил нас с Ба вперед. Оказывается, за его спиной открывался еще один проход. Оттуда мы попали в огромный каменный грот, где прямо в камне был высечен великолепный храм, с резными колоннами. Вход в храм был сделан в виде головы медведя, чтобы попасть внутрь, нужно было забраться медведю прямо в пасть.

Пакахутереткро щелкнул пальцами и в глазах у медведя зажглись яркие огни. В следующую секунду они с шипением погасли.

— Раньше получалось, — проворчал бог огня, снимая со стены факел.

Ба смело прошла в пасть медведя и поманила меня за собой. Внутри оказалось довольно аскетично. В центре зала стоял мраморный алтарь, на котором в чаше с маслом горел огонь. Кроме этого в зале не было больше ничего.

— Присесть можно на пол, — пояснил Пакахутереткро. — Сейчас принесу нам что-нибудь выпить. Была у меня где-то бутылочка восьмисотлетней выдержки…

— Нет нужды, — оборвала его Ба. — Боюсь, у Риты от твоего пойла только несварение будет, а я еще в молодые годы зареклась с тобой пить.

Бог огня угрюмо посмотрел на свою неблагодарную гостью, но все-таки ушел в соседний зал и долгое время копошился там, гремя посудой и ругаясь на непонятном мне языке. Вернулся он с пыльной бутылочкой из темного стекла и плюхнулся на пол, подогнув под себя ноги. Он молча сидел, позволяя мне глазеть на него и вокруг. Некогда это был великолепный храм, но сейчас здесь было страшно находиться. Обшарпанные стены того и гляди осыпятся, а потолок настолько исчерчен трещинами, что сквозь него проглядывались кусочки ночного неба. Хозяин храма соответствовал своей обители. При свете костра я наконец смогла разглядеть его лицо. Правый глаз перечёркивал уродливый шрам, который спускался до самого горла. Обветренная грубая кожа казалась маской, натянутой на череп, а в глубине этой маски горели маленькие синие как два сапфира глазки. Могучая борода, возможно, была когда-то черной, но сейчас поседела и обвисла. Ни в одной из прочитанных мной книг по мифологии я не встречала никого по имени Па-ка-ху-те-рет-кро. Странное имя. Язык спотыкался на каждом слоге

и с трудом переваливался в следующий. Мне не удавалось по созвучию отнести его ни к одной из известных мне культур.

— А когда-то ты была настоящей красавицей, Ропа, — заявил вдруг Пакахутереткро, прикладываясь к бутылке. — Годы никого не щадят…

Я ожидала, что Ба сделает свой фокус с преображением, но она только пожала плечами и загадочно улыбнулась.

— Я обещала, что приду за тобой, когда настанет время.

А я говорил тебе, что бессмертен и ни одна наша встреча не станет последней.

— Я предупреждала, что ты умрешь в безвестности, покинутый всеми.

Пакахутеректро вдруг подался резко вперед. Бутылка выпала у него из рук и вязкая, красная как кровь жидкость растеклась по каменному полу.

— Я послал знак одному парнишке. Сон, в котором ему явилось знамение — он весь объятый пламенем остается невредимым. Надо только подождать. Он придет ко мне!

— И сколько ты уже ждешь?

Мое сердце сжалось от жалости. Как Ба могла оставаться такой холодной и непоколебимой, когда ее умолял настоящий, пусть и забытый бог? Правда сейчас он походил не на бога, а на нищего, просящего подаяние. Вопрос Ба заставил его сморщиться, словно его заставили съесть кислую сливу.

— Всего-ничего, лет десять — пятнадцать. Но он осознает, что это было божественное знамение и придет ко мне.

— Или к психиатру, решив, что его мучает навязчивая идея о самосожжении.

Не уверена, что Пакахутеректро понял, кто такой «психиатр». Его лицо приняло упрямое выражение, как у подростка, которому сказали, что набить татуировку с именем своей девушки, это плохая идея. Ба поправила складки платья и достала кинжал. При виде него бог огня заметно побледнел и отодвинулся подальше от старой знакомой. Нить судьбы у его ног трепыхалась, как живая.

— Он придет ко мне, — сипло повторил Пакахутеректро, не сводя глаз с кинжала. — Мне просто нужно еще немного времени.

Он знал, что будет дальше. Я видела страх в его сапфировых глазах. Но было там и осознание: от судьбы не уйдешь.

— Над своей судьбой не властны даже боги. Это знал Один, готовясь к Рагнерёку. Это понимал Прометей, похищая огонь для людей. Это принимал Кришна, встречая предназначенный конец. Настал твой черед.

Пакахутеректро смиренно закрыл глаза. Я последовала его примеру.

3.

Пуфф и тебя больше нет.

Я стояла в очереди перед входом в клуб Tapper, а внутри меня зияла дыра. Сосущая темнота поглощала все мои мысли, эмоции, переживания, превращая их во что-то далёкое и несущественное. Свою судьбу не может изменить даже бог. Если однажды ему суждено лишиться всех своих последователей и кануть в небытие, так оно и будет. От предначертанного не скрыться. Его не подкупить и не уговорить.

А как много людей верит в судьбу? Когда что-то идёт не так как запланировано, мы говорим: «значит, не судьба», но значит ли это, что все поголовно верят в судьбу или это фраза лишь атавизм наподобие: «да бог его знает» или «черт побери»? Люди так стремятся к свободе в любом ее проявлении, что готовы отрицать, придумывать отговорки и объяснения до последнего: «значит я просто не достаточно этого хотел», «я просто мало старался», «я попробую снова и возьму свою судьбу измором». Не значит ли это, что и богини судьбы в скором времени останутся без последователей и канут в Лету?

После увиденного мое желание идти на концерт заметно поубавилось. Мы с Ба вернулись раньше, чем в клуб запустили новую партию посетителей. Как она и обещала, друзья даже не заметили моего отсутствия.

Хельга залилась смехом, кокетливо прикрывая рот рукой. Я поняла, что отключилась от беседы, полностью уйдя в свои мысли. Перед глазами все еще стояла картина, как острый клинок разрезает нить, и та безвольно опадает на землю. Глаза Пакахутеректро закрыты, но он вздрагивает когда лезвие касается нити, а в следующую секунду исчезает все. Как и предрекала Ба, с окончанием жизни бога огня, исчезло и его последнее пристанище. Мы буквально оказались посреди ничего.

— Зачем я была здесь?

Ба с невозмутимым видом убрала кинжал обратно за пояс в складках платья.

— Хотела, чтобы ты увидела своими глазами, раз мои слова для тебя мало значат.

Она пожала плечами. С каждым днем эта сущность все меньше походила на мою бабушку, хотя продолжала поддерживать ее внешность. Холодная, безразличная ко всему натура богини неизбежно проступала из-под личины. Я упрямо продолжала звать ее Ба, надеясь сохранить в ней хоть малую щепотку человеческого и отрицая то, что Ба была кем угодно, но не человеком.

— Никто не избежит своей судьбы. И ты в том числе. Так что просто прими себя, свою суть и прекрати цепляться за жизнь, которой рано или поздно лишишься.

— О чем ты?

Моим естественным порывом после принятия себя как богини судьбы было узнать, какова же моя собственная история. Однако стоило мне прибрать к рукам альбом со своей судьбой, Ба неизменно появлялась у меня за спиной. Это был ее строжайший запрет, нарушить который я не могла чисто физически под ее неусыпным надзором. Сейчас она впервые сама заговорила о том, что меня ждет.

— У каждого дара есть своя цена, и заплатить ее придётся вне зависимости от того, хотела ты получить этот дар или он свалился на тебе на голову.

И снова загадки. Стоило мне открыть рот, чтобы задать прямой вопрос: что ждет меня в будущем? — как Ба исчезла и я оказалась одна в тени от навеса от шиномонтажки. Удушливый воздух был пропитан выхлопными газами, а в небе не было видно ни звёздочки.

— Совсем замёрзла? — спросил Макс, снимая рубашку и заботливо накидывая мне на плечи. — Не ожидала, что так долго проторчим на улице?

Я одернула платье вниз. Тело покрылось гусиной кожей, но пока Макс не заговорил об этом, я даже не замечала, что мне холодно. Рубашка друга тёплая и пропитана запахом духов. От стойкого холодного аромата с нотками бергамота закружилась голова. Возможно ли, что это те самые духи, что я дарила Максу на восемнадцатилетие?

Мне стоило бы вернуть рубашку, но так не хотелось расставаться с теплом. Я отмахнулась от внутреннего голоса, который напоминал о моем изначальном решении не давать лишних надежд и стянула края рубашки к груди, чтобы держать их одной рукой. Хельга бросила на меня многозначительный взгляд, но ничего не сказала. К счастью, нас в скором времени пропустили в клуб.

Внутри было жарко. Пахло потом, алкоголем и, не смотря на запрет курить в помещении, табаком. Я поспешно отдала рубашку Максу и первая из нашей троицы прошла зал. Немногочисленные столики уже были заняты и нам предстояло провести весь концерт на ногах. Группа на разогреве продолжала с энтузиазмом развлекать публику. Макс протиснулся к бару, чтобы купить нам чего-нибудь выпить.

— Ну, хитрый лис, и зачем было тащить меня третьей лишней? — лукаво усмехнулась Хельга, наклонившись к самому моему уху.

— О чем ты?

— Ой да брось, я же все вижу. И не осуждаю.

Хельга улыбалась, но чувствовалась в этом какая-то фальшь. Может она решила, что я намеренно флиртую с Максом у нее на глазах? Я закусила губу от обиды. Почему все всегда все понимают превратно? Почему все вокруг уверовали, что знают лучше меня, что мне делать и чего хотеть? Мне вдруг стало тошно, захотелось уйти домой и бросить этих двоих друг с другом. Пусть Хельга Максу изливает душу о своём разбитом сердце, пусть он ее утешает и развлекает.

— Сейчас приду, — бурунула я прямо в ухо подруге и протолкалась обратно ко входу. Нет, с концерта я не уйду, по крайней мере пока не увижу Сайрун вживую. Однако мне нужно было несколько минут, чтоб привести чувства в порядок.

Я зашла в туалет и плеснула в лицо водой. О старательно нанесенном макияже я вспомнила только когда увидела черные разводы на пальцах, которыми терла глаза.

— Чёрт...

Смывать макияж жидким мылом для рук и холодной водой было жестоко, но это единственное, что я могла сделать своими силами, а бежать к Хельге и просить о помощи я не была готова. Пока я пыхтела и чертыхалась, промывая проточный водой глаз, в который попала тушь, со стороны зала послышались возбужденные крики и свист. «Trapness» вышли на сцену. Они заиграли одну из своих самых популярных песен «Call me destiny», а я стояла в туалете с черными как у панды кругами вокруг глаз и готова была разреветься от обиды. В этот момент я ненавидела себя за старания. Мне казалось, я нанесла на лицо такое количество косметики, что не отмоюсь до конца концерта.

Зал подпевал, пока я с остервенением терла глаза бумажной салфеткой, смоченной в воде. За слоем тонального крема показалась красная от раздражения кожа. Лучше бы я осталась пандой. Теперь было поздно отступать.

Голос Сайрун высокий и звучный, сливался с криками толпы. Зеркало в туалете вибрировало от басов. Вибрация уходила в пол и оттуда передавала моему телу, сворачивать клубом где-то в районе желудка. Хотелось кричать. Хотелось быть причастности к тому, что происходит сейчас в зале. И все равно как я выгляжу, все взгляды все равно будут обращения на сцену. Но вопреки желаниям, я продолжала стоять в туалете и остервенело тереть лицо, пока оно не стало чистым. Чистым, пунцово-красным и припухшим от моих усердных стараний.

«Trapness» исполнили ещё два своих хита и перешли к менее популярным песням, когда я наконец решила выйти из туалета. Взглядом богини я увидела не толпу людей в полутемном помещении, но густой клубок светящихся разными цветами нитей. Нити тянулись от каждой живой души в клубе и безмолвно манили меня их прочесть. Глаза защипало от буйства красок и сюжетов. Я двинулась по стеночке, к тому месту, где, как мне казалось, оставила друзей, но там их не было. Зато я нащупала знакомую пульсирующую нить, бессознательно выщепив ее из общего клубка. Я не видела от кого тянулась нить, но знала наверняка, к кому она меня приведет. Как Тесей в лабиринте Минотавра, я ухватилась за нить и двинулась на ощупь, пока не добралась до барной стойки в конце зала. Вот только на том конце меня ждала не Хельга, чье присутствие я ощущала кончиками пальцев, а Макс. Нить цеплялась за его мизинец и, оплетая руку, уходила в сердце, где сплеталась воедино с остальными волокнами нити судьбы.

Макс увидел меня и махнула рукой. Хельга стояла ко мне спиной, но в этот момент обернулась и подняла вверх заказанный для меня бокал с коктейлем. Другой конец красной нити кокетливым бантиком крепился к ее пальцам.

— Мы уже хотели идти тебя искать, — прокричала она мне на ухо. — У тебя все хорошо?

— Кажется, у меня аллергия на тушь, — соврала я, принимая бокал из ее рук. Отговорку я придумала ещё в туалете и сейчас была этому рада, так как мой мозг очень туго соображал. Я не могла отвести взгляда от красной нити, протянувшейся между моей лучшей подругой и бывшим парнем. Вывод, который напрашивался сам собой никак не хотел укладываться в

моей голове. Макс был предназначен Хельге судьбой. Мне отводилась скромная роль того, кто сведёт их вместе. Черное платье и правда было не кстати.

— Call me destiny... — пробормотала я, чувствуя на губах горечь. Я поднесла бокал с коктейлем к губам. — А на что я ещё рассчитывала?...

4.

— Я мерзкая двуличная пародия на подругу!

Карандаш яростно летал над бумагой, рисуя сюжет, в котором какой-то парень ломает ногу, упав с лестницы прямо перед вступительным экзаменом. Дойдя до прорисовки перил, я так сильно надавила на карандаш, что грифель треснул и в бумаге появилась небольшая дырка, прямо с том месте, где перил касалась рука моего героя. Кажется, переломом ноги он не отделается.

— С другой стороны, Хельга могла бы заполучить любого парня, а я тоже имею право на счастье…

Рокки игнорировал мои стенания. Пока я была на концерте, он перевернул весь дом вверх дном и теперь заслуженно отдыхал, уткнувшись носом в хвост. Я же, после случайно сделанного открытия не могла уснуть. Меня раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, в том, что у нас с Максом ничего не сложилось не было вины Хельги. Решение расстаться было моим. С другой стороны, я теперь не могла отделаться от ощущения, что произошло это исключительно потому, что Максу было суждено влюбиться в мою лучшую подругу.

Самое отвратительное было то, что Макс не отходил от меня до конца концерта: покупал коктейли, обнимал за плечи и всячески старался поддержать разговор, суть которого уплывала от меня в свете недавних открытий. Хельга вела себя еще отвратительнее: заговорщицки подмигивала и все норовила оставить нас с Максом вдвоем, а под конец так практически заставила его проводить меня до дома. У подъезда Макс задержался и долго держал мои руки в своих. Не знай я, что этих двоих связывает красная нить судьбы, наверное, решилась бы первой поцеловать его. Однако теперь к невольному приятному возбуждению примешалось чувство отвращения, как будто я пыталась соблазнить чужого мужчину. Мои пальцы пробежались по узелку на его мизинце. Бессознательно я просунула палец в петлю и легонько потянула. Нить поддалась, узелок почти разошелся. Вместо страстного поцелуя, на прощание я неловко чмокнула Макса в щеку и поспешно убежала в подъезд. С колотящимся сердцем я смотрела из подъездного окна, как Макс топчется на месте в ожидании такси и надеялась, что ему не придет в голову поднять глаза наверх.

— Значит ли это, что я могу перевязывать нити судьбы? Как Лахеса?

Рокки зарылся носом глубже в собственный мех. Ему не было дела до моих земных переживаний. Я заточила карандаш и вернулась к работе.

Парень на картине сморщился от боли. Он не позовет на помощь, не поедет в травмпункт, он встанет, тяжело опираясь на стену и попытается дойти до такси. Только сев в машину и заметив следы крови на новых брюках, он вынужден будет признать, что экзамен придется пропустить. Он будет клясть судьбу и сокрушаться, что шанс всей его жизни загублен.

— Но ведь Хельга не хочет быть с Максом, — вслух рассуждала я с маниакальной дотошностью накладывая тени на батарею в подъезде. — Она хочет быть со своим придурком Танелем.

Моя рука зависла над бумагой. Мне почудилось, что я слышу тихий скребущийся звук, словно мышь копошится под полом. Впрочем, живых мышей я видела только в зоомагазине, откуда мне знать, с каким звуком они копошатся?

— Вот если бы я могла перевязать нити... — меня охватила новая идея, и мой злосчастный герой получил по носу стирательной резинкой. — Я бы могла привязать Танеля к Хельге, а Макса к…

Мне не показалось. Рокки, разбуженый странным шумом, поднял голову и принюхался. Звук доносился со стороны квартиры. Отложив карандаш, я открыла дверь ведущую в шкаф и протиснулась между курток. Мне не от кого было прятаться, и шкаф я оставляла широко открытым, однако сейчас кто-то прикрыл дверцу и изучал содержимое ящик рядом стоящего комода. Кто-то был намного больше мыши.

В мою квартиру проник вор, но прячась в шкафу, я чувствовала себя так, словно это я сама оказалась в квартире незаконно. Страха не было, скорее любопытство. Мне хотелось подольше понаблюдать за вором и за тем, что он будет делать. Меня странным образом пьянила мысль о том, что он не знает, что я здесь.

А ведь его судьба в моих руках. Я могу сейчас вернуться в мастерскую, найти альбом и нарисовать, как его забирает полиция. Или как он находит шкатулку с драгоценностями и потом всю жизнь будет вынужден прятаться, не в силах ни продать, ни выкинуть эти сокровища. Могу нарисовать ему девушку, которая наставит его на путь истинный, или друга, который ввергнет его на самое дно.

Убедившись, что в квартире никого нет (в шкафу то ему не пришло в голову проверить), вор включил свет. Через щель, между дверью и шкафом, мне не удалось бы хорошо рассмотреть фигуру парня, но в глаза сразу бросились огненно-рыжие волосы. В первую секунду я подумала, что это брат опустился до того, чтобы прокрасться в бабушкину квартиру, пока меня нет. Однако вор был выше моего брата и явно моложе. К тому же брат в первую очередь заинтересовался бы вещами, оставшимися от бабушки, в то время как вор потянулся руками к сумке от ноутбука. Она осталась от предыдущего ноутбука и была слишком большая для нового. Я хранила в ней документы и старые конспекты, иногда книги.

— На твоем месте я бы на многое не рассчитывала.

Я почувствовала себя героиней кино. Вооружившись заточенным карандашом, я вышла из шкафа. Вор попятился и шлёпнулся на пол, запнувшись о лямку. Вид у него был растерянный. Я с любопытством разглядывала его, уверенная в том, что вор не причинит мне вреда. У него было знакомое лицо. Я точно где-то его уже видела, хоть и не могла припомнить, где именно. Острый подбородок, ямочки на щеках и добрые карие глаза с опущенными вниз уголками — парень совершенно не производил впечатление отпетого мошенника. Изобрази я его на картине, это был бы сюжет о всеми любимом шалопае, которому все сходит с рук. Парень запустил пятерню в волосы и неловко улыбнулся. Или, это должно было бы обаятельно?

— Откуда ты здесь взялась?

— Из шкафа.

— Ты пряталась в шкафу?

Рокки залез к вору на колени, уперся лапками в грудь и практически уткнулся носом в лицо. Парень замер, не сводя напряженного взгляда с хорька, пока тот его обнюхивал.

— Большая крыска…

— Это Злой Рок, — предупредила я. Рокки закончил осмотр и спрыгнул на пол. — И не советую называть его крысой.

— Оригинально… — проворчал парень, поднимаясь на ноги. Оказалось, он выше меня головы на полторы. Посмотрев сверху вниз, парень еще раз улыбнулся. На этот раз точно обаятельно. Я невольно смутилась и потупила глаза, позабыв, что это я здесь хозяйка, а он не гость, а вор, проникший в мой дом.

Вор, видя какое произвел на меня впечатление, попытался протиснуться к выходу, но там его уже ждал Рокки. Парень вздрогнул и беспомощно замер. Кажется, пушистая тушка внушала ему настоящий ужас. Решила, если он не представится, буду звать его Юджин, уж очень все это напоминало сцену из «Рапунцель».

Что делать с Юджином, я не имела ни малейшего представления. Вызывать полицию мне не хотелось, но если позволить ему просто сбежать, он ведь может вернуться. К тому же, откуда

мне было знать, что он действительно не прячет пистолет за спиной, или нож, которым прирежет меня, стоит только отвернуться. Курсов по самообороне я не проходила, единоборствами в детстве не занималась, моим единственным оружием против вора был простой карандаш, который я все еще сжимала в руке.

— Пойдем на кухню, — сказала я, переложив карандаш из одной руки в другую. — Там освещение лучше.

Юджин посмотрел на меня, как на сумасшедшую. У него были на то все основания. Однако единственный способ убедиться в том, что он не представляет для меня опасности, состоял в том, чтобы нарисовать его судьбу. И желательно как можно дальше от моего дома.

— Я нарисую тебя, — терпеливо пояснила я. — Потом ты уйдешь.

Рокки утвердительно гугукнул и ткнул Юджина носом в ногу. Парня передернуло не то от холода, не то от отвращения. Его лицо лучше всяких слов говорило о том, что он проклинает себя за выбор квартиры для взлома.

— Зачем тебе мой портрет? Отнесешь в полицию?

На кухне я включила свет и усадила Юджина возле окна. Мне не хотелось оставлять его одного, чтобы сходить в мастерскую за бумагой, так что я сняла с холодильника старый счет за электричество и принялась рисовать на обратной стороне.

— Было бы проще просто вызвать полицию.

— Вот именно.

Мне нравилось издеваться над своим вором, нравилось создавать образ эдакой эксцентричной творческой дамы. Главное было не перестараться.

— Расскажи о себе, — потребовала я, схематично наметив расположение глаз, носа и губ.

— Смотрю, не спать по ночам входит в привычку.

К счастью, Ба не материализовалась в воздухе прямо на кухне, а выплыла откуда-то из темноты коридора. Однако и такого появления было достаточно, чтобы перепугать взвинченного Юджина. Он побледнел так, словно увидел приведение и вскочил с места. Ба едва ли удостоила его взглядом. С хозяйским видом она прошла к плите и открыла дверцу верхней полки. Роста Ба не хватало, чтобы залезть туда, так что она взяла стул, на котором чуть раньше сидел незадачливый вор, пододвинула его и встала ногами.

— Корица! — в голосе Ба послышалась неподдельная радость. — Вот теперь я покажу тебе, что такое настоящий пряный кофе. Ты потом вовек другой пить не сможешь.

Она слезла со стула и как будто впервые увидела, что я на кухне не одна.

— Отпусти юношу, тигренок. Он и так уже за сегодня натерпелся.

— Но я хотела его нарисовать...

Юджин маленькими шажками пятился в сторону выхода, но я не стала его останавливать. Думаю, после сегодняшнего шоу, он вряд ли решится ещё раз залезть в мою квартиру. Впрочем, я все равно сделала мысленную пометку поменять замки.

Ба довольно мурча себе под нос, достала турку и поставила ее на газ, из сушилки выудила две фарфоровые чашки. Я закусила кончик карандаша, размышляя над тем, стоит ли попробовать закончить портрет по памяти, или оставить как есть.

— Оставь эту гиблую затею — сказала Ба, не отрываясь от процесса варки идеального кофе. В отличие от бабушки, Ба засыпала смолотый кофе прямо в турку и давала ему немного прогреться. Только после этого она добавляла воду и перемешивала.

— Почему? — спросила я, из вредности продолжая рисовать портрет. Черты лица Юджина крепко засели у меня в памяти и скоро на бумаге обозначился знакомый образ. Он довольно симпатичный, если стереть с лица растерянное выражение. Я вспомнила, где уже видела его. Это с ним я столкнулась в подъезде пару дней назад. Должно быть тогда он осматривался и искал какую бы квартиру ограбить. Почему, интересно, он остановил свой выбор на моей?

— Потому что он вор.

Ба сняла турку с плиты и постучала донышком о столешницу. На этом этапе их с бабушкой методики варки кофе совпадали. Гуща опустилась, и Ба вернула турку на газ.

— Я знаю, — меня веселила мысль, что я становлюсь такой же невозмутимой, как Ба. — И что, у Вора не может быть интересной судьбы?

Я попробовала представить, что могло бы ждать его в будущем, но за внешним портретом не рождалось ни одного сюжета. Рисунок не оживал под моими пальцами и не сообщал мне о Юджине ничего нового.

— Может. Только она ему не принадлежит, — Ба по-хозяйски проверила полочки в поисках чего-нибудь сладкого. Я махнула рукой в сторону холодильника, где должен был остаться кусочек яблочного пирога, который испекла тетя Вера. У нее, кажется, был день рождения, но единственный внук, сославшись на дела, так и не приехал.

— Судьба никому не принадлежит, разве нет? — спросила я, думая, что это что-то вроде проверки. Усвоила ли я урок после встречи с богом. Однако, Ба цокнула языком, словно я сморозила глупость. Она достала пирог и поставила его на стол, вместе с разлитым по чашкам кофе.

— Мальчишка проживает чужую судьбу. Он ее украл.

— Как это?

Я подалась вперед. Мысль о том, что чужую судьбу можно позаимствовать или украсть живо откликнулась в моей душе. Оставалось надеяться только на то, что Ба не придаст значения моему оживлению и продолжит рассказ.

— Иногда так случается. Когда Лахеса еще слишком молода и не способна все держать под контролем.

— Разве Лахеса, — математика у меня в голове не складывалась, — не твоя ровесница?

Ба рассмеялась, но меня напугала горечь, поступивших в этом смехе. Я пожалела о том, что спросила.

— Помнишь, тигренок, я говорила, что у каждого дара есть своя цена? — Ба резко стала серьёзной. Морщинки вокруг глаз разгладились, а уголки губ опустились вниз, вытянувшись в тонкую линию.

— Лахеса, как и все живые на этой земле, не властна над своей судьбой. Она встречает каждого новорождённого и дарует ему судьбу до тех пор, пока не приведет в этот мир собственное дитя.

Ба сделала долгую паузу. Она водила пальцем по ободку кофейной чашки, не глядя на меня. Мне показалось, что за маской равнодушия я увидела настоящие эмоции. И это была не радость или веселье, а тяжёлое, густое облако тоски, которое обволакивало фигуру богини прошлого. Мне захотелось, чтобы Ба ничего мне не рассказывала. Пусть бы она замолчала как всегда на самом интересном месте и перевела тему. Но Ба продолжала:

— Лахеса всегда умирает в родах. И рождённый ребёнок становится ее новым воплощением. Таким образом последний, чью судьбу определяет Лахеса — это она сама. Такой вот своеобразный уроборос.

Мне вспомнилась наша встреча с Лахесой в роддоме. Тогда она сказала «мы». «Мы предпочитаем имя не менять». Каково это, с самого своего рождения знать, что умрёшь молодой? Каково это, наблюдать за рождением и взрослением тысяч детей, зная, что никогда не сможешь взять на руки своего?

— То есть, если Лахеса не забеременеет, она никогда не умрёт? — уточнила я. Если выбор стоит между — никогда не рожать, и умереть молодой в родах, ответ казался очевидным, но Ба так не считала. С ее губ вот-вот должно было сорваться пресловутое: от судьбы не уйдёшь.

— Да в конце то концов! — взорвалась я, не дожидаясь ее реплики. — Кто, зная свою судьбу, не попробует ее изменить?!

— Тот, кто знает, что это бесполезно.

— Но ведь судьбы меняются, нити перевязываются... — я прикусила язык, понимая, что сболтнула лишнего. Ба сделала глоток кофе и закрыла глаза, наслаждаясь вкусом. Я последовала ее примеру, больше для того, чтобы чем-то занять руки. Однако кофе и правда имел приятный пряный вкус, не такой терпкий как бабушкин кофе с кардамоном, но яркий, согревающий. К счастью, я не успела добавить молоко. Оно здесь было бы совершенно не к месту.

— Не пытайся изменить судьбу мальчишки, — Ба открыла глаза и кивнула на портрет у меня на коленях. — Он слишком долго прожил в чужой шкуре, теперь ему отведена совсем иная роль....

5.

— Они расстались! — в голосе Хельги слышалась такая неподдельная радость, что у меня неприятно засосало под ложечкой. Хотелось взять ее за плечи и хорошенько стряхнуть, напомнить обо всех тех грехах Танеля, которые мы успели обсудить за последние пару недель, но что-то мне подсказывало, что это будет бесполезно.

Я беспомощно оглянулась на свою потенциальную начальницу. Она, бросив недовольный взгляд, вышла к покупателям вместо меня.

— Слушай, Хель, мне сейчас не очень удобно говорить…

— Прости, прости, — прощебетала Хельга. Такой счастливой я давно ее не слышала. — Я думала ты дома.

— Нет, я в «Рафе». На пробном дне.

Идея устроиться на подработку пришла мне в голову спонтанно. В очередной раз поругавшись с мамой из-за «простаивающего» наследства, которое можно было бы поделить с братом, я поняла, что, если хочу и дальше жить в бабушкиной квартире, пора спуститься с небес на землю и найти работу. Объявление о поиске официантки в кофейню появилось как раз кстати. Вот только заведующей я не понравилась с первого взгляда.

— Работать за кассой умеете? — спросила она, поджав губы. Я отрицательно покачала головой. — А опыт работы бариста есть?

— Я художница. Могу делать красивые латте-арты, — неуверенно ответила я. Заведующая распорядилась, чтобы мне выдали форму и сказала, что я должна отработать пробный день. В итоге, пробный день закончился через четыре часа. Основная работница, девушка едва закончившая школу, подошла ко мне и сказала, что я могу идти домой.

— А как же работа? — уточнила я.

— Заведующая тебе позвонит, — сказала девушка таким тоном, что сразу стало ясно — звонка ждать не стоит. Чувствуя себя униженной, я быстро переоделась и выскочила из кафе. На ступеньках я оступилась и полетела вниз, как недавний герой моей картины, но тут кто-то поймал меня за локоть.

— Осторожнее, солнце, куда ты так летишь?

Меня передернуло от фамильярного обращения и тона, которым оно было сказано. Я одернула руку и хмуро посмотрела на Танеля, собственной персоной. Продемонстрировав белоснежные на фоне смуглого лица зубы, Танель чуть сильнее сдавил мой локоть.

— Хельга не с тобой? — он посмотрел на дверь кафе, в ожидании, что сейчас из нее выйдет моя подруга.

— Не трогай меня! — я отдернула руку. Танель был мне неприятен, как внутренне, так и внешне: его сальные дреды, торчащие во все стороны, нелепые усики над мясистыми красными губами, которые вечно блестели так, словно были выпачканы в жире, затасканные футболки с провокационными принтами. Вот из-за таких личностей творческих людей ставят в один ряд

с асоциалами. Что только нашла в нем моя красавица Хельга? Говорят, конечно, что противоположности притягиваются, но это было уже чересчур.

— Спокойно! — Танель поднял руки, словно сдается. На левом плече у него раскачивалась сумка для фотоаппарата. Небрежен в одежде, но о технике заботится, как о родных детях, ни разу не видела, чтобы он оставлял ее где-то без присмотра. По окончании работы у него был целый ритуал по чистке камеры и аксессуаров. Если он взял фотоаппарат с собой, значит пришел в кафе по работе. Хорошо, что меня отпустили пораньше. Не хотела бы я попасть в кадр.

Фотоаппарат был крепко привязан к Танелю нитями судьбы. Для него это было не минутное увлечение, но призвание и смысл жизни. Я привыкла воспринимать фотографии Танеля, пропуская их через фильтр личной неприязни к автору, но надо признать, в отрыве от создателя, его работы действительно были хороши. Они дышали, жили собственной жизнью. Танелю всегда удавалось увидеть то, на что другой даже не обратил бы внимание, выцепить деталь, которая перевернёт композицию с ног на голову, добавив особый подтекст. Остановив взгляд на линии судьбы, я невольно потянулась к ней руками. Танель осклабился, приняв это за жест примирения.

— Держись подальше от Хельги, — невпопад бросила я и поспешила уйти прочь. Ноги сами несли меня вперед. В мыслях образ Танеля накладывался на образ Макса. Сравнение не в пользу первого. Макс выше, красивее, а главное адекватнее. Однако Хельге все равно был нужен Танель. Так почему я должна уступать ей своего бывшего?

Я не сразу поняла, что все еще держу в руках красную нить Танеля. Она щекоча пробегала между пальцев по мере моего отдаления. На том конце нее должна была быть та, с кому Танелю суждено разделить жизнь, истинная половинка. Раздираемся любопытством, я продолжила идти вдоль нити. На день все равно больше не было никаких планов, так почему бы не воспользоваться своим особым даром, и не узнать кто же там, на том месте, куда так хочет попасть Хельга?

Чем дольше я держала в руках красную нить, тем отчётливее рождались образы в моей голове. Сюжеты для новых картин, в центре которых патлатый фотограф и неизвестная мне пока девушка с выпирающими ключицами.

Они встретятся на мастер-классе. Он — один из фотографов, она — модель, которую не предупредили, что съёмка планируется без одежды. Она пугливо сжимает синюю ткань, в которую ее задрапировали, а он отвлекает ее болтовней.

Следующий кадр: празднование дня рождения. Она в розовом платье как куколка, на голове диадема, глаза лучатся счастьем. Он рядом, с неизменной камерой в руках.

Ещё один кадр: переезд на новую квартиру. Отдельная комната для мастерской. Он нежно расставляет аппатуру и обустраивать рабочее пространство. Она ютится на кухне, так и не распаковал сумку с собственными вещами.

Прошло три года. Она беременна. Он зол. Слишком рано все произошло. Он не готов, у него слишком много работы. Она все чаще плачет по ночам в подушку, пока он сидит в своей мастерской, женатый не на женщине, но на работе.

Маленький сын боится помешать отцу. Они ходят на цыпочках и едят на улице. Папу раздражают лишние звуки. Мама гладит сына по голове и шепчет на ухо сказку о волшебном ветре, который подхватит мальчика и унесёт далеко-далеко.

Прошло пятнадцать лет. Сын вырос и сбежал из дома. Она осталась одна. Он все так же пропадает в мастерской. Они живут друг с другом только номинально, как брат с сестрой. Она уже давно не помнит, каково это, когда к тебе прикасается любящий мужчина. Она больше не плачет.

Я столкнулась с ней у входа в университетскую библиотеку. Невысокая светловолосая фигурка в джинсовом комбинезоне. В руках стопка прочитанных книг: Диккенс, Пруст, Гессе.

Она с трудом тащит их, не разбирая дороги. Руки трясутся, стопка вот-вот развалится. И как только ее угораздит оказаться на той фотосессии?

Бах!

Стопка развалилась, книги в беспорядке полетели на пол. Я бросила нить и кинулась на помощь. Девушка торопливо осматривала каждую поднятую книгу, проверяя, не загнулись ли листы и не порвался ли корешок. Я протянула ей поднятый томик. Это оказалось «Дамское сердце» Золя, старое, потрёпанное издание. Еще одного такого падения оно не переживет.

— Я помогу донести, — предложила я. Девушка благодарно улыбнулась, и мы разделили стопку пополам. Я чувствовала себя злодейкой. Сначала я всерьез раздумывала о том, чтобы отвязать нить предназначенной Танелю девушки и заменить ее на другую. Так сказать, преподнести Хельге ее ненаглядного на блюдечке с красным бантиком. Теперь же, видя всю картину целиком, я испытывала облегчение от мысли, что эта судьба достанется не Хельге. О том, заслужила ли такое «счастье» девушка с книгами, я старалась не думать.

Мы зашли в библиотеку и поднялись на второй этаж. Встречный парень придержал дверь, чтобы мы могли войти в зал с зарубежной литературой. Пока девушка складывала принесенные книги аккуратной стопочкой перед библиотекарем, я внимательно смотрела на не, представляя, что стало бы с ее судьбой, отвяжи я прямо сейчас ее красную нить? Обрела бы она свое собственное счастье, или зачахла бы, не понимая, что так тяжко сдавливает грудь и заставляет чувствовать непонятную утрату. А ее сын, милый, напуганный мальчуган с такими же как у матери большими глазами. Если я разорву связь между Танелем и этой девушкой, мальчик даже не появится на свет. Хотя нет, появился бы. Чему меня научила история с Эммой, так это тому, что судьба всегда найдет лазейку. Чему быть, того не миновать.

— Вам чем-то помочь?

Я подняла глаза на библиотекаршу. В меня уперлись два холодных серых глаза, от которых не ускользнул ни мой интерес к красной нити, ни мои метания относительно ее целостности. Лицо, частью которого были эти глаза, не дрогнуло, не выдало ни единым мускулом, что мы знакомы. В то время, как моя собственная челюсть окаменела в приоткрытом от изумления положении. В скромном твидовом костюме и с полукруглыми очками на носу, за стойкой в библиотеке стояла Лахеса.

6.

Оказывается, за читальным залом в университетской библиотеке была маленькая потайная комната. Дверь туда находилась под лестницей и практически сливалась со стеной, если не знать, что она там, не найдёшь. Внутри было небольшое темное помещение, куда стаскивали старые, нуждавшиеся в реставрации книги. Витражное окно-розетка подсказывало, что комната находится прямо над главным входом в здание. Прямо под окном стоял рабочий стол Лахесы. Сейчас на нем покоился разчлененный томик Кафки. Пахло клеем, лаком и старой кожей, почти как у меня в мастерской.

— Значит, ты работаешь в библиотеке?

Лахеса пропустила меня вперед и плотно заперла за нами дверь. Я неловко переминалась с ноги на ногу, не зная, куда деться. Единственным стулом в комнате был тот, что стоял у рабоче стола и я не решалась на него сесть.

— А ты думала, что я живу в сыром подземелье и в свободное время плету золотую паутину?

Образ получился интересный. Мне сразу захотелось его нарисовать. Тем более, что мне действительно казалось, что Лахеса ведёт отшельнический образ жизни.

— Ба не нравится, что я так привязана к своей «прошлой» жизни, — я сделала знак пальцами, давая понять, что для меня «прошлая» и «нынешняя» жизнь неотделимы. Лахеса скептически подняла бровь.

— Вот я и подумала, что это некое негласное правило для... таких как мы, — закончила я, с раздражением слыша в собственном голосе извиняющиеся нотки. Теперь я знала, что Лахеса не на много меня старше, а потому не имеет никакого права смотреть на меня свысока.

— У Урд есть свои причины, — медленно сказала Лахеса, взвешивая каждое слово. По моей спине пробежали мурашки, и я невольно передернула плечами. Лахеса подошла к столу и сделала вид, что проверяет, как проклеился переплет. Она избегала смотреть на меня. — Моя жизнь достаточно коротка, чтобы прожить ее так, как хочется. У Настоящего... другая судьба.

Мне показалось, или Лахеса выглядела виноватой? Я нахмурилась, ожидая продолжения, и покачала головой. Разговор вышел на тонкий лед, но на том берегу манила долгожданная информация о моей предшественнице. Неужели я была права и к исчезновению Пряхи эта парочка непосредственно приложила руки? Впрочем, было в словах Лахесы ещё кое-что, отчего мне стало не по себе:

— Так ты знаешь о том, что... — я замялась, не зная, как говорить о таком вслух.

— Что умру в возрасте двадцати девяти лет во время родов? — избавила меня от мучений Лахеса. Она говорила между делом, натягивая черные перчатки для работы с книгой, но до Ба ей в искусстве безразличия было далеко. Голос Лахесы слегда дрогнул в конце. — Дорогая, я богиня будущего, я вижу судьбу каждого детеныша, появившегося на этот свет, в том числе свою.

— И тебя это не пугает?

В глазах Лахесы не было былого высокомерия, но некоторая снисходительность, как к пятилетке-почемучке. Должно быть, этот внутренний снобизм передавался в перерождениях Лахесы из поколения в поколение. Я решила перевести тему:

— А ты знаешь мою судьбу? Знаешь, что стало с предыдущей Пряхой? Это тоже какой-то... цикл?

Я прикусила язык, в попытках остановить поток вопросов, пока в них не потонул главный. Лахеса, в отличие от Ба, отвечала на вопросы прямо, а я много что хотела узнать.

Лахеса сняла перчатки и скрутила их так, словно пыталась отжать. В комнате вдруг стало очень жарко. Я чувствовала, что вплотную подобралась к чему-то очень важному и теперь главное не передавить, не спугнуть.

Но Лахеса не успела мне толком ничего рассказать. В дверь постучали. В проёме показалась пшеничная голова, а вслед за ней и весь ее обладатель.

Коренастый парень с квадратной челюстью и не правильной формой носа был больше похож на профессионального борца, а не на завсегдатая библиотеки. Однако одет он был не в спортивный костюм, а в джинсы и рубашку. Пиджак, изрядно помятый, он закинул на плечо. Рубашка как будто специально, плотно облегала накачанные мышцы рук и торса. Лицо парня являлось наглядным примером того, как можно выглядеть одновременно дерзко и смущённо. Глубоко посаженые голубые глаза чуть щурились в полумраке мастерской, а губы, явно не привыкшие к такому положению, неуклюже разъезжались в улыбке.

— Я не помешал? — голос низкий, прокуренный. Мне невольно захотелось откашляться вместо него. Лахеса зарделась и облизала пересохшие губы.

— Нет, Йорген, проходи.

Йорген сделал пару шагов и уперся взглядом в меня. Дальше идти было не куда. В явном замешательстве, он ткнул в меня принесенной коробкой шоколадных конфет.

— Это... моя сестра, — Лахеса взяла коробку и бросила на меня предупреждающий взгляд. Мне было все равно, как именно она меня представит. Я беззастенчиво изучала нового знакомого, а точнее, то, что кроме меня и моей новообретенной сестры разглядеть никто был бы не в состоянии. Блеклая нить судьбы была скручена плотным жгутом, как будто ее только что сотворили: ни узелков, ни петель — ровная, спокойная жизнь человека, который и звезд с неба не хватает, но и особой нужды никогда не познает. Скучно настолько, что даже рисо-

вать не хотелось. Однако стоило Лахесе взглянуть на парня, как тоненькая красная ниточка вспыхнула и затрепеталась как перо на ветру. Я проследила взглядом туда, куда она тянется и чуть не поперхнулась.

— Ты с ним... — начала я, и Лахеса поспешно сунула мне в рот шоколадную конфету.

— Рита, это Йорген, мой практикант. Учу его своему ремеслу.

— Учишь плести?... — я едва успела прожевать конфету, как мне в рот прилетела следующая, в комплекте с тычком под ребра.

— Реставрировать книги, чем ещё по твоему я тут занимаюсь? — Лахеса нервно хихикнула и залилась краской. Парень с трудом отвел взгляд от своей наставницы и взглянул на меня. На других людей он смотрел совсем иначе: тяжело, угрожающе, словно готовился в любую секунду врезать между глаз. Мне захотелось спрятаться.

— Приятно познакомиться, — процедил Йорген так, что между строк явственно читалось: «шла бы ты отсюда». И кто я такая, чтобы сопротивляться? Едва коснувшись пальцами его руки, протянутой для рукопожатия, я отступила в сторону выхода.

— Приятно познакомиться, Йорген, но думаю, мне пора...

— Я провожу тебя, — сказала Лахеса, положив коробку конфет подальше от книг. Глаза Йоргена готовы были испепелить меня на месте. Я поспешно выскочила из реставраторской, бормоча что-то невразумительное. Лахеса настойчиво взяла меня под локоть, остро напоминая в этот момент Ба, и повела к лестнице.

— Ни слова об этом, — процедила она.

— Но он, — я не могла удержаться. — Это от него ты...

— Да. И тебя это не касается.

Лахеса настойчиво вывела меня в фойе и подтолкнула к выходу. Никому это не показалось странным, словно Лахеса каждый день выгоняет посетителей из библиотеки. Уже на пороге здания она вдруг отпустила мою руку и заключила в объятия.

— Что бы ты там не затевала, не делай этого, — сказала Лахеса мне в шею. Ее голос отдавался внутри теплой вибрацией. — Дай жизни течь своим чередом.

— О чем ты?

Одной картиной я могла бы развести эту парочку по разным углам. В голове не укладывалось, что кто-то может знать, что в стоящем перед ним мужчине кроется его погибель и осознанно делать шаг ему навстречу. Однако, мне не хватило бы смелости вмешаться в то, что касалось жизни Ба или Лахесы. Вот если бы она сама попросила...

— Я видела, как ты смотрела на ту девушку, с которой пришла.

Я не сразу поняла, о чем речь. За этот день произошло столько открытий: встреча с Лахесой, ее человеческая работа в библиотеке, парень, в которого она влюблена как школьница или даже больше, раз готова умереть, рожая его дитя — что я совершенно забыла по какой причине изначально оказалась здесь.

— Да, ее судьба не идеальна, но ты не можешь спасти всех. И не должна, — Лахеса крепче сдавила мои ребра при последних словах. Говорила ли она о предназначенной Танеля или о себе самой?

7.

«Страница больше не существует»

— Не правда!

Я проверила ник на опечатки, и нажала на поиск снова.

«Страница больше не существует»

Я сдалась и открыла компьютер, зашла с другого аккаунта и снова вбила в поиске нужный ник.

Страница открылась. Пользователь выставил новое фото четыре минуты назад. Приходилось признать очевидное — Хельга меня заблокировала.

— Как по-взрослому! — заявила я подруге, смотревшей на меня со свежей фотографии. На ней Хельга стояла перед зеркалом с каким-то брендовым кремом в руках и выражением преувеличенного восторга на лице.

«Только что получила посылку от Virois. Совсем скоро покажу вам распаковку».

Среди лайкнувших пост подписчиков был Макс, и мне захотелось взвыть от обиды. То есть меня она заблокировала, а он пусть и дальше фотографии лайкает?! Двуличная змея!

Громко топая босыми ногами, я сходила в коридор, где оставила альбом для зарисовок.

— Они у меня ещё поплатятся, — бурчала я себе под нос, осознавая как глупо это звучит. Стоит мне только внести пару поправок в рисунок, что я сегодня сделала, и они ещё пожалеют.

Я схватила альбом и из-под него на пол упали три белые лилии. Рокки тут же сунул любопытный нос в одну их них и громко чихнул. Весь нос его покрылся липкой оранжевой пыльцой.

— Рокки, фу! — я в ужасе бросилась к питомцу. — Они ядовиты!

Пару лет назад я узнала об этом от Хельги. Они тогда только начали встречаться с Танелем и после очередного свидания он подарил ей охапку белоснежных лилий. Кошка Хельги Тамми в первый же день решила попробовать цветочные лепестки на зуб. Ее срочно увезли к ветеринару на промывание желудка, а перенервничавшая за любимицу Хельга ещё долго вздрагивала при одном упоминании о страшных цветах. Танелю это чуть не стоило отношений, но в итоге сыграло на руку, так как именно он на своей машине повёз Тамми в ветклинику и полночи просидел с Хельгой в ожидании результатов анализов.

Я схватила Рокки и потащила его в ванну, чтобы смыть пыльцу с носа. Хорёк непонимающе гугукал, пока я мыла и вытирала его полотенцем. Параллельно проверила в интернете, вызывают ли лилии такой же токсикоз у хорьков, как у кошек. Ответ был отрицательный, но чат-GPT советовал понаблюдать, нет ли рвоты, и убрать лилии подальше.

Я вернулась в коридор и подняла цветы с пола. Рокки крутился вокруг, вынюхивая старую заначку, чтобы заесть стресс от внезапных банный процедур. Лилии сильно пахли, лепестки смялись, по краям их испещряли жёлтые прожилки — цветы пролежали в коридоре без воды несколько часов. Откуда они только здесь взялись?

У меня не было привычки покупать себе цветы. Последний раз я получала их в подарок от Макса, на день рождения. Макс предпочитал дарить пионы. Говорил, что они похожи на меня: с виду закрытые и сдержанные, но если поставить их в тёплую воду — раскрываются во всей красе. Других поклонников у меня не было, а доступ к квартире кроме меня был только у брата. Но зачем бы он стал покупать цветы и бросать их на тумбочке в коридоре?

Размышляя об этом, я зашла на кухню. Ба энергично работала венчиком, взбивая яйца с молоком в огромной миске. Купленный вчера пакет с мукой стоял полупустой.

— Мы ждём гостей?

Я устала ворчать на внезапные появления Ба. К тому же блинчики у неё с каждым разом получались все вкуснее, а я не ела с самого утра.

— В следующий раз ставь цветы, пожалуйста, в вазу.

Я придвинула стул и забралась сверху, чтобы достать вазу с полки. Ей так редко пользовались, что ваза покрылась толстой пыльной шубой.

— Я позвала Лахесу, — ответила Ба на мой первый вопрос. — Подумала, что нам стоит иногда собираться всем вместе.

Я пожала плечами. Даже у моей матери бывали дни, когда ей хотелось собрать всю семью за одним столом. Даже если она понимала, что закончится это мероприятие руганью и скандалом. На то мы и семья.

Я сунула вазу под кран и натерла губкой для посуды. Черные струйки потекли в раковину.

— Срежь снизу пару сантиметров, — распорядилась Ба, продолжая мешать тесто. — И воды налей попрохладней. Авось удастся реанимировать.

Я кивнула и смыла с вазы пену. Набрала воды. Отяжелевшая ваза выскользнула у меня из рук и упала раковину, залив все вокруг, включая мою одежду, водой.

— Ааагрх! — встряхнула мокрыми руками, борясь с искушением поломать и выбросить цветы в мусорное ведро. Ба оторвалась от своего занятия и (*неужели?!)* с сочувствием, посмотрела на меня.

— Что-то случилось? — спросила она, добавляя ещё немного муки в тесто.

— Да! Нет. Не то чтобы... — я сняла мокрую рубашку и осталась в одной майке, которая, к счастью, оказалась сухой. Будь на месте Ба моя настоящая бабушка, я могла бы рассказать ей про Хельгу, излить душу во всех красках, но Ба, это Ба. Она лишь отмахнётся от моих «мирских» неурядиц и продолжит печь блинчики к приходу Лахесы.

А ведь именно Лахеса во всем виновата. Уж не знаю, чего конкретно она хотела от меня добиться, однако именно ее слова толкнули меня на эту глупую затею. Именно после встречи с ней в библиотеке, я решила взять дело в свои руки. Нет, я не стала менять Хельгу местами с любительницей классики и привязывать ее судьбу к Танелю, однако смотреть спокойно на ее сердечные страдания я тоже не могла. Раз уж ей все равно суждено было обрести счастье с Максом, я решила ускорить этот процесс.

Не скажу, что это решение далось мне легко. На алтарь счастья подруги мне пришлось сложить собственные чувства к бывшему парню. Как только я четко осознала, что Макс мне не принадлежит, моё подсознание начало упорно рисовать картины счастливой жизни с ним. Обрывки свиданий, старые воспоминания, взгляды, я грезила наяву, представляя как Макс, повзрослевший, возмужавший Макс, мог бы ухаживать за мной. Но то были пустые мечты, а в реальном мире мне предстояло много работы.

Идея казалась до смешного простой. Раз эти двое уже связаны друг с другом красной нитью, мне оставалось их только подтолкнуть, предоставить шанс посмотреть друг на друга под новым углом. Так что я написала Максу и предложила встретиться в Кадриорге. День обещал быть солнечным, а парк, в отличие от кинотеатра или клуба, идеально подходил для того, чтобы узнать друг друга получше.

Хельгу я тоже позвала гулять. Не сказала, что будет Макс, но попросила красиво одеться. Предложила, что мы могли бы совместить приятное с полезным и поснимать что-нибудь для ее блога. Так она гарантированно не оказалась бы в старой футболке и джинсах, как на концерте.

Изначально я планировала остаться дома. Сказать, что приболела или что пришлось срочно ехать к родителям на помощь, а самой засесть в мастерской, но я наступила на старые грабли. Мне хотелось знать наверняка, что все удалось. Так что я вооружилась масляной пастелью и альбомом для пленэра, натянула серую толстовку с капюшоном и отправилась в парк. Я так нервничала, что пришла слишком рано и очень боялась столкнуться с кем-то из моих голубков раньше, чем они увидят друг друга.

Хельга меня не подвела. На ней было тонкое кружевное платье шоколадного цвета, выгодно подчеркивающее ее фигуру, и босоножки на высоком, но устойчивое каблуке. Идеальный баланс между элегантностью и удобство в случае, если парочке захочется пройтись. Макияж умеренный, с акцентом на губах, волосы распущены и слегка завиты. Хельга была во всеоружии, но как будто не специально.

Макс тоже хорошо подготовился. Не смотря на жару, он оделся во все черное, но я могла понять почему. Черное создавало неожиданно притягательный образ, оттеняя карие глаза. Я в очередной раз отметила: аккуратная бородка заметно меняется мужское лицо, и в случае Макса в лучшую сторону.

Все шло хорошо. Со своего наблюдательного пункта я не могла расслышать, о чем они говорили, но беседа текла естественно. Хельга много смеялась, Макс активно жестикулировал, иллюстрируя свой рассказ. Я сделала пару счастливых зарисовок в блокноте. Но тут в дело решила вмешаться естественная природа. Просидев больше часа в засаде я очень захотела в

туалет, а отлучившись на минутку в кафе, поняла, что потеряла своих голубков из виду. Мне бы опомниться да пойти домой, но вместо этого я принялась кружить по парку в поисках знакомых фигур. И я их нашла. Столкнулась нос к носу, когда всклокоченная, с ополоумевшими как у сталкера глазами, выскочила из-за японской яблони. Что ещё хуже, при столкновения мои зарисовки выпали из альбома и приземлились равнёхонько у ног Макса.

— Естественно, я сразу оттуда убежала, не сказав им ни слова, — незаметно для себя, я рассказала Ба всю историю. — Я попыталась объяснить Хельге все по телефону. Сказала, что Макс хороший парень и что она достойна большего, чем этот Танель, но кажется, сделала только хуже. Теперь она не хочет со мной знаться, не отвечает на звонки, заблокировала во всех соцсетях и делает вид, что меня не существует.

На сковородке зашипело масло. Ба вылила поварёшку теста на раскаленную поверхность и покрутила сковородкой так, чтобы тесто растеклось по краям. Покончив с этим она взяла мою руку в свои.

— Тебе же нравится этот мальчик? — спросила она, следя одним глазом, чтобы блин не подгорел.

— Какая разница? — насупилась я. — Если он так и так связан с Хельгой?

— Но он тебе нравится, да? — продолжила настаивать Ба. — Ты видишь юношу, которому судьбой положено обрести счастье с твоей подругой. Но что в этот момент видит она? Что ты пытаешься подсунуть ей собственного парня, лишь бы она не ныла о своей несчастной любви? О той любви, которую она, возможно, считает истинной и единственной?

Каждое слово Ба вбивалось в мою грудь осиновым колом.

— Ты должно быть, чувствуешь себя мученицей, готовой уступить того, кто тебе не безразличен лучшей подруге, но подумай о том, нужна ли ей самой эта твоя жертва?

— Какая жертва? — с тихим хлопком на соседнем стуле материализовалась Лахеса. Значит, все-таки умеет это делать.

— Бесполезная, — процедила я, высвобождая руки из хватки ба и злобно обрезая несчастные лилии кухонными ножницами. Рокки крутился под ногами в ожидании чего-нибудь вкусного. Придется поставить цветы повыше, чтобы эта любопытная морда не наткнулась на них еще раз.

8.

Это был странный семейный ужин. Ба сделала часть блинчиков с бананом и карамелью, а остальные мы доедали с бабушкиным вареньем. Лахеса принесла с собой подозрительно знакомую коробку шоколадных конфет и свежие карманчики в упаковке с больничной аббревиатурой. На поясе у нее болталась ключ-карта с фотографией, но я так и не поняла, из библиотеки она, или из какого-нибудь местного роддома.

— Как ты успеваешь ходить на работу и при этом встречать всех новорожденным в этом мире? Разве, например, сейчас никто не рождается? — не удержавшись спросила я. Лахеса для разнообразия пожалела мое невежество и не стала закатывать глаза.

— Богини судьбы существуют одновременно во времени и вне его, — сказала она, кусая карманчик. На носу у нее осталось белое пятнышко творога. Лаки, которую Лахеса взяла с собой, забралась к ней на колени в отчаянной попытке дотянуться и слизать творог.

— Поэтому время в мастерской течёт не так, как за ее порогом? — я сделала вид, что понимаю, но мысль о существовании вне времени не укладывалась у меня в голове. Время было чем-то неотделимым от человеческой жизни, в нем измерялось все: от готовности яйца сваренного всмятку до самой жизни. Представить, что я выпала куда-то из этого общего потока, движущегося в одном направлении, мне было жутко. Словно рыба, которую выбросило на берег, и все что она может, это судорожно вилять плавниками, в надежде, что следующая волна подхватит ее и вернет в море. Я поделилась этой мыслью с сестрами.

Сестры. Ещё одна мысль, которая будоражила моё сознание. Ведь чисто технически, не смотря на разницу в возрасте в несколько тысяч лет, мы действительно были сестрами. Почему-то такое родство не пугало меня, а разливалось в желудке приятным теплом.

— Просто ты не рыба, — хихикнула Лахеса, отбиваясь от настырной ласки. — А морская черепаха.

— А еще богиня, — веско вставила Ба. — Которой должно быть чуждо все человеческое.

Звучало бы убедительнее, если бы в этот самый момент Ба не сделала глоток свежесваренного кофе и не выдохнула с выражением полного блаженства на лице. Я задумалась, не говорит ли пристрастие Ба к пряному кофе о том, что и она не первая Атропос на Земле. Возможно, запах корицы напоминал ей о временах, когда Ба была простой девушкой где-нибудь в Османской империи.

— Почему Урд?

Ба буквально обрезала нити судьбы своим кривым кинжалом, образ греческой Атропос казался более логичным. К тому же Пакахутеректро звал ее Ропа, что могло быть сокращением от все той же Атропос. Однако Лахеса упорно называла ее Урд. Девушка пожала плечами. Я отметила, что сама она, со своей анемично-бледной кожей и серыми глазами, была бы ближе к северянам, чем к грекам. Ей стоило называться Скульд. С другой стороны, я где-то читала, что у скандинавов именно Скульд обрезала нить судьбы, хоть и была богиней будущего, а не прошлого. Где-то система точно дала сбой.

— Будущее всегда смотрит вперед, настоящее существует здесь и сейчас, а прошлое — вечно, — неожиданно серьёзно ответила Лахеса, спустив расшалившуюся Лаки на пол. Там ее уже поджидал Рокки, игриво куснув подругу за холку. Парочка тут же сцепилась в пушистый клубок и покатилась по полу с приглушенным гугуканьем. — От прошлого не уйти, оно всегда у тебя за спиной.

Ба продолжала наслаждаться напитком так, словно говорили не о ней. Я неловко опустила глаза.

— Ну и Урд просто в два раза короче, — закончила Лахеса, разрежая обстановку.

— Хоть горшком назови, — подала голос Ба, и я с удивлением отметила как морщинки в уголках ее глаз озорно собрались веером. — Это вам молодым важно, чтоб было красиво да благозвучно.

— Мне нравится имя Рита, — поделилась Лахеса, тоже заулыбавшись. — Будь у меня выбор, я бы тоже выбрала что-то покороче.

— А какое имя носила Пряха?

Зря я это спросила. Беззаботная атмосфера вдруг куда-то испарилась. Лахеса сделала вид, что очень внимательно изучает кусочек карамелизированного банана на своём блинчике. Ба со стуком поставила чашку на стол.

— Настоящее существует здесь и сейчас, — строго заметила она. — Так что ж тебя все время тянет в чужую вотчину?

Я стушевалась и потупила глаза. Слова Ба больно укололи меня, особенно сейчас, когда я только начала чувствовать себя своей в этой разношерстной компании. Ба и сама почувствовала, что перестаралась. Она наклонилась ко мне и похлопала меня рукой по коленке. Жест этот тут же привлек внимание Рокки. Он бросил подружку и примчался к нам, в ожидании вкусняшки. Я оторвала кусочек карманчика и протянула ему. Знала, что для него это вредно, но не смогла противиться. Может, я и покупаю его любовь вкусняшками, зато он в последнее время всегда рядом. И уж он точно не будет отчитывать меня как школьницу или блокировать в соцсетях.

— Я просто хотела узнать, почему именно я...

— Бойся своих желаний, тигренок. Иногда их исполнение не сулит ничего хорошего.

Лаки, обиженная тем, что ее променяли на кусок булки с творогом, принялась гонять по полу шарик из смятой бумаги. Лахеса подхватила ее на руки и поцеловала в мокрый носик, затем подняла с пола шарик и развернула его.

— А ты и правда хорошо рисуешь, — похвалила она, разглядывая набросок. Сделав вид, что мне нет дела до похвалы, я скосила глаза на лист у неё в руках. Оказалось, это та злосчастная зарисовка из парка: Макс и Хельга мило беседу, сидя на скамеечке у пруда с утками. Знала бы я, чем это все закончится...

Увидев мою кислую мину Лахеса понимающе хмыкнула.

— Опять пыталась сделать как лучше?

— И опять безрезультатно.

Я зло зыркнула на Ба, но эту женщину взглядом не проймешь, тут нужен огнемет.

— В этот раз никто не умер, — процедила я.

Кроме моего самоуважения.

— Рита, — Лахеса отложила рисунок и повернулась ко мне всем телом. Я приготовилась к длинной отповеди. — Почему ты так хочешь иметь власть над человеческой судьбой? Почему хочешь иметь возможность изменить ее по собственному желанию?

Я оторопела. Вообще-то я не просила об этой силе. Они сами заявились ко мне домой и объявили, что теперь у меня есть дар.

— Чтобы помочь, — слова были правильные, но произнесенные вслух прозвучали как-то фальшиво. — Я могла бы менять жизнь людей к лучшему.

— А откуда ты знаешь, что для людей «лучшее»?

И снова я почувствовала себя маленькой девочкой, которую отчитывают за неправильно решенный пример. Хотелось надуться, сложить руки на груди и сказать, что я так больше не играю.

— Но эти двое связаны друг с другом! — горячо сказала я, ухватившись за единственный аргумент, как за соломинку. — Им суждено быть вместе.

— В будущем, — резонно заметила Лахеса. — А не здесь и сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.